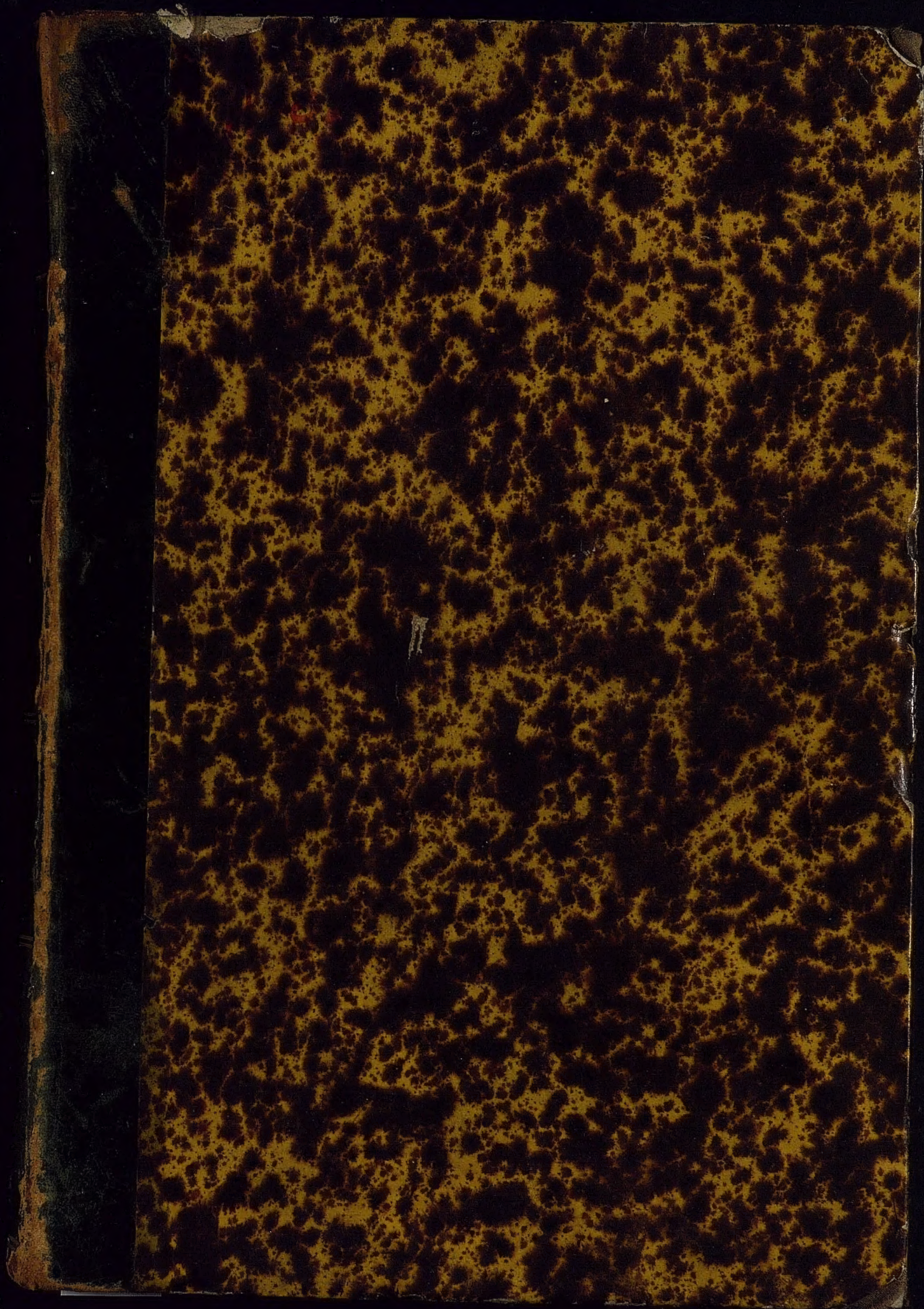

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

1872

КНИЖКА ВТОРАЯ

ФЕВРАЛЬ

МОСКВА
Типографія Московскаго Университета (Катковъ и К°)
На Страстномъ бульварѣ.

КНИЖКА ВТОРАЯ — ФЕВРАЛЬ 1872.

СОВРЕМЕННЫЙ ОТДѢЛЪ.

(*см. на оборотъ*).

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

1872

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

ФЕВРАЛЬ

МОСКВА
Типографія Московскаго Университета (Катковъ и К°).
На Страстномъ бульварѣ.
1872.

ОБЪ ИЗДАНІИ
въ 1872 году
МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ
ЖУРНАЛА
„ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Вступая во второй годъ своего возобновленнаго существованія, „**Юридическій Вѣстникъ**“ съ января 1872 года выходитъ по прежнему ежемѣсячно книжками объемомъ отъ 5 до 8 листовъ и болѣе, при постоянномъ участіи въ трудахъ редакціи **В. И. Кохнова**.

Авторы статей, успѣвшихъ обратить на себя вниманіе общества, **П. Н. Обнинскій, С.л.в.н.в., Н. П. Ляпидевскій, Д. П. Тихомировъ, А. Д. Любавскій, А. М. Хоткевичъ, Л. А. Куперникъ** и др. останутся по прежнему ближайшими сотрудниками нашего журнала.

Кромѣ того въ журналѣ примутъ участіе **Л. Ф. Снегиревъ, И. Ю. Некрасовъ, И. Оршанскій, С. О. Милашевичъ, А. Н. Обнинскій, В. В. Давыдовъ, М. Градъ, Г. Успенскій, С. С. Шайкевичъ, И. И. Тоблеръ** и нѣк. др.

Направленіе, которому журналъ будетъ слѣдовать и на будущее время, достаточно выяснилось изъ вышедшихъ до сихъ поръ книжекъ 1871 года. Оставаясь журналомъ по идеѣ спеціальнымъ, „**Юридическій Вѣстникъ**“ главнымъ образомъ заботится о томъ, чтобы содержаніе статей его, въ широкой сферѣ юридическихъ вопросовъ, по общедоступности и разносторонности своей, представляло интересъ не для одного только юриста, но и приносило существенную пользу для массы читающей публики. Опытъ нѣкоторыхъ повременныхъ изданій въ области права, строго державшихся односторонняго изложенія въ тѣсныхъ рамкахъ отвлеченной спеціальности, достаточно показалъ всю несостоятельность такого ихъ взгляда на дѣло. Судебная реформа, будучи тѣсно связана съ различными сторонами общественной жизни, прямо указываетъ на характеръ дѣятельности, котораго долженъ держаться непосредственный органъ права въ странѣ „**Юридическій Вѣстникъ**“. Смотря на дѣло такимъ образомъ, журналъ нашъ, не упуская изъ виду главной своей цѣли

„изслѣдованій по вопросамъ, относящимся къ разнымъ частямъ права, преимущественно-же гражданскаго и уголовнаго, въ томъ числѣ и судопроизводства", будетъ давать весьма видное мѣсто на страницахъ своихъ разъясненію наиболѣе замѣчательныхъ явленій юридической жизни русскаго народа.

Съ этою цѣлью Редакція проситъ всѣхъ, для кого дорога общественная самостоятельность, принять участіе въ нашемъ журналѣ сообщеніемъ ей всякихъ добросовѣстныхъ изслѣдованій, такъ или иначе касающихся юридическаго быта нашего народа, а также доставленіемъ ей изъ разныхъ мѣстъ Россіи, по преимуществу тѣхъ, гдѣ уже дѣйствуетъ мировой институтъ, наиболѣе характерныхъ случаевъ изъ практики новыхъ судебныхъ учрежденій.

Въ интересахъ общественнаго знанія, **„Юридическій Вѣстникъ"**, оставаясь въ предѣлахъ прежней программы, обратитъ также особенное вниманіе на восполненіе въ читающей публикѣ весьма замѣтныхъ пробѣловъ въ историческихъ свѣдѣніяхъ по различнымъ областямъ права.

Цѣна за 12 книжекъ **пять р.**, съ пересылкою **шесть р.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ въ книжныхъ магазинахъ: **И. Г. Соловьева** на Страстномъ Бульварѣ, **А. И Глазунова** на Кузнецкомъ мосту, **И. П. Анисимова** на Никольской улицѣ, а также въ **редакціи Юридическаго Вѣстника** на Малой Бронной въ д. Фальковской.

Въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ **И. П. Анисимова**, рядомъ съ Императорской Публичной Библіотекой.

Гг. подписчики 1871 года, желающіе вновь подписаться на весь 1872 годъ, приплачиваютъ за 9 книжекъ, съ апрѣльской по декабрьскую 1872 года, **4 р. 50 к.**, высылая, если пожелаютъ, вмѣсто 50 к. почтовыя марки.

Статьи, высылаемыя для напечатанія въ **„Юридическомъ Вѣстникѣ"**, должны быть адресуемы на имя **Московскаго Юридическаго Общества**, въ зданіи Университета.

Редакторы: Профессоръ **В. Н. Лешковъ.**
Присяжный Повѣренный **А. М. Фальковскій.**

ГОДИЧНОЕ ЗАСѢДАНІЕ

МОСКОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

21 февраля 1872 года Московское Юридическое Общество подъ предсѣдательствомъ В. Н. Лешкова, въ составѣ 35 дѣйствительныхъ членовъ, открыло годичное засѣданіе поднесеніемъ, чрезъ секретаря Общества А. М. Фальковскаго, предсѣдателю и почетному своему члену В. Н. Лешкову серебрянаго кубка. Вручая послѣдній, А. М. Фальковскій отъ имени Общества обратился къ Предсѣдателю съ слѣдующимъ привѣтственнымъ словомъ: „Многоуважаемый и достойнѣйшій Василій Николаевичъ! Со времени утвержденія перваго устава Общества, во главѣ учредителей котораго, послѣ имени уважаемаго С. И. Баршева, мы встрѣчаемъ Ваше, Вы непрерывно, за исключеніемъ 1868 года, въ званіи предсѣдателя, раздѣляли наши труды. Неутомимая и просвѣщенная дѣятельность Ваша не угаснетъ въ памяти Общества. Заслуги Ваши неоцѣнимы. Но это не лишаетъ Общество дорогаго права—права, воспользовавшись настоящимъ торжествомъ, упрочить и въ памяти Вашей, посредствомъ внѣшняго знака, воспоминаніе о насъ, о нашей искренней преданности и уваженіи къ Вамъ.“ Глубоко тронутый В. Н. Лешковъ въ короткихъ, но теплыхъ словахъ благодарилъ за выраженное ему расположеніе Общества.

Затѣмъ А. М. Фальковскимъ прочитанъ былъ за истекшій годъ отчетъ о составѣ, средствахъ и дѣятельности Общества, который и утвержденъ Обществомъ.

Послѣ того на основаніи 7 и 8 §§ Устава, утвержденнаго 16 октября 1871 года г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, Общество приступило къ избранію должностныхъ лицъ изъ числадѣйствительныхъ своихъ членовъ, при чемъ избраны: предсѣдателемъ Общества В. Н. Лешковъ, товарищемъ предсѣдателя И. М. Остроглазовъ, секретаремъ А. М. Фальковскій, кандидатомъ на должность секретаря В. И. Кохновъ, казначеемъ М. Я. Шиллингъ и кандидатомъ на должность казначея А. Ф. Марконетъ.

Затѣмъ по предложенію В. Н. Лешкова открыта была подписка для желающихъ поступить въ члены С.-Петербургскаго Общества вспомоществованія бывшимъ воспитанникамъ Московскаго Университета. Въ заключеніе В. Н. Лешковымъ прочтена была статья его „Нѣсколько словъ объ отношеніи гражданскаго римскаго права къ новымъ и къ русскому и гражданскаго права къ праву оборотовъ — къ торговому,“ которая и будетъ помѣщена въ одной изъ ближайшихъ книжекъ нашего журнала.

ОТЧЕТЪ

Московскаго Юридическаго Общества

за 1871 годъ.

(Читанный секретаремъ Общества А. М. Фальковскимъ въ годичномъ засѣданіи 21-го февраля 1872 года).

„Мм. Гг!

Въ годичномъ засѣданіи 17 февраля 1871 года, на основаніи 7 и 8 §§ Устава 17 февраля 1865 года, Обществомъ избраны были: предсѣдателемъ В. Н. Лешковъ, кандидатомъ его Я. И. Любимцевъ, секретаремъ А. М. Фальковскій, кандидатомъ его К. П. Палибинъ, казначеемъ М. Я. Шиллингъ и кандидатомъ его Г. Г. Костаревъ.

Составъ Общества, съ 17 февраля 1871 года, увеличился избраніемъ въ дѣйствительные его члены: Л. Ф. Снегирева, Е. К. Бонташъ, Ф. Ф. Коврайскаго, Д. П. Алферова, Э. Ф. Блюмъ, Н. И. Ласковскаго, А. Ф. Марконета, В. О. Гаркави, Д. П. Суходольскаго, В. Д. Козакова, С. О. Милашевича, И. Ф. Ермолаева, К. И. Савченко, И. И. Тоблеръ, М. Ф. Громницкаго, Д. Е. Рынкевича, Н. И. Смирницкаго, А. Н. Жукова, Г. В. Бертгольдтъ, В. В. Давыдова, Х. Я. Маслова, Л. Э. Трейтеръ, А. П. Соколова, И. П. Салькова, В. И. Высоцкаго, В. И. Чижова, А. И. Сюбилья, П. Н. Обнинскаго, К. П. Барсова, Я. К. Богачевича, С. И. Нальханова, К. С. Гобято, П. А. Демидова, П. В. Мясоѣдова, Н. В. Баснина, П. П. Орлинскаго, Н. И. Белюстина, Д. А. Кучерова, А. М. Пальховскаго, И. Ю. Некрасова и Н. М. Городецкаго; въ члены соревнователи: И. Н. Кушнерева.

Всѣхъ дѣйствительныхъ членовъ Общества состоитъ 214, членовъ соревнователей 16 и членовъ корреспондентовъ 11.

1-го ноября 1871 года, при сообщеніи г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, полученъ новый Уставъ Общества, утвержденный 16 октября 1871 года г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія. Этотъ Уставъ напечатанъ въ январской книжкѣ „Юридическаго Вѣстника."

Продолженіе изданія журнала Общества началось съ апрѣля мѣсяца 1871 года, подъ редакціею В. Н. Лешкова и А. М. Фальковскаго. По настоящее время вышло девять книжекъ.

Состояніе денежной кассы, въ непосредственномъ распоряженіи Редакціи находящейся:

Съ 13 марта 1871 года по 17 февраля 1872 года поступило:

а) Отъ казначея Общества	463 р.	— к.
б) Членскихъ взносовъ и за прежнее изданіе Юридическаго Вѣстника	50 „	— „
в) Отъ подписчиковъ	1560 „	30 „
	2073 р.	30 к.

Изъ нихъ израсходовано по 17 февраля 1872 года:

а) За напечатаніе разныхъ объявленій . .	132 р.	6 к.
б) „ „ „ бланокъ . . .	13 „	— „
в) За переписку разнымъ лицамъ	83 „	— „
г) Корректору и сотруднику по редакціи.	446 „	45 „
д) За стенографическіе отчеты засѣданій Общества	65 „	— „
е) За повѣстки и расходы на полученіе корреспонденцій	15 „	— „
ж) За переводы и статьи Юридическаго Вѣстника	130 „	— „
з) Въ контору типографіи Каткова и К° по 7 счетамъ	1139 „	85 „
и) Наборщикамъ типографіи	27 „	— „
і) Московскому Почтамту за пересылавшіеся безъ предварительной оплаты экземпляры журнала	6 „	50 „
	2057 р.	86 к.

Затѣмъ въ остаткѣ къ 17 февраля 1872 г.	15 р. 44 к.

Примѣч. Отъ коммиссіонеровъ редакціи Гг. Соловьева, Анисимова и Глазунова, по открытой у нихъ подпискѣ, еще расчета не послѣдовало.

Состояніе кассы Юридическаго Общества:

Оставалось отъ 17 февраля 1871 года:	
Наличными	34 „ 65 „
5% билетами	1100 „ — „
Къ тому поступило по 17 февраля 1872 г.	
а) Членскихъ взносовъ и за дипломы	768 „ — „
б) % по купонамъ билетовъ	275 „ — „
Всего съ остаточными	1077 р. 65 к.

Изъ нихъ израсходовано по 17-е февраля 1872 года:	
а) Передано въ редакцію „Юридическаго Вѣстника“	463 р. — к.
б) За храненіе билетовъ въ Банкѣ	5 „ — „
в) На публикацію	2 „ — „
г) Стенографу	30 „ — „
д) За корректуру первыхъ книжекъ журнала	30 „ — „
е) На жалованье и награды письмоводителю и сторожамъ	249 „ — „
ж) На канцелярскіе матеріалы и хозяйство	32 „ — „
	911 р. — к.

Затѣмъ въ остаткѣ къ 17 февраля 1872 года:	
Наличными	166 р. 65 к.
5% билетами	1100 „ — „

Библіотека Общества увеличилась поступленіемъ многихъ повременныхъ изданій въ обмѣнъ „Юридическаго Вѣстника“, а также присланными Императорскимъ Харьковскимъ Университетомъ отчетами и сочиненіями.—Завѣдываніе библіотекою предоставлено Обществомъ дѣйствительному члену А. Ф. Марконетъ.

Въ теченіи 1871 года Общество имѣло еженедѣльныя

засѣданія по понедѣльникамъ, исключая промежутокъ времени отъ іюня до половины августа, когда засѣданія, согласно Уставу, бывали только одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Дѣятельность Общества заключалась въ обсужденіи разныхъ вопросовъ преимущественно гражданскаго, торговаго и уголовнаго права и судопроизводства и въ изданіи журнала, въ которомъ, главнымъ образомъ, принимали участіе дѣйствительные члены Общества. Насколько труды Общества принесли пользу отечественному законовѣдѣнію, это вопросъ, на который мы не считаемъ себя вправѣ отвѣчать, но думаемъ, что дѣятельность Юридическаго Общества, по ея направленію и духу ея одушевляющему, не пройдетъ безслѣдно."

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ

МОСКОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

23 августа 1871 года

Юридическое Общество имѣло обсужденіе по вопросу, предложенному дѣйствительнымъ членомъ А. М. Фальковскимъ:

3) „Обязанъ ли повѣренный отчетностью предъ своимъ довѣрителемъ въ томъ случаѣ, когда между ними не было объ этомъ особаго договора"?

А. М. Фальковскій. Свѣдѣнія, дошедшія до насъ о древнѣйшихъ постановленіяхъ отечественнаго законодательства о довѣренностяхъ,весьма ограниченны. Только со времени Петра Великаго изданы были общія правила по этому предмету. Позднѣйшее законодательство развило болѣе подробно положенія о составленіи, совершеніи, исполненіи и прекращеніи довѣренностей; но о взаимныхъ обязанностяхъ довѣрителя и повѣреннаго гражданскіе законы умалчиваютъ (т. X. зак. гр. ч. I ст. 1618—1621, 2291—2334). Равнымъ образомъ и постановленія о торговой довѣренности (ст. 721 — 749 т. XI уст. торг.) обходятъ этотъ важный вопросъ, который однакоже разрѣшается въ правилахъ о наймѣ купеческихъ прикащиковъ и лавочныхъ сидѣльцевъ (тамъ же ст. 685—720). Въ ст. 709 и 710 положительно выражена обязанность прикащиковъ и сидѣльцевъ *давать своимъ хозяевамъ въ торговыхъ порученіяхъ надлежащіе отчеты по востребованію.*—

Уст. гражд. суд. (20 ноября 1864 г.) опредѣливъ болѣе подробно правила о повѣренныхъ (ст. 245—255), относительно обязанностей сихъ послѣднихъ къ своимъ довѣрителямъ (252—253 ст.), далеко не исчерпываетъ этого предмета.

Въ учр. суд. уст. (ст. 399, 402, 403, 404 и 405), установляющемъ нѣкоторыя юридическія отношенія между присяжными повѣренными и ихъ довѣрителями, я также не нахожу достаточной полноты и отвѣта на предложенный мною вопросъ. Гражданская практика кассаціоннаго департамента правительствующаго сената (рѣш. 1867 г. № 421), установивъ правильный взглядъ на существо довѣренности, *какъ акта, выдаваемаго на основаніи предшествовавшаго между вѣрителемъ и повѣреннымъ соглашенія*, мнѣ кажется, нѣсколько поспѣшно признала, что взаимныя права и обязанности ихъ установляются лишь особымъ о томъ между ними договоромъ. Существуютъ же взаимныя права и обязанности вѣрителя и повѣреннаго, которыя закономъ установлены. Приведенныя мною узаконенія служатъ тому достаточнымъ подтвержденіемъ. Затѣмъ хотя, какъ прежде мною объяснено, на предложенный мною вопросъ и нѣтъ прямаго разрѣшенія въ гражданскихъ законахъ, но въ виду основнаго начала нашего новаго судопроизводства (ст. 10 уст. гражд. судопр.) необходимо разрѣшеніе его, основанное на общемъ смыслѣ законовъ. Взаимныя отношенія вѣрителей и повѣренныхъ охватываютъ собою широкое поле гражданскаго быта. Ими затрогиваются самые дорогіе личные, имущественные и даже нравственные интересы не только частныхъ лицъ, но обществъ, сословій и казны. Поэтому правильное разрѣшеніе занимающаго насъ вопроса чрезвычайно важно. Для достиженія этой цѣли прежде всего обращаю вниманіе Общества, что въ Сводѣ узаконенія о довѣренности и вѣрющихъ письмахъ занимаютъ мѣсто въ раздѣлѣ объ обязательствахъ личныхъ *по договорамъ* въ особенности. Итакъ представительство по довѣренности, за исключеніемъ случаевъ, въ которыхъ оно основывается непосредственно на опредѣленіи закона (т. X. ч. I ст. 175 и 282), имѣетъ основаніемъ своимъ *договоръ*. Этотъ взглядъ раздѣляется лучшими нашими

цивилистами и находитъ подтвержденіе во многихъ положительныхъ законодательствахъ (гражд. улож. царст. польс. 1825 г. ст. 1984, сводъ гражд. узакон. остзейск. губ. ст. 4363 и гражд. улож. итал. кор. ст. 1737). По римскому праву *договоръ* довѣренности налагалъ на повѣреннаго обязанность безвозмездно исполнить взятое на себя порученіе *и отдать въ этомъ отчетъ своему довѣрителю*. Римское право считало слѣдовательно договоръ довѣренности одностороннимъ и безмездымъ, но допускало *mandatum in rem propriam*, когда принятое порученіе связано было съ интересомъ повѣреннаго.

Далѣе позволю себѣ сослаться на ст. 1747 гражд. улож. цар. польск., на ст. 1993 итал. улож. и на 4391 ст. свод. гражд. узак. остз. губ., по которымъ повѣренный признается обязаннымъ дать отчетъ своему вѣрителю. Какія же особенности русскаго гражданскаго права, въ силу которыхъ подобная обязанность повѣреннаго не должна бы имѣть мѣста? Я ихъ не нахожу, а напротивъ того указанныя мною 709 и 710 ст. уст. торг. убѣждаютъ меня въ противномъ. Эти узаконенія хотя и нашли себѣ мѣсто въ постановленіяхъ о личномъ наймѣ, что не совсѣмъ правильно, тѣмъ не менѣе служатъ указаніемъ воззрѣнія законодателя на этотъ предметъ. Принятіемъ довѣренности повѣренный, по мнѣнію моему, положительно обязывается исполнить данное порученіе въ предѣлахъ полномочій; а если это такъ, то вполнѣ справедливо признать за вѣрителемъ и право требованія отчета.

Я. И. Любимцевъ. Предложенный вопросъ слѣдуетъ, по моему мнѣнію, разрѣшить утвердительно. Я полагаю, что повѣренный во всякомъ случаѣ долженъ дать своему довѣрителю отчетъ по дѣлу, исполненіе котораго онъ на себя принялъ. Онъ обязанъ это сдѣлать по разуму договора довѣренности (зак. гражд. ст. 2326), такъ точно какъ взявшій деньги обязанъ ихъ возвратить своему кредитору, хотя бы между ними и не было о томъ особаго договора.

Довѣренность, говоря вообще, есть договоръ, по которому кто-нибудь обязывается для другаго совершить какое-либо дѣйствіе. Въ понятіи договора довѣренности, обяза-

тельство повѣреннаго составляетъ существенную принадлежность этого договора. Конечно, отъ доброй воли повѣреннаго зависѣло соглашаться или несоглашаться на совершеніе дѣйствія, о которомъ просилъ его довѣритель; но согласившись, повѣренный поставилъ себя въ иное совершенно положеніе относительно бывшаго его просителя: что первоначально было для него дѣломъ одного доброжелательства, то самое стало для него впослѣдствіи дѣломъ необходимости. Согласившись на предложеніе довѣрителя, повѣренный сдѣлалъ именно то, что только и нужно для совершенія договора довѣренности, который такимъ образомъ становится для повѣреннаго источникомъ обязательства, и въ довѣрителѣ въ тоже время рождается увѣренность, что обязательство будетъ исполнено волей - неволей, такъ какъ въ случаѣ уклоненія отъ исполненія онъ имѣетъ противъ своего повѣреннаго право иска (зак. гражд. ст. 509, 510, 157). Полномочіе, которымъ при этомъ снабжается повѣренный (procuratio—вѣрющее письмо), нисколько не измѣняетъ отношеній повѣреннаго къ его довѣрителю; полномочіе это свидѣтельствуетъ напротивъ о томъ, что отношенія эти между ними установились окончательно и служатъ только средствомъ къ достиженію цѣли договора; съ этимъ полномочіемъ въ рукахъ повѣренный имѣетъ власть совершить для своего довѣрителя дѣйствіе, но не имѣетъ власти не совершить его.

Итакъ повѣренный обязанъ совершить для своего довѣрителя дѣйствіе, о которомъ состоялось между ними соглашеніе или договоръ. Добровольное исполненіе обязательствъ считается нормальнымъ состояніемъ права, и потому допустимъ, что повѣренный, получившій отъ довѣрителя своего, напримѣръ, деньги на уплату его долговъ, употребилъ эти деньги по назначенію. Оканчиваются ли однако этимъ обязательныя отношенія повѣреннаго къ своему довѣрителю? Уплативши деньги довѣрителя, все-ли повѣренный сдѣлалъ, чего въ правѣ ожидать отъ него довѣритель?

Обязательство вообще заключаетъ въ себѣ признаніе долга, чего-то такого, что кромѣ личнаго стѣсненія производитъ еще болѣе или менѣе ощутительную перемѣну въ самомъ

имуществѣ лица обязавшагося. Ничего однако подобнаго, за исключеніемъ личнаго стѣсненія, нѣтъ въ обязательствѣ повѣреннаго. Повѣренный можетъ продавать и покупать, но во всемъ этомъ mandantis vel domini res agitur; предполагается, что всѣ эти дѣйствія въ лицѣ своего повѣреннаго и чрезъ его посредство совершаетъ самъ довѣритель, и потому отвѣтственнымъ лицомъ или стороною по этимъ оборотамъ будетъ никто другой какъ самъ довѣритель. Очевидно, что дѣйствія, совершеніе которыхъ принялъ на себя повѣренный, могутъ имѣть большое значеніе въ хозяйствѣ довѣрителя. Еслибы дѣйствія эти совершалъ самъ довѣритель, онъ зналъ бы, что они совершены; но и довѣряя совершеніе ихъ другому, довѣритель не отказывался отъ интереса, какой для него соединяется съ знаніемъ того, исполнено ли его препорученіе; но знать объ этомъ онъ можетъ только отъ того, кому дано препорученіе, т. е. отъ повѣреннаго своего. Вотъ почему, обращаясь къ приведенному примѣру, я нахожу, что повѣренный, заплативши долги довѣрителя, обязанъ извѣстить о томъ и своего довѣрителя. Довѣритель, сказано прежде, убѣдившись, что повѣренный согласился совершить для него какое-нибудь дѣйствіе, вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ увѣренность и въ томъ, что дѣйствіе это будетъ имъ совершено, какъ обязательство. И этому чувству увѣренности повѣренный долженъ удовлетворить; но этого онъ не можетъ достигнуть иначе, какъ представивъ доказательства, что принятое имъ на себя порученіе онъ дѣйствительно исполнилъ. Возвращаясь къ своему примѣру, я говорю: недостаточно, если только повѣренный знаетъ, что долги его довѣрителя уплачены, но что вмѣстѣ съ этимъ онъ долженъ препроводить къ довѣрителю и оплаченныя долговыя обязательства или вмѣсто ихъ надлежащія платежныя росписки.

Но извѣщеніе довѣрителя объ уплатѣ его долговъ, сопровождаемое заемными его обязательствами или платежными росписками кредитора, что же это такое со стороны повѣреннаго какъ не отчетъ объ исполненіи имъ своего обязательства? Форма и содержаніе отчета могутъ быть различны; тутъ многое будетъ зависѣть и отъ отношеній, въ какихъ

повѣренный и довѣритель находятся между собою, и еще болѣе отъ свойства самого дѣла. Иной разъ, для своей очистки, повѣренному достаточно будетъ отослать къ своему довѣрителю какую-нибудь копію съ судебнаго постановленія, а другой разъ потребуется представить что нибудь и побольше этаго. Главное въ томъ, что довѣритель въ силу состоявшагося договора довѣренности имѣетъ право ожидать отъ своего повѣреннаго свѣдѣній, по которымъ можно было бы удостовѣриться, что дѣйствіе, бывшее предметомъ ихъ договора, совершено и окончено и что только, по доставленіи такихъ свѣдѣній, о повѣренномъ можно будетъ сказать, что обязательство по договору довѣренности имъ исполнено.

Прежде было сказано, что представленіе отчета требуется въ интересѣ довѣрителя; но это требуется также и въ интересѣ самого повѣреннаго. Добросовѣстность повѣреннаго есть понятіе или чувство, руководствуясь которымъ посторонній человѣкъ ввѣрилъ ему свои интересы. И повѣренный съ своей стороны ни чѣмъ не можетъ доказать своей добросовѣстности по дѣлу такъ ясно, какъ представленіемъ правдиваго отчета, изъ котораго можно было бы видѣть, что изъ всего, что онъ получилъ отъ своего довѣрителя или что онъ собралъ по исполненію довѣренности, ничего имъ у себя не оставлено. Отчетность употребляется иногда и въ смыслѣ отвѣтственности повѣреннаго за дѣйствія свои по исполненію довѣренности; но отчетность въ этомъ смыслѣ, допустивши даже что такое словоупотребленіе правильно, выходитъ уже изъ предѣловъ вопроса, который нынѣ предложенъ на разсмотрѣніе Общества.

Вотъ главныя основанія, почему я сказалъ, что повѣренный во всякомъ случаѣ обязанъ отчетностію передъ своимъ довѣрителемъ, хотя бы объ этомъ и не было между ними особаго договора.

Въ заключеніе позволю прибавить еще одно послѣднее замѣчаніе. Интерпретаторы римскаго права различаютъ въ договорахъ и обязательствахъ троякаго рода принадлежности: существенныя, обыкновенныя и случайныя; это такъ назы-

ваемыя essentialia, naturalia и accidentalia. По понятію о договорѣ довѣренности, какое я желалъ здѣсь представить, мнѣ кажется, что отчетность повѣреннаго слѣдуетъ отнести къ существеннымъ принадлежностямъ договора, потому что безъ этой принадлежности самое понятіе о договорѣ сдѣлалось бы невозможнымъ. Если бы напримѣръ кто нибудь, вручая повѣренному свои деньги, объявилъ при этомъ, что упоминаемыя въ довѣренности денежныя суммы онъ предоставляетъ въ безотчетное распоряженіе своего повѣреннаго, такого рода актъ остался бы довѣренностію по одному только наименованію; на самомъ же дѣлѣ это была бы уже дарственная на движимое имущество запись.

Н. В. Миловъ. Я не раздѣляю римскаго воззрѣнія, по которому договоръ довѣренности почитается одностороннимъ и безмезднымъ. Въ этомъ договорѣ являются участвующими: лицо представляемое (довѣритель) и лицо представляющее (повѣренный). Предметомъ этого договора суть дѣйствія, не противныя законамъ. Существо договора довѣренности нисколько не измѣняется отъ того—будетъ ли онъ безмезднымъ или возмезднымъ. По русскому праву договоръ довѣренности можетъ имѣть и тотъ и другой характеръ. Законъ, помимо соглашенія сторонъ въ немъ участвующихъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ установляетъ вознагражденіе повѣреннаго въ опредѣленномъ размѣрѣ, чему служатъ доказательствомъ правила о вознагражденіи присяжныхъ повѣренныхъ. Что же касается предложеннаго вопроса, то я присоединяюсь къ высказаннымъ мнѣніямъ.

А. И. Харламповичъ. Представительство по довѣренности не всегда имѣетъ своимъ основаніемъ договоръ, почему и опредѣленіе юридическихъ отношеній между довѣрителемъ и повѣреннымъ не можетъ быть поставлено въ исключительную зависимость отъ взаимнаго ихъ соглашенія. Представительство по довѣренности имѣетъ мѣсто и въ частномъ и общественномъ, экономическомъ, хозяйственномъ бытѣ, оно еще бóльшее имѣетъ значеніе въ коммерческомъ мірѣ, гдѣ все совершается чрезъ лицъ уполномоченныхъ или соединенныхъ отношеніями личнаго найма, дающихъ также право

представительства, наконецъ въ самыхъ разнообразныхъ юридическихъ сдѣлкахъ и въ судебной защитѣ представительство по довѣренности получаетъ свое высшее значеніе. Отсюда вытекаетъ необходимость и въ юридическихъ нормахъ, опредѣляющихъ отношенія довѣрителей и повѣренныхъ. Столь важное дѣло не можетъ вполнѣ зависѣть отъ произвола частныхъ лицъ. Я вполнѣ согласенъ съ тѣмъ, что обязанность повѣреннаго отчетностью предъ его довѣрителемъ вытекаетъ непосредственно изъ понятія о представительствѣ по довѣренности. Болѣе развитые гражданскіе кодексы всѣ это признаютъ. Послѣ выслушанныхъ мною здѣсь мнѣній я думаю, что и по разуму нашихъ законовъ слѣдуетъ предложенный вопросъ разрѣшить утвердительно.

А. М. Фальковскій. При разрѣшеніи каждаго юридическаго вопроса Общество постоянно и прежде всего стремилось къ уясненію того института права, въ сферѣ котораго возбуждался самый вопросъ. Въ настоящее время оно слѣдуетъ по тому же пути. Многіе цивилисты полагаютъ, что право представительства можетъ вытекать и *изъ личнаго найма*. Если не ошибаюсь, это мнѣніе выражено и покойнымъ профессоромъ Мейеромъ. Обыкновенно въ этомъ случаѣ ссылаются на узаконенія о купеческихъ прикащикахъ. Но строго говоря, тутъ нѣтъ представительства въ силу договора найма; отвѣтственность хозяина за дѣйствія прикащика вытекаетъ изъ того только, что послѣдній дѣйствуетъ въ силу порученія, приказанія или свѣдома перваго, въ чемъ выражается все-таки взаимное соглашеніе сторонъ на совершеніе извѣстныхъ дѣйствій, т. е. договоръ довѣренности. Наконецъ законъ, установляя правила о кредитѣ, кредитномъ письмѣ и кредитной довѣренности, излагаетъ и существенныя принадлежности торговой довѣренности, выдаваемой повѣренному, прикащику, лавочному сидѣльцу, коммиссіонеру и тѣмъ самымъ опредѣляетъ основаніе представительства въ торговыхъ дѣлахъ. Предѣлы представительства въ гражданскомъ и торговомъ правѣ отъ порученія рукоприкладства до полнаго заступленія представляемаго лица безконечно разнообразны какъ и явленія самой жизни. Но основ-

ное начало представительства по довѣренности заключается въ томъ, что оно дѣйствительно только въ предѣлахъ уполномочій, которыя и установляются актомъ довѣренности. Отсюда, повторяю, рождается и необходимость въ правѣ довѣрителя требовать отчета отъ повѣреннаго.

В. И. Кохновъ. Всѣ человѣческія отношенія, говоря вообще, могутъ и въ извѣстныхъ случаяхъ должны строго подлежать требованію отчетности. Отношенія повѣреннаго къ своему довѣрителю въ свою очередь всецѣло подлежатъ безусловному отчету, поскольку они касаются *денежной* стороны дѣла. Вопросъ такимъ образомъ разрѣшается, помимо всякихъ юридическихъ умствованій, простымъ соображеніемъ здраваго смысла. Если мнѣ вручены чужія деньги или мнѣ поручили взыскать ихъ съ другаго, само собою разумѣется я долженъ дать въ нихъ отчетъ. Но отношенія довѣрителя къ повѣренному далеко не исчерпываются одними денежными порученіями. Строго говоря, одно голое денежное взысканіе не должно даже входить въ кругъ дѣятельности адвоката. Адвокатъ не взыскиваетъ денегъ, онъ только можетъ получать ихъ въ силу *доказаннаго имъ самимъ на судѣ права* полученія ихъ. Эта послѣдняя обязанность адвоката—полученіе съ отвѣтчика денегъ, если только можно назвать ее обязанностью, въ чемъ мы сильно сомнѣваемся, составляетъ, такъ сказать, случайное, второстепенное отношеніе довѣрителя къ повѣренному. Точкою отправленія и съ тѣмъ вмѣстѣ характерною чертою отношеній довѣрителя къ повѣренному служитъ не требованіе отчетности отъ повѣреннаго на каждомъ шагу, не огражденіе себя квитанціями и росписками въ каждомъ моментѣ сношеній съ своимъ адвокатомъ, а полное чувство *довѣрія* со стороны довѣрителя къ добросовѣстности и знаніямъ приглашеннаго имъ повѣреннаго. Такимъ образомъ вся природа отношеній довѣрителя къ повѣренному всецѣло коренится на безотчетномъ убѣжденіи совѣсти, на широкомъ чувствѣ довѣрія одного лица къ другому, а не на строго выговоренныхъ правахъ и обязанностяхъ двухъ контрагентовъ, не на сухомъ формальномъ договорномъ началѣ, какъ то стараются провести здѣсь. Смотря на дѣло такимъ образомъ,

мы нисколько не удивляемся замѣченному напр. А. М. Фальковскимъ „умолчанію въ нашихъ гражданскихъ законахъ о взаимныхъ обязанностяхъ довѣрителя и повѣреннаго" и „недостаточной полнотѣ по этому предмету въ нашемъ уставѣ гражданскаго судопроизводства". Законодатель очень хорошо понималъ съ какими юридическими sui generis отношеніями онъ имѣлъ дѣло, когда говорилъ объ отношеніяхъ повѣреннаго къ довѣрителю, ограничиваясь только общими правовыми нормами ихъ взаимныхъ сношеній. Прямое нарушеніе интересовъ довѣрителя съ одной стороны, злоупотребленіе довѣріемъ съ другой (ср. 404 и 405 ст. учр. суд. уст.),— вотъ тѣ крайнія грани образа дѣйствій адвоката, которыя законодатель счелъ необходимымъ взять подъ свою охрану, предоставляя все заключающееся въ предѣлахъ ихъ полному, безграничному довѣрію обвиняемаго къ защитнику, тяжущагося къ адвокату. „Во всемъ, что вы или (даже) повѣренные ваши, по сей довѣренности законно учините, *я вамъ вѣрю, спорить и прекословить не буду*",—въ этихъ словахъ заключается весь смыслъ, весь юридическій разумъ нотаріальнаго акта довѣренности. Довѣритель заранѣе отказывается отъ всякихъ споровъ, отъ всякаго „прекословія", другими словами—обязывается къ совершенному невмѣшательству въ образъ дѣйствій адвоката своего. Итакъ, говоримъ, въ представительствѣ по довѣренности нѣтъ и быть не можетъ договорнаго начала, если, какъ совершенно справедливо вытекаетъ изъ разума рѣшенія кассаціоннаго департамента сената (1867 г. № 421), акту довѣренности не предшествуетъ особый договоръ, установляющій взаимныя права и обязанности довѣрителя и повѣреннаго. Договорное начало, принимая это выраженіе въ смыслѣ совлеченія двухъ равноправныхъ воль, по самой природѣ своей ведетъ къ обоюдной обязательности контрагентовъ, сводящейся къ одной изъ четырехъ категорій римскаго права: do ut des, do ut facias, facio ut des, facio ut facias—даю съ тѣмъ, чтобы ты мнѣ далъ; даю съ тѣмъ, чтобы ты мнѣ сдѣлалъ; дѣлаю съ тѣмъ, чтобы ты мнѣ далъ и наконецъ дѣлаю съ тѣмъ, чтобы ты мнѣ сдѣлалъ. Спрашивается, подъ

какую изъ этихъ категорій можно подвести юридическое отношеніе довѣрителя къ повѣренному? Ужъ не подъ facio-ли ut facias? Но что же „дѣлаетъ“ довѣритель въ *пользу* своего повѣреннаго? Съ строгой точки зрѣнія договора, онъ въ пользу послѣдняго, на основаніи акта довѣренности, ровно ничего не дѣлаетъ. Онъ только искусственнымъ образомъ, „на основаніи опредѣленія закона“, *переноситъ* свои права на другое избранное имъ лицо. Но это „перенесеніе“ моихъ правъ, на извѣстное время съ извѣстною цѣлью, на другое лицо, это искусственное возсозданіе моей личности, совершенно стирающейся на все время дѣйствія этого другаго лица, носитъ характеръ скорѣе политическаго, чѣмъ юридическаго дѣйствія. Договорныя отношенія не раждаютъ контрагентовъ юридически умершихъ. Довѣритель, „не потерпѣвшій отъ дѣйствій повѣреннаго ущерба“ (404 ст. учр. суд. устан.), довѣритель, не несущій „отъ злоумышленности адвоката вреда“ (ibid. 405 ст.), юридически не существуетъ. Не юридически-договорное, а скорѣе политически-выборное, такъ выразимся, начало служитъ основаніемъ необходимаго въ сферѣ гражданскихъ отношеній акта довѣренности. Всякое же выборное начало, по самой природѣ своей, не легко поддается ариѳметической отчетности. Здѣсь одна бухгалтерія— довѣріе, одинъ контроль—совѣсть.

Вообще можно сказать, что ученіе о довѣренностяхъ вовсе или почти не разработано въ юридической наукѣ, между тѣмъ какъ оно представляетъ весьма благодарный матеріалъ для любознательнаго юриста. Такъ напр. А. М. Фальковскій съ первыхъ словъ проводитъ аналогію между довѣренностями по суду и такъ называемыми торговыми довѣренностями, проводитъ до того, что изъ словъ закона, обязывающаго „прикащиковъ и сидѣльцевъ давать своимъ хозяевамъ въ торговыхъ порученіяхъ надлежащіе отчеты по востребованію“ (709 ст. уст. торг.), выводитъ подтвержденіе своего взгляда „о правѣ довѣрителей вообще требовать отчета отъ повѣренныхъ своихъ“. Между тѣмъ вникая въ юридическую природу того и другаго акта полномочія, мы увидимъ, что общаго между ними едва ли не одно только названіе „довѣренности“. При-

мѣнять требованія одного акта къ другому, совершенно ему несродному, на основаніи чисто внѣшняго признака,—пріемъ въ высшей степени неосновательный. Начать уже съ того, что торговая довѣренность, которую самъ законодатель, оговариваясь къ лучшему, называетъ *кредитомъ, кредитнымъ письмомъ*, не дѣлаетъ еще изъ прикащика повѣреннаго, изъ сидѣльца адвоката. Правда, въ одномъ рѣшеніи гражданскаго кассаціоннаго департамента сената, именно въ № 241 за 1867 годъ, мы встрѣчаемъ положеніе, что „такъ какъ прикащику, уполномоченному хозяиномъ на продажу товара изъ лавки, принадлежитъ право расчета съ покупателями за отпущенныя вещи, то слѣдовательно, въ силу его званія, объясняетъ сенатъ, ему принадлежитъ и право взыскивать деньги за отпущенный товаръ, такъ что для начатія такого иска не требуется особаго полномочія отъ хозяина.“ Но не трудно понять, что это „право взысканія денегъ“ далеко не приравниваетъ отношеній прикащика съ хозяиномъ къ отношеніямъ адвоката съ довѣрителемъ. Прикащикъ у хозяина въ сущности не болѣе какъ заступающій мѣсто его помощникъ, его, какъ умѣстно выразиться здѣсь, правая рука. Знанія и опытность, ради которыхъ устанавливаются между хозяиномъ и прикащикомъ извѣстныя отношенія по торговлѣ, всегда предполагаются одинаково доступными какъ тому и другому. Прикащикъ въ этомъ отношеніи не отличается ничѣмъ отъ хозяина своего. Все, что ни сдѣлаетъ онъ, въ предѣлахъ назначенія своего, подлежитъ компетентной оцѣнкѣ со стороны хозяина его. Отсюда отчетность на каждомъ шагу перваго передъ послѣднимъ, отсюда безпрекословная обязанность прикащика подчиняться тѣмъ, а не другимъ распоряженіямъ хозяина. Совершенно не то мы видимъ въ отношеніяхъ повѣреннаго къ довѣрителю. Знанія и опытность, ради которыхъ устанавливаются между адвокатомъ и клiентомъ извѣстныя отношенія по суду, всегда предполагаются неравномѣрно распредѣленными между тѣмъ и другимъ. Повѣренный въ этомъ отношеніи можетъ значительно превосходить довѣрителя своего. Все, что ни сдѣлаетъ онъ, въ сферѣ призванія своего, въ большинствѣ случаевъ выходитъ изъ круга компетентности

довѣрителя его и должно подлежать только просвѣщенному суду общественнаго мнѣнія. Отсюда немыслимость отчетности по первому заявленію довѣрителя; отсюда напротивъ ежечасная готовность адвоката нести личную отвѣтственность предъ судомъ общественной совѣсти за всѣ сношенія свои съ кліентомъ отъ негласныхъ уговоровъ о размѣрѣ гонораріи до провозглашаемаго во всеуслышаніе свободнаго, энергичнаго слова въ защиту попраннаго права. Безотчетный предъ довѣрителемъ, онъ является отвѣтственнымъ за всякое слово, за каждый шагъ передъ цѣлымъ обществомъ. Безпредѣльная свобода въ размѣрахъ полномочія уравновѣшивается такимъ образомъ безусловною отвѣтственностью въ сферѣ долга гражданина.

Что касается затѣмъ *случая особаго договора по предмету отчетности между повѣреннымъ и довѣрителемъ*, то я полагаю, что каждый повѣренный, я собственно хочу сказать— присяжный повѣренный, поступитъ гораздо сообразнѣе съ достоинствомъ носимаго имъ званія, если станетъ вообще избѣгать заключенія подобнаго рода сдѣлокъ, незаслуженно названныхъ здѣсь договорами.

В. Н. Лешковъ. Во всѣхъ вопросахъ отечественнаго права необходимо сообразоваться съ историческимъ ходомъ его развитія, а также съ народнымъ сознаніемъ его. Въ старину у насъ не требовалось даже письменнаго акта довѣренности. Представительство по довѣренности вытекало не изъ строго договорнаго начала, а имѣло преимущественно своимъ основаніемъ доброжелательство, дружбу и наконецъ родство. Отсюда понятно, почему законодательство обошло молчаніемъ отношенія довѣрителей и повѣренныхъ, предоставя опредѣленіе сихъ отношеній особому соглашенію сторонъ. Актъ довѣренности опредѣляетъ только существо полномочій, указываетъ на ихъ предѣлы, а затѣмъ оканчивается обязательствомъ довѣрителя въ томъ: *„что онъ во всемъ томъ, что повѣренный учинитъ, впредь спорить и прекословить не будетъ“*. При такихъ условіяхъ немыслимы какія-либо обязательства повѣреннаго, *вытекающія непосредственно изъ акта довѣренности*. Вслѣдствіе чего полагаю, что по закону,

повѣренный не обязанъ отчетностью предъ своимъ довѣрителемъ, если о томъ не было между ними *особаго договора*, или сего не означено положительно въ актѣ довѣренности.

Мнѣнія членовъ Общества, обсуждавшихъ вопросъ, раздѣлились по-ровну. Затѣмъ постановлено было: считать вопросъ разрѣшеннымъ согласно съ мнѣніемъ, съ которымъ согласился г. предсѣдатель Общества, т.-е. что повѣренный не обязанъ отчетностью передъ довѣрителемъ своимъ.

ПРАВО И СВОБОДА

ПО

НОВѢЙШИМЪ УЧЕНІЯМЪ.

(По поводу книги: „Наука о человѣческомъ обществѣ, сочиненіе Димитрія Глинки, россійскаго чрезвычайнаго посланника и уполномоченнаго министра въ Бразиліи. Съ четвертаго, вполнѣ передѣланнаго изданія перевелъ П. А. Бибиковъ". С.-Петерб. 1870 г. стр. XXX и 395).

По словамъ автора этой книги, „прошли вѣка, прежде чѣмъ люди стали размышлять о человѣческомъ обществѣ, прежде чѣмъ они обратили вниманіе на зарожденіе и назначеніе слагающихся въ немъ отношеній. Только не многіе великіе мыслители пытались отдать себѣ въ нихъ отчетъ. Платонъ и Аристотель, св. Августинъ, св. Ѳома Аквитанскій, Дантъ, избрали общественную науку предметомъ для своихъ размышленій. Но имъ удалось охватить только нѣкоторыя части, отдѣльныя черты того цѣлаго, въ которомъ переплетаются противурѣчащія другъ другу идеи и порождаемыя ими безчисленныя явленія. Въ новѣйшія времена наука эта стала мало-помалу освобождаться изъ окружавшаго ее мрака. Она испытывала свои силы и принимала разныя названія: права войны и мира, общественнаго договора, философіи или метафизики права, естественнаго права. Замѣчено было наконецъ, что общественныя учрежденія имѣютъ причину своего существованія, но вмѣсто того чтобы искать объясненія послѣдней въ фактахъ, въ которыхъ она проявляется, ее старались уловить однимъ порывомъ мысли, умозрѣніемъ, и терялись въ

метафизическихъ отвлеченностяхъ, не обращая вниманія на дѣйствительность"... (Предисл. стр. XI—XII).

Итакъ г. Глинка, обличая неудовлетворительность метафизическихъ отвлеченностей въ изслѣдованіи общественныхъ отношеній, указываетъ, что матеріаломъ для такого изслѣдованія существуютъ сами послѣднія или сама „дѣйствительность," какъ она, конечно, сложилась исторически. Посмотримъ однако, обращалось ли вниманіе на существующую дѣйствительность писателями, извѣстными задолго до появленія научнаго направленія, въ какомъ составлена книга г. Глинки. Вотъ напр. великіе мыслители, имена которыхъ означены въ нашей выпискѣ изъ послѣдней: всѣ эти мыслители работали своимъ умомъ на туземной почвѣ. И возвышенные идеалы Платона и строгій Аристотелевъ анализъ общественной жизни являются оригинальнымъ порожденіемъ творческаго народнаго генія античной Греціи; политическія сочиненія Платона и Аристотеля, представляя или идеализацію общественныхъ отношеній, или разъясненіе ихъ происхожденія и смысла, преисполнены разносторонняго отношенія авторовъ къ окружавшимъ ихъ, къ извѣстнымъ имъ явленіямъ жизни; потому вполнѣ можно сказать, что въ этихъ сочиненіяхъ нашли себѣ ясное выраженіе лучшія стремленія и требованія *древне-эллинской* мысли и чувства; между тѣмъ, во многихъ своихъ сторонахъ, ученія эти полны и общечеловѣческаго значенія. Отсюда вытекаетъ слѣдующее простое заключеніе: степень живой силы и самобытности извѣстнаго политическаго міросозерцанія всегда стоитъ въ прямомъ отношеніи къ той степени, въ какой умъ созерцающій проникъ своими силами въ извѣстный жизненный синтезъ. Мы знаемъ, что то или другое богатство личныхъ духовныхъ силъ мыслителей появляется, такъ сказать, случайно; но не случайно воспитаніе этихъ силъ, не случайно то или другое достоинство ихъ научной и общественной дѣятельности.

Отъ древне-греческихъ мыслителей обратимся къ христіанскимъ, имена которыхъ указаны выше: исторически сложившаяся нравственная почва воспитала въ извѣстномъ направленіи умъ блаженнаго Августина; тоже своя почва породила

и своеобразныя политическія воззрѣнія Ѳомы Аквинскаго; во времена послѣдняго теорія папской власти переходитъ изъ факта въ область умозрѣнія, и Ѳома является представителемъ цѣлой *отвлеченной* теоріи папской власти; а между тѣмъ, почти еще за два вѣка до временъ Ѳомы, значеніе этой власти высказывалось *фактически*—въ энергической дѣятельности знаменитаго Григорія VII. И если въ своемъ политическомъ ученіи Ѳома дѣлаетъ много вѣрныхъ указаній въ извѣстномъ различеніи имъ закона на вѣчный, естественный, положительный и откровенный, то эти указанія нисколько не связываются съ основною тенденціей ученія. Напрасно нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи послѣдняго говорятъ: „утѣшительно, по крайней мѣрѣ, то, что можно побѣдить Ѳому, борясь противъ него его же доводами, его же ученіемъ"... Напрасно думаютъ они, что у Ѳомы существуетъ ясное различеніе права и нравственности, что Ѳома даетъ закону религіозному значеніе блюстителя вѣчнаго спасенія, а для власти религіозной устанавливаетъ начало, повидимому, тамъ, гдѣ кончается власть закона гражданскаго, т.-е. у таинственнаго горнила совѣсти и личной мысли; нѣтъ! все политическое міросозерцаніе Ѳомы развивается изъ одного основнаго убѣжденія: власть папы есть непосредственно вдохновляемая Богомъ, потому ея опредѣленія, какъ законъ положительный, должны быть безусловно обязательны для всего христіанскаго міра; гражданское общество, какъ нѣчто политически самостоятельное, немыслимо; законъ естественный, человѣческій, живущій въ немъ, устанавливаетъ натуральный порядокъ между членами общества; но этотъ законъ естественный, ради высшаго человѣческаго блага, долженъ быть пополняемъ закономъ откровеннымъ; а хранитель и истолкователь послѣдняго римскій первосвященникъ. Такимъ образомъ все дѣленіе законовъ у Ѳомы искусственно; это лишь схоластическое дробленіе одного и того же на части; это лишь опытъ діалектически подраздѣлить всю государственную и общественную жизнь, которая въ сущности, сливается и погружается, какъ въ будду, въ область папскаго владычества, по міросозерцанію Ѳомы; подъ изобрѣтенныя Ѳомою подраздѣленія

искусно пригнаны разныя стороны жизни, которыя предъявляютъ свои требованія на свободу личнаго или національнаго развитія; но схоластическая діалектика охватываетъ ихъ крѣпкими объятіями и мертвитъ въ бездушной теоріи; всѣ живыя отвлеченія—созданіе античной философской мысли, всѣ заимствованія изъ ученія Платона и др. теряютъ въ политической системѣ Ѳомы свое жизненное значеніе, свой цвѣтъ и силу. А между тѣмъ, знаменитый схоластикъ внимательно относился къ окружавшей его дѣйствительности; изъ его политическаго ученія видно, какъ хорошо знакомы были ему явленія и отношенія государственной и общественной жизни; и даже въ наше время изслѣдователь, претендующій представить намъ цѣлую науку о человѣческомъ обществѣ, принужденъ былъ замѣтить, что въ числѣ другихъ мыслителей Ѳомѣ *удалось* охватить нѣкоторыя части того цѣлаго общественной жизни, которое преисполнено различныхъ идей и явленій. Всѣ ли части этого цѣлаго охватываются современными мыслителями, имѣющими средство овладѣвать и распоряжаться аппаратомъ самой разнообразной учености,—мы объ этомъ поговоримъ послѣ; теперь же обратимся къ послѣднему великому имени, означенному въ нашей выпискѣ изъ книги г. Глинки, къ Данту. Извѣстно, что Дантъ, за свои политическія убѣжденія лишенный всего имущества и осужденный на сожженіе, долженъ былъ оставить родной городъ и спасаться въ изгнаніи; извѣстно также, что онъ примкнулъ къ школѣ такъ называемыхъ легистовъ, которые подъ вліяніемъ открытаго въ началѣ XII вѣка манускрипта Юстиніановыхъ пандектовъ (блестящее изученіе этихъ пандектовъ было въ Болонскомъ университетѣ) энергически защищали независимость императорской власти и общественной жизни отъ папскихъ притязаній; легистовъ старались побороть такъ называемые декретисты или канонисты, которые, послѣ Ѳомы Аквинскаго, съ особенною ревностью развивали ученіе о папской суприматіи на внѣшнюю и внутреннюю жизнь отдѣльной личности и цѣлаго общества. Въ продолженіи своего изгнанія (1304—1306 г.) Дантъ на университетской скамьѣ слушалъ разъясненіе идеи объ императорской власти; онъ

увлекся этою идеей со всѣмъ пыломъ, какой вносилъ во всякое свое занятіе. Съ страстнымъ негодованіемъ онъ казнитъ въ своей величавой поэмѣ папу, виновника несчастій Италіи, прямо называя его „гордымъ княземъ новѣйшихъ фарисеевъ" (т.-е. тогдашняго римскаго духовенства,—Ада пѣснь XXVII, стр. 85); съ страстнымъ увлеченіемъ онъ защищаетъ свободу и независимость государства отъ папы—въ своемъ сочиненіи „о монархіи"; онъ доказываетъ, что всеобщая *свѣтская* монархія необходима для счастія рода человѣческаго, что императоры запада законно должны принимать свою власть по преемству отъ римскаго народа, создавшаго эту монархію, что власть императорская непосредственно зависитъ отъ Бога, а вовсе не отъ римскаго первосвященника... Дантъ имѣетъ въ виду практическія послѣдствія отъ проповѣдуемаго имъ политическаго ученія; онъ желаетъ, посредствомъ послѣдняго, побудить лучшихъ изъ своихъ современниковъ на освобожденіе раздробленной Италіи отъ папскаго деспотизма, на возстановленіе ея цѣлости и величія. Но извѣстную пропаганду, въ силу своихъ искреннѣйшихъ убѣжденій, проводилъ и Ѳома Аквинскій въ своемъ политическомъ ученіи; о вразумленіи и перевоспитаніи христіанъ заботился и блаженный Августинъ, предлагая читателямъ свой трудъ „De civitate Dei". Всѣ эти мыслители, кромѣ того что ради своихъ цѣлей объясняли, каждый по своему, окружавшую ихъ или извѣстную имъ „общественную дѣйствительность", также старались и *воздѣйствовать* на всѣ элементы общественной жизни, какіе только они считали воспріимчивыми къ ихъ ученію, въ какихъ только думали найти оправданіе и поддержку послѣднему въ современной имъ дѣйствительности. И лишь убѣжденіе, что ихъ ученіе падетъ на *готовую* почву, воодушевляло помянутыхъ нами мыслителей пропагандировать свое ученіе съ цѣлью пріобрѣсть для него новыхъ приверженцевъ. Какъ необходима въ указанномъ отношеніи эта готовая почва, мы видимъ въ прекрасномъ заявленіи знаменитаго философа древней Эллады: Платонъ, очертивши *чисто греческую* утопію въ своей „политіи", для возможности осуществленія ея на дѣлѣ счелъ необходимымъ представить слѣду-

ющее жизненное условіе: „я приступлю къ убѣжденію сперва самихъ начальниковъ и воиновъ, а потомъ и прочихъ гражданъ, что, получивъ отъ насъ воспитаніе и бывъ наставлены нами, они должны вообразить, что все это чувствовали и испытывали надъ собою, какъ бы сновидѣніе, на самомъ же дѣлѣ тогда формировались и воспитывались они въ нѣдрѣ земли, вмѣстѣ съ своимъ оружіемъ и прочими, тамъ же приготовлявшимися доспѣхами, и что, когда дѣло съ ними было совсѣмъ окончено,—мать земля произвела ихъ на свѣтъ. Поэтому о матери и кормилицѣ страны, въ которой живутъ, они должны теперь заботиться и защищать ее, если кто нападаетъ, а о всѣхъ другихъ гражданахъ мыслить, какъ о братьяхъ и земнородныхъ“ (Плат. въ перев. Карпова ч. 3-я, стр. 192. 1863 г.).

Вразумленіе весьма важное, сказанное за много вѣковъ до нашего времени! Вразумленіе—для всѣхъ, кто претендуетъ поучать народъ или общество, указывая имъ лучшій строй жизни, лучшія нормы соціальныхъ отношеній. Въ такомъ случаѣ мало одного, хотя бы и возможно обстоятельнаго, знанія фактовъ дѣйствительной жизни: нужно умѣнье относиться къ нимъ всею полнотой и цѣльностью личныхъ духовныхъ силъ; нужно *пониманіе* живаго общаго смысла этихъ фактовъ. Итакъ, если извѣстныя реформы появляются ради неотложнаго примѣненія ихъ къ данному народу или обществу, то онѣ настолько имѣютъ достоинства положительнаго, насколько проникнуты разумными общечеловѣческими началами. Это разъ. Во вторыхъ, онѣ должны быть сродны всей разумной сущности, составляющей содержаніе народности, для блага которой назначены; вообще политика народнаго преобразованія тѣмъ выше по достоинству, чѣмъ менѣе въ ней эгоистическихъ и безразсудно - произвольныхъ воззрѣній; она должна углубиться въ прошлую жизнь народа, вникнуть въ характеръ его исторической судьбы, уяснить его нравы, обычаи, внутреннія отношенія, въ которыхъ выражался и выражается этотъ характеръ, и потомъ съ *пониманіемъ* народа выйти постепенно на новую дорогу. На основаніи прошедшаго должно судить о настоящемъ, и въ судѣ какъ о

прошломъ, такъ и современномъ народномъ бытѣ, руководиться идеею человѣческой справедливости. Опираясь на прочное изученіе исторіи юридическаго быта народа, зная современное положеніе его, политика, на основаніи той-же высшей идеи, можетъ опредѣлить реформы, необходимыя народу; она должна ясно сознавать тѣ *общія разумныя начала*, которыя могутъ проявиться въ обществѣ при извѣстной перестройкѣ его отношеній, — начала, на которыхъ зиждется народное благо. Слѣдовательно, вся сила извѣстныхъ личныхъ соображеній объ общественныхъ отношеніяхъ зависитъ отъ извѣстнаго „порыва мысли", отъ извѣстныхъ отвлеченныхъ созерцаній, къ которымъ г. Глинка отнесся неблагорасположенно вообще; между тѣмъ, на стр. XXI своего предисловія г. Глинка высказываетъ слѣдующее положеніе: „результатомъ возвращенія мысли отъ предмета къ разсудочному средоточію является обдуманная идея, такая, о которой человѣкъ имѣетъ сознаніе... Идея есть черта, связывающая двѣ точки, предметъ и разумъ человѣка; она обусловливается только существующимъ между ними отношеніемъ. Вотъ почему при изслѣдованіи идей всегда оказывается двѣ стороны, изъ коихъ одна зависитъ главнымъ образомъ отъ разума, а другая отъ реальныхъ предметовъ"... И далѣе: „методъ автора (т.-е. г. Глинки) не допускаетъ разсудочнаго отправленія, независимаго отъ дѣйствительности. Для него идея есть не болѣе какъ отношеніе между разумомъ человѣка и предметомъ. Это отличительный характеръ его метода (XXI—XXII)".

Надѣемся, читатель не посѣтуетъ на насъ, если мы обстоятельнѣе вникнемъ въ смыслъ вышеприведенной выписки и нѣсколько распространимся по поводу ея; повидимому нѣсколько отдалившись отъ соображеній, высказанныхъ нами по поводу заявленія Платона, мы тѣмъ ближе опредѣлимъ значеніе этого заявленія въ виду воззрѣній г. Глинки, тѣмъ ближе подойдемъ и къ уразумѣнію сочиненія, претендующаго представить въ себѣ цѣлую „науку о человѣческомъ обществѣ".

При изслѣдованіи идей—по оригинальному выраженію г. Глинки—одна сторона (изслѣдованія) зависитъ отъ разума, а

другая отъ реальныхъ предметовъ. Что же здѣсь сказано? Несомнѣнно, что „реальные предметы“ представляютъ содержаніе для нашей мысли, даютъ и разнообразные толчки для ея дѣятельности; возьмемъ самаго безразсуднаго идеалиста: всѣ мысленныя отвлеченія, совершаемыя силою его ума, заключаются или въ произвольномъ представленіи *реальныхъ* предметовъ, или въ совершенно нелогическихъ комбинаціяхъ, по которымъ онъ произвольно представляетъ себѣ отношенія между этими предметами. Но пока онъ имѣющій плоть и кровь, живой человѣкъ, мысль его никоимъ образомъ немыслима въ полной изолированности отъ необъятнаго міра всевозможныхъ реальныхъ предметовъ.—Теперь, есть еще сторона въ изслѣдованіи идей, зависящая отъ разума... Возьмемъ же самаго безпощаднаго сенсуалиста: весь чувственный міръ, въ который онъ такъ крѣпко вѣритъ, все же есть міръ имъ понимаемый, мыслимый въ такомъ, а не другомъ видѣ, и такимъ образомъ все міросозерцаніе сенсуалиста представляется изъ цѣлаго строя отвлеченностей, созидаемыхъ только и только силою личной мысли, *) и жизнь всякой личности немыслима безъ этой силы, какова бы ни была послѣдняя. Мы думаемъ что въ заявленіи г. Глинки о взаимодѣйствіи между началами субъективнымъ—личнымъ и объективнымъ—предметнымъ нѣтъ ничего оригинальнаго, отличительнаго, чѣмъ бы можно было характеризовать процессъ научныхъ изслѣдованій. Мы недоумѣваемъ, зачѣмъ и сдѣлано такое заявленіе; содержаніе его приложимо ко всякому ученому и неученому сочиненію, ко всякому умственному направленію, начиная отъ ультраматеріалистическаго и кончая ультра-клерикальнымъ... *Мысль* человѣка направляется къ предмету—по выраженію г. Глинки; *мысль* человѣка возвращается отъ предмета къ разсудочному средоточію—по выраженію того же г. Глинки; „результатомъ этого возвращенія является обдуманная идея“, слѣдовательно,

*) Даже по основателю „эмпирической психологіи“ Локку выходитъ, что „сенситивное познаніе есть убѣжденіе въ бытіи внѣшняго міра, истекающее изъ чувственнаго воспріятія и *кажущееся* человѣку несомнѣннымъ, *хотя въ существованіи представленій внутри насъ и нельзя видѣть доказательства существованія внѣшнихъ предметовъ*“...

появленіе идей совершается лишь въ области *мысли*; слѣдовательно г. Глинка, какъ намъ пріятно думать объ этомъ, вполнѣ согласенъ съ тѣмъ простымъ, но возвышеннымъ убѣжденіемъ Паскаля, что „toute notre dignité consiste dans la pensée“.

Для цѣли нашей статьи совершенно излишне вдаваться въ соображенія о томъ, какъ г. Глинка представляетъ себѣ существованіе самой мысли въ человѣкѣ, какъ понимаетъ ея происхожденіе и образованіе; дѣйствительно ли напр. можно согласиться съ г. Глинкою, что „логика вытекаетъ изъ отправленій мозга“ (стр. XXI), или же въ этомъ отношеніи слѣдуетъ сказать что либо другое... Довольно того, что мысль есть *реальная* сила, что ею, по мнѣнію г. Глинки, и начинается и завершается всякое человѣческое знаніе. Г. Глинка только по какому то недоразумѣнію не почитаетъ „порывовъ мысли“, предположивъ, что можно человѣку рѣшать что либо однимъ голымъ „умозрѣніемъ“; вооружаясь противъ такого предположеннаго умозрѣнія, г. Глинка спѣшитъ оговориться, что его методъ, „напротивъ того, не допускаетъ разсудочнаго отправленія независимаго отъ дѣйствительности“... Но смѣемъ завѣрить почтеннаго автора, что подобное отправленіе никогда и не существовало съ самого появленія на свѣтъ первой человѣческой мысли; такое отправленіе вовсе и не мыслимо. Выше мы высказались, что отрѣшенность мысли отъ реальнаго міра невозможна. Итакъ, для г. Глинки, вмѣсто того чтобы оповѣщать объ отношеніи между мыслью и предметами, важнѣе всего было бы опредѣлить тотъ или другой *характеръ* этого отношенія, зависящій отъ той или другой личности; для него слѣдовало бы указать, *какъ* мысль *можетъ* относиться къ реальному міру, словомъ—указать все возможное разнообразіе практическаго примѣненія мысли. Отнесясь съ подобною задачею къ области политико-юридической науки, мы въ разнообразіи отвѣтовъ на вышеуказанный общій вопросъ: какъ можетъ мысль относиться къ реальному міру? — открыли бы предъ собою все богатое разнообразіе философскихъ, политическихъ и юридическихъ воззрѣній и направленій въ изученіи общественныхъ отношеній; на этотъ вопросъ

отвѣчаютъ и Платонъ и Аристотель, и Ѳома Аквинскій съ Дантомъ, и утопіи Томаса Моруса и Кампанеллы, и Гроцій и Кантъ, и грандіозная система Гегеля и т. д. и т. д., и наконецъ сочиненіе самого г. Глинки, подлежащее нашимъ замѣчаніямъ. Правда, въ этомъ сочиненіи читатель встрѣтитъ кой-гдѣ имена Гегеля, Фихте, Шталя, Гербарта и др. мыслителей, положенія которыхъ авторъ приводитъ, но мы въ своемъ мѣстѣ укажемъ, какъ слѣдовало бы пользоваться этими именами автору въ его сочиненіи... Обратимся теперь опять съ вопросомъ къ г. Глинкѣ: что же онъ хотѣлъ сказать въ ничего невыражающемъ кромѣ азбучныхъ понятій, приложимыхъ ко всякому литературному труду, заявленіи объ особенностяхъ своего метода изслѣдованія?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы попытаемся найти въ слѣдующей выпискѣ изъ предисловія къ „наукѣ о человѣческомъ обществѣ“. „Если мысль, говоритъ г. Глинка, направленная къ предмету, достигаетъ цѣли безъ логическихъ отклоненій, то она исполняетъ движеніе, свойственное всякой идеѣ. Это движеніе названо Гегелемъ діалектическимъ. Но прежде чѣмъ достигнуть цѣли, идея можетъ отклониться и даже совсѣмъ заблудиться отъ дѣйствія постороннихъ вліяній. Поэтому, подъ именемъ діалектическаго, мы разумѣемъ такое движеніе идеи, при которомъ она сохранилась во всей своей чистотѣ. Оно приводитъ къ цѣли, къ которой направилась идея, и отъ заключенія къ заключенію ко всѣмъ фазамъ, черезъ которыя она можетъ пройти, ко всѣмъ послѣдствіямъ, какія только возможны для нея. Ничто не препятствуетъ человѣку достигнуть собственными силами до всесторонняго знакомства съ идеями, но въ дѣйствительности трудъ этотъ совершается медленно, нерѣдко изъ поколѣнія въ поколѣніе. Фактъ этотъ подтверждается всей исторіей. Размышляя при содѣйствіи одинаковыхъ, сходныхъ по своимъ отправленіямъ органовъ, люди приходятъ къ однимъ и тѣмъ же выводамъ, какъ при коллективныхъ, такъ и при единичныхъ усиліяхъ. Если посылки вѣрны то они достигаютъ истины, если посылки ложны, то и выводы ихъ ложны, хотя въ томъ и другомъ случаѣ послѣдніе могутъ быть одинаково

логичны... *Идеи права и свободы существовали вѣчно*, онѣ всегда управляли дѣйствіями людей и развитіемъ общественныхъ отношеній, но сознавались онѣ смутно. Вслѣдствіе этого нерѣдко, вмѣсто того чтобы осуществить эти идеи въ общественныхъ учрежденіяхъ, отъ нихъ только удалялись. Повторенные опыты, очевидность совершенныхъ ошибокъ, заставляли избирать новые пути,—такъ что *только опытомъ и ощупью люди получали понятіе о настоящемъ значеніи идей*"... (стр. XXII—XXIII).

Очевидно, автору желательно прослѣдить вѣчно существовавшія идеи права и свободы (на признаваемомъ г. Глинкою принципѣ равновѣсія между началами права и свободы и построено все зданіе „науки о человѣческомъ обществѣ") въ ихъ *діалектическомъ* движеніи, т.-е. такомъ движеніи, при которомъ, по разумѣнію автора, „онѣ сохранились во всей своей чистотѣ". Очевидно, авторъ, признавшійся, что трудъ ознакомленія съ идеями „совершается медленно, нерѣдко изъ поколѣнія въ поколѣніе", претендуетъ передать своимъ читателямъ это свое ознакомленіе, которое онъ добылъ путемъ изученія историческаго; очевидно наконецъ, что авторъ долженъ ввести читателя въ міръ обстоятельно и глубоко изученнаго имъ историческаго *опыта* и исторической *ощупи*, посредствомъ которыхъ люди „получали понятіе о настоящемъ значеніи идей"...

Задача великая! Задача, требующая самыхъ трудныхъ усилій и вполнѣ стоющая одушевленнаго, энергическаго труда! Съ простаго заявленія о такой задачѣ и начать бы автору. Но онъ пустился въ ничего незначащія разсужденія о какомъ то немыслимомъ „разсудочномъ отправленіи, независимомъ отъ дѣйствительности"... Съ другой же стороны, онъ далъ намекъ, что будто бы пониманіе дѣйствительности возможно для всѣхъ одинаковое; онъ забылъ, что дѣйствительность *понимаема, мыслима*, а для пониманія и размышленія споконъ вѣковъ существовали и всегда будутъ существовать, пока живетъ человѣчество, такъ называемыя „точки зрѣнія"...

Эти точки зрѣнія нигдѣ, быть можетъ, не имѣютъ такого распространенія, разнообразія и силы, какъ въ области наукъ

соціально-юридическихъ, какъ въ области философски-политическаго мышленія, и понятно: такая область и такое мышленіе охватываютъ собою чуть не все громадное разнообразіе человѣческой жизни. Вотъ напр. Гербартъ говоритъ, что „право состоитъ въ законѣ, устанавливаемомъ съ общаго согласія волей многихъ людей ради избѣжанія распри" (Recht ist Einstimmung mehrer Willen als Regel gedacht, die dem Streit vorbeuge), и Гербартъ хочетъ признавать, что „право обязано своимъ происхожденіемъ отвращенію, вызываемому въ людяхъ спорами относительно собственности". Или напр. Фихте нашелъ идеалъ" общественнаго устройства въ учрежденіи эфоровъ (судей"), Гегель—въ такъ называемомъ „нравственномъ стремленіи", Шталь—„въ теократическомъ управленіи", а напр. Ѳома Аквинскій убѣждаетъ, что при существованіи у насъ естественнаго закона, полагающаго различіе между злымъ и добрымъ, между справедливымъ и несправедливымъ, главнымъ образомъ „Deus nos instruit per legem et juvat per gratiam".—И сколько можно еще указать различныхъ мыслителей! Каждый изъ нихъ съ своей точки зрѣнія объяснялъ основную причину соціальныхъ явленій; каждый могъ бы (что многіе и дѣлали) весь изученный имъ историческій матеріалъ объяснять съ своего мысленнаго Standpunkt'а; каждый изъ нихъ могъ предлагать идеалы лучшаго устройства общественныхъ отношеній по тѣмъ нравственнымъ началамъ, которыя выработаны его мыслью и чувствомъ и составляютъ его убѣжденія. Разница въ такихъ убѣжденіяхъ обусловливается, кромѣ личныхъ свойствъ нравственныхъ, мѣстомъ, временемъ и разными обстоятельствами. Но тогда какое же руководительное начало для всякаго изслѣдователя явленій человѣческой жизни, чтобы мысли его былъ, такъ сказать, гарантированъ хотя нѣкоторый успѣхъ въ стремленіи къ возможно истинному разъясненію жизни? Г. Глинка нѣсколько подходитъ къ рѣшенію этого вопроса, когда осуждаетъ Гегеля за то, что знаменитый философъ не уловилъ настоящаго значенія идей, такъ какъ въ изслѣдованіи ихъ „упустилъ изъ виду реальную сторону и запутался въ отвлеченностяхъ, лишенныхъ *всякаго объективнаго основанія*"... Гегель собствен-

но не упускалъ этой реальной стороны изъ виду; онъ только по своему отнесся къ ней; г. Глинка говоритъ далѣе, что „Гегель пытался указать на движеніе идей, но вмѣсто этого представилъ только рядъ логическихъ формулъ, нерѣдко произвольно связанныхъ между собой и никогда несовпадающихъ съ дѣйствительностью"; мы прибавили бы: потому несовпадающихъ, что они *искажаютъ* дѣйствительность (т. е. въ пониманіи), а не то чтобы могли быть отрѣшены отъ нея. Итакъ, внимательное отношеніе къ существующей и существовавшей дѣйствительности — вотъ чего, повидимому, желаетъ авторъ „науки о человѣческомъ обществѣ" отъ изслѣдователя общественныхъ отношеній. Значитъ его желаніе сводится относительно раскритикованныхъ имъ преимущественно нѣмецкихъ мыслителей къ тому простому заявленію, что эти мыслители судили о человѣческой жизни, недостаточно разобравъ все ея многосложное содержаніе, что они страдаютъ недостаткомъ обстоятельнаго историческаго изученія жизни. И вооружаясь противъ этихъ мыслителей, г. Глинка учитъ, что первая причина общественныхъ отношеній не есть одинъ какой-либо принципъ, а двѣ основныя идеи (право и свобода, которыя у нѣмецкихъ мыслителей существуютъ подъ видомъ какой-то одной идеи *права—свободы*) и нѣсколько второстепенныхъ принциповъ (напр. теократическій, военный, торговый), сочетающихся между собою въ различныхъ отношеніяхъ; что „совокупность соціальныхъ отношеній, то, что называютъ общественной формой, не можетъ быть однородной, идеаломъ, который *можно было бы отыскать при содѣйствіи науки, чтобы затѣмъ осуществить его въ дѣйствительности*". Мы думаемъ, что при содѣйствіи науки можно отыскать все дѣйствительно разумное и существующее, либо какъ невыясненное и, быть можетъ, искаженное, но способное видоизмѣниться къ лучшему, либо какъ могущее съ безусловною пользою существовать и развиваться силами самой жизни... Взглянувъ такъ странно на науку (не состоитъ же она въ мечтаніяхъ разныхъ отчаянныхъ теоретиковъ!), авторъ естественно пришелъ и къ такому не совсѣмъ вѣрному заключенію: сперва онъ справедливо гово-

ритъ, что „задача государственнаго человѣка состоитъ въ томъ, чтобы найти необходимое во всякомъ случаѣ равновѣсіе между соціальными идеями. Равновѣсіе это опредѣляется степенью развитія соціальныхъ идей въ данномъ обществѣ, уровнемъ нравственности, вліяніемъ, оказываемымъ религіей, и безчисленнымъ множествомъ условій, касающихся отдѣльныхъ стремленій каждой группы людей, а также внѣшними или случайными обстоятельствами“. Все это совершенно справедливо; далѣе же вотъ что говоритъ г. Глинка: „задача, слѣдовательно, вполнѣ практическая, *но которую лучше всего исполнитъ государственный человѣкъ*, одаренный здравымъ разумомъ, безкорыстными стремленіями и вполнѣ посвященный въ вопросы, подлежащіе его разрѣшенію“... Что достоинства разумности, безкорыстія и знакомства съ своимъ дѣломъ необходимы для всякаго дѣятеля, и для политика, для публициста, для ученаго, для адвоката и т. д. и т. д., объ этомъ и говорить нечего; слѣдовательно такія общія достоинства даже не характеризуютъ собою особенно хорошаго государственнаго человѣка,—по своей слишкомъ общей приложимости. Намъ кажется, что г. Глинкѣ, при высказываніи такой, ни на чемъ не основанной, привиллегіи для государственныхъ людей все грезились несчастные нѣмецкіе философы, которымъ не дай Боже поручать задачу изыскивать и поддерживать равновѣсіе между соціальными идеями—на практикѣ! Г. Глинка стоитъ за *практическаго* общественнаго дѣятеля. Но вотъ мы предложимъ ему слѣдующія великолѣпныя строки Шеллинга: „счастливы государства, гдѣ люди, зрѣлые и богатые положительными знаніями, постоянно возвращаются къ философіи, чтобы освѣжать и обновлять духъ свой и пребывать въ постоянной связи съ тѣми всеобщими началами, которыя дѣйствительно управляютъ міромъ и связуютъ какъ бы въ неразрывныхъ узахъ всѣ явленія природы и мысли человѣческой. Только отъ частаго обращенія души къ этимъ общимъ началамъ образуются мужи въ полномъ смыслѣ слова,—способные всегда становиться передъ проломомъ и не пугаться никакого явленія, какъ бы грозно оно ни казалось, и вовсе не способные положить оружіе передъ мелочностью

и невѣжествомъ, даже тогда, когда, *какъ нерѣдко бываетъ*, многолѣтняя общественная вялость позволила крайне посредственнымъ людямъ возвыситься, и крайне невѣжественнымъ сдѣлаться вожаками общества"... Въ pendant къ этимъ строкамъ мы прибавимъ замѣчаніе одного глубокомысленнаго русскаго писателя: „чѣмъ многообразнѣе и утомительнѣе занятія (извѣстной личности) въ мірѣ практическомъ, тѣмъ полезнѣе, можетъ быть, освѣжать душу напряженіемъ мысли въ другомъ направленіи, тѣмъ необходимѣе обновлять силы духа погруженіемъ его въ оживительную и укрѣпляющую среду безстрастныхъ и отвлеченныхъ созерцаній. Какъ бы ни былъ человѣкъ крѣпокъ, ему часто нужно сосредоточиваться, дабы не растрачивать своей крѣпости"... Эти слова какъ разъ направлены противъ, особенно въ нашей русской средѣ, сложившихся Fach'овъ, противъ той чуть не враждебной отчужденности, которую питаютъ такъ называемые наши „практики" къ нашимъ „теоретикамъ", и обратно. Пристальнѣе вдумываясь въ подобное анормальное явленіе нашей общественной жизни, приходишь къ грустному сознанію справедливости словъ Шеллинга о томъ, что *„нерѣдко бываетъ"*... Но возвратимся къ книгѣ г. Глинки.

Практическая задача, которую, по мнѣнію послѣдняго, всего лучше исполнитъ человѣкъ государственный, есть задача не для одной практической смѣтливости и какихъ бы то ни было искусныхъ пріемовъ вести на ровномъ ходу всѣ части многосложнаго и движущагося правительственнаго механизма въ извѣстномъ государствѣ. Мы укажемъ напр. тотъ фактъ, что государственной дѣятельности Гладстона сочувствіе со стороны далеко не многихъ другихъ, опытнѣйшихъ и знакомыхъ съ родной жизнью, государственныхъ людей Англіи; между тѣмъ безкорыстное и разумное сочувствіе ему скорѣе всего должно являться со стороны людей, посвятившихъ себя интересамъ безпристрастной науки и публицистики, вообще чистымъ интересамъ мысли и слова. Возьмемъ другой примѣръ: какъ счастлива была бы современная несчастная Франція, еслибъ въ ея государственныхъ людяхъ было больше обращенія къ общимъ разумнымъ началамъ, больше сознанія высшихъ началъ справедливости, нормирующихъ обще-

ственное благоденствіе! И даже въ послѣднее время, сознаніе разумнаго возрожденія общественнаго порядка и соціальнаго обновленія въ расшатанной Франціи, быть можетъ, гораздо менѣе крѣпко и ясно опредѣленно въ умахъ ея государственныхъ людей, чѣмъ въ людяхъ чуждыхъ правительственной дѣятельности... Вообще, какъ бы ни былъ хорошъ государственный дѣятель, но онъ способенъ выполнять вышепомянутую задачу, лишь вспомоществуемый и сочувствіемъ здравой стороны общественнаго мнѣнія и обращеніемъ къ научнымъ трудамъ людей, посвятившихъ всѣ свои силы разъясненію всѣхъ подобныхъ задачъ, и наконецъ собственнымъ *разностороннимъ* умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ. Даже при такихъ условіяхъ, многіе второстепенные интересы современной минуты могутъ невольно затемнять на время безпристрастіе и ясность взгляда самаго возможно-идеальнаго въ современной политической жизни государственнаго человѣка. Г-же Глинка, самъ заявилъ, что онъ пишетъ свое сочиненіе, какъ практически полезное, именно для руководства въ наше время; а это наше время еще далеко не отличается обиліемъ и непрерывнымъ появленіемъ идеальныхъ совершенствъ въ какой бы то нибыло сферѣ человѣческой дѣятельности..

Государственный человѣкъ есть слуга историческаго движенія, а не созидатель, ни даже руководитель. Это движеніе совершается цѣлыми народами въ лицѣ ихъ сознательной представительницы—общественной среды; уразумѣть смыслъ этого движенія; извѣдать всѣ средства, которыми оно совершается; убѣдиться въ тѣхъ національныхъ идеалахъ, стремленія къ которымъ живутъ въ глубокихъ и величавыхъ движеніяхъ народнаго духа и побуждаютъ идти націю къ достиженію извѣстныхъ цѣлей: для того весьма и весьма недостаточно занимать какое-нибудь мѣсто у того или другаго колеса правительственнаго и административнаго механизма; для того недостаточно обладать хотя бы самыми наилучшими правительственными и административными талантами и свѣдѣніями; для того мало знать искусство разныхъ „мѣропріятій,“ которыя, въ сущности, играютъ роль или смазки колесъ

или же тормаза, который впрочемъ иногда ломается силою исторической правды и разныхъ обстоятельствъ... Нужно глубокое вниканіе въ историческій ходъ идей, которыми жило и развивалось и будетъ жить и развиваться человѣчество, представляемое въ отдѣльныхъ, хотя и связанныхъ нравственно между собою, коллективныхъ личностяхъ націй; нужно изученіе самыхъ послѣднихъ, чтобы возможно вѣрно угадывать истинныя потребности каждой, истинную роль ея въ ходѣ развитія человѣчества; а чтобы уразумѣть вполнѣ исторію народовъ, говоритъ Гизо въ предисловіи къ своему сочиненію: Essais sur l'histoire de France, „нужно долго сидѣть у ихъ колыбели, нужно шагъ за шагомъ слѣдить за ихъ выступаніемъ на историческое поприще; наступаетъ время, когда они пойдутъ наконецъ *своимъ* путемъ безъ колебанія, безъ отклоненія“ (Pour bien comprendre l'histoire des peuples, il faut s'asseoir longtemps auprès de leur berceau, et les suivre pas à pas à leur entrée dans la carriére: un moment arrive, où ils marchent enfin, sans hesitation ni détour, dans la direction qu'ils ont adoptée). Итакъ, кромѣ изученія общихъ разумныхъ началъ развитія, слѣдуетъ вполнѣ ознакомиться съ тѣмъ характеромъ каждой націи, благодаря которому указанныя начала получаютъ своеобразное выраженіе. Нѣкогда въ русской ученой литературѣ было возбуждено гоненіе противъ одного личнаго заявленія, сдѣланнаго въ томъ духѣ, что изъ историческихъ указаній можно подвести, такъ сказать, кондуитный списокъ каждому племени и народу, дѣйствовавшимъ на аренѣ исторіи. Но если мы особенно по цезаревымъ комментаріямъ о Галльской войнѣ постараемся воспроизвести характеръ Галловъ во время ихъ высшаго развитія, во время Юлія Цезаря, намъ освѣтятся многія основныя черты исторической жизни Франціи; мы найдемъ значительную помощь къ правильному уразумѣнію ея современнаго положенія; мы убѣдимся въ безусловной справедливости того заявленія, которое, во время оно, подверглось незаслуженному порицанію со стороны нѣкоторыхъ русскихъ ученыхъ... Возьмемъ другой примѣръ: что значатъ слѣдующія историческія указанія о нѣмцахъ?—напр. въ „Dialogus mira-

culorum" извѣстнаго монаха Цезарія (XIII-го вѣка) Баварцы называются *furiosi;* по причинѣ негостепріимства Баварцевъ страна ихъ слыла въ средніе вѣка *злою* (Grimm, Rechtsaltherth, s. 948); о всѣхъ нѣмцахъ далеко не лестно отзываются средневѣковые лѣтописцы, напр. „Teutonicos furibundos et in conviviis suis obscoenos dicebant," или: „ecce Allemani *semper* erant furiosi et ideo nunc habebant judices furiosos" (Ann. Wormat. bei Böhmer, Fontes 11, p. 177), или одинъ легатъ бѣжитъ отъ Тевтоновъ, „quia furorem Teutonicorum non immerito metuebat" (Ann. Colmar. ad a. 1286 bei Böhmer. 1, p. 23); или возьмемъ этотъ идеалъ Одина, которымъ возбуждается furor Teutonicus (Simrock, Handb. s. 207, 208)... Всѣ подобныя указанія *)—а ихъ достаточное количество—сводятся къ одному цѣльному образу, производятъ одно общее впечатлѣніе; и кто, самъ не нѣмецъ, безпристрастно вглядывался въ нравственное состояніе германской народности послѣдняго времени, кто имѣлъ случай непосредственно сталкиваться съ нѣмцами и въ Берлинѣ, и въ Дрезденѣ, и въ какомъ нибудь Нюрнбергѣ, тотъ найдетъ и въ наше время значительное оправданіе вышеприведеннымъ историческимъ свидѣтельствамъ; самая *солдатчина*, въ которой такъ любятъ иные винить Пруссію, представляетъ нѣчто, такъ сказать химически сродное съ существенными элементами нѣмецкой народности; лучше сказать—эта солдатчина, въѣвшаяся во всѣ поры современнаго государственнаго тѣла Пруссіи, есть лишь крайнее вынаруженіе одного изъ началъ нѣмецкаго характера; и самъ Бисмаркъ является полнымъ рабомъ историческаго движенія Германіи, цѣльнымъ продуктомъ ея односторонняго развитія; но не смотря на блестящіе внѣшніе успѣхи Пруссіи, которыхъ авторомъ является будто самый этотъ государственный человѣкъ, Пруссіи грозитъ опасность въ будущемъ; эта опасность можетъ быть опредѣлена тѣмъ нравственнымъ настроеніемъ, при

*) Мы не привели многихъ указаній подобнаго рода изъ древнихъ чисто-*славянскихъ* памятниковъ, желая избавить славянъ отъ укора въ пристрастіи.

которомъ въ обществѣ, по выраженію Милля, „души убываетъ;“ не многіе изъ лучшихъ современныхъ нѣмецкихъ мыслителей указываютъ на эту опасность, сознаютъ ея неизбѣжное, роковое вліяніе и тѣмъ доказываютъ умственное и нравственное *ослѣпленіе своихъ лучшихъ государственныхъ людей*...

Итакъ оказывается, что „государственные люди“ тянутъ историческую лямку наровнѣ съ согражданами, въ кругу которыхъ пользуются, повидимому, вліятельною ролью; и на фактѣ всегда почти такъ бываетъ, что государственные люди стоятъ на сторонѣ общественнаго большинства, поддающагося прихотливымъ вѣяніямъ извѣстнаго времени; немногіе голоса, имѣющіе прозорливость и мужество указывать вредъ отъ слѣпаго подчиненія этимъ вѣяніямъ, подвергаются если не остракизму, то пренебреженію; и подобные голоса едва ли когда исходятъ изъ среды государственныхъ людей... Все это можетъ быть подтверждено многочисленными историческими примѣрами, всякому читателю, полагаемъ извѣстными. Между тѣмъ, г. Глинка возлагаетъ на „государственнаго человѣка“ обязанность вести чуть не на помочахъ общество туда и такъ, куда и какъ сочтется за лучшее самимъ „государственнымъ человѣкомъ.“ Просимъ читателя прислушаться къ слѣдующимъ словамъ г. Глинки.

„Ему (т. е. государственному человѣку) придется не упускать изъ виду особенное значеніе идей того и другаго порядка (т. е. идей права и свободы); ему слѣдуетъ проникнуться сознаніемъ, что право служитъ основой для общественныхъ отношеній, что оно соединяетъ людей, а съ другой стороны, что съ свободой связано все, что есть возвышеннаго въ людяхъ, хотя она и стремится разъединить ихъ. Если чрезмѣрно ослабѣетъ право, то отношенія, связывающія общество, оказываются искуственными и поддерживаются однимъ только закономъ. Такое общество не имѣетъ внутренней связи, а потому, оно будетъ не прочно и крайне подвижно. Если напротивъ того, право получитъ чрезмѣрное преобладаніе, въ ущербъ свободѣ, то общество окажется скопищемъ людей, лишенныхъ тѣхъ способностей, которыми они стоятъ выше прочихъ земныхъ тварей. Общество сдѣ-

лается совершенно матеріальнымъ." (стр. XXV). Какъ ни благонамѣренны пожеланія и заявленія почтеннаго автора „науки о человѣческомъ обществѣ," но ихъ можно принять съ безусловнымъ сочувствіемъ, безъ всякихъ оговорокъ и недоразумѣній, лишь тогда, когда авторъ вслѣдъ затѣмъ выполнилъ бы слѣдующее: пусть онъ исторически представилъ бы намъ, что всякое, не сточенное механически въ видѣ разнобродной массы, но живое, органически выросшее, общество есть ничто иное, какъ скопище людей, не имѣющихъ у себя общихъ, сознательно-согласныхъ основныхъ стремленій въ жизни; что изъ подобнаго скопища выдѣлена какая то каста, состоящая изъ государственныхъ людей, которые à vol d'oiseau созерцаютъ жизнь этого скопища, изолировавъ себя отъ его будто слѣпаго историческаго движенія; что эти государственные люди сильны нравственными средствами сами, лучше кого бы то нибыло, вести скопище такъ, чтобы ни общественныя отношенія въ немъ не „поддерживались однимъ только закономъ," ни само оно не превратилось въ „общество, сдѣлавшееся совершенно матеріальнымъ"... Читатель! въ pendant къ такой исторической картинѣ, мы представили бы слѣдующее аллегорическое изображеніе: на вѣсахъ общественныхъ необходимо, для блага общества, постоянное равновѣсіе; необходимо, чтобы одна чашка вѣсовъ, въ которой наложена *свобода*, не перетягивала собою другой чашки, вмѣщающей въ себѣ *право;* и за равновѣсіемъ наблюдаетъ самый идеально-совершенный „государственный человѣкъ;" онъ какъ непогрѣшимый папа, у котораго гдѣ-то тамъ хранится „избытокъ Христовой благодати," имѣетъ у себя въ особыхъ ящикахъ запасъ и права и свободы; чуть только одна чашка общественныхъ вѣсовъ начнетъ перевѣшивать тотъ конецъ ихъ, на которомъ послѣдняя прикрѣплена, „государственный человѣкъ" подбрасываетъ въ другую чашку долю изъ помянутаго запаса, необходимую для равновѣсія общественной жизни; и такъ онъ постоянно, по своему расчету подбрасываетъ на вѣсы то горсть права, то горсть свободы,—такъ все и подбрасываетъ...

Но если желательно и возможно осуществленіе сейчасъ высказаннаго нами предположенія, то что же остается тогда отъ представленія о *живомъ* историческомъ развитіи общества, какъ цѣльнаго организма, живущаго самостоятельною внутренней силою? Во что же превращается самое понятіе о цивилизаціи? Нѣтъ! нельзя согласиться съ воззрѣніями г. Глинки на значеніе государственнаго человѣка; слѣдовательно, нельзя согласиться и съ воззрѣніями того же автора на историческое развитіе и на причины внутренняго благоденствія всякаго человѣческаго общества, живущаго государственною, цивилизованной жизнію; г. Глинка ошибся въ опредѣленіи значенія государственнаго человѣка потому, что его понятіе о силахъ общественной жизни, по нашему убѣжденію, ошибочно.

Г. Глинка выводитъ все развитіе содержанія общественныхъ отношеній и явленій общественной жизни изъ двухъ источныхъ силъ, вѣчно присущихъ человѣку,—изъ права и свободы. „Идея права—говоритъ онъ—*стремится къ матеріальному міру*, и въ немъ воплощается. Она есть зиждительное начало того вещественнаго порядка, который обезпечиваетъ существованіе человѣка, какъ отдѣльной личности и какъ члена общества (стр. XIV)“. Далѣе онъ такъ поясняетъ это положеніе: „разсудочное движеніе, имѣющее предметомъ явленія, въ которыхъ зарождаются и видоизмѣняются различныя права, есть идея права“... При исключительномъ развитіи права, когда „всѣ соціальныя отношенія обусловливаются однимъ только логическимъ развитіемъ права,—личность исчезаетъ изъ общества, собственное духовное достоинство, принадлежащее каждому человѣку, не признается. Человѣкъ, охваченный цѣпью матеріальныхъ фактовъ, опирающихся на логическіе выводы, суровые, но неотразимые съ той исключительной точки зрѣнія, съ какой они представляются, теряетъ свою волю. Онъ представляетъ не болѣе какъ единицу, имѣющую значеніе только вмѣстѣ съ другими, подобными же единицами, подчиненными посторонней волѣ одного или небольшаго числа лицъ. Развиваясь безъ всякаго противодѣйствія въ исключительномъ смыслѣ, идея права

устанавливаетъ такимъ образомъ господство матеріи надъ духомъ"... Но вотъ, по заявленію г. Глинки, существуетъ „порядокъ идей, движущихся въ направленіи противоположномъ идеямъ права... Это есть то разсудочное движеніе, которое возникаетъ, когда люди получаютъ сознаніе о равномъ духовномъ достоинствѣ ихъ относительно другъ друга... Принципъ равнаго духовнаго достоинства людей порождаетъ идею справедливости. Но равенство, о которомъ дѣло идетъ въ такомъ случаѣ, касается только матеріальнаго міра; оно означаетъ, что всѣ люди пользуются одинаковымъ превосходствомъ относительно вещественныхъ предметовъ, равною способностью установлять право. Равное духовное достоинство, имѣющееся въ виду въ другомъ случаѣ, касается самихъ людей, и означаетъ, что всѣ они одарены одинаковымъ духовнымъ достоинствомъ относительно другъ друга. Сознаніе, получаемое ими отъ этого представленія, вызываетъ разсудочное движеніе. Въ человѣкѣ, замѣчающемъ, что онъ совершенно подчиненъ волѣ другаго, является мысль дать отпоръ этому насильственному завладѣнію его тѣла чужою волей. Онъ хочетъ быть отвѣтственнымъ за свои поступки, пользоваться своими способностями и средствами ради собственной выгоды по собственному усмотрѣнію. Изъ равнаго духовнаго достоинства всѣхъ людей онъ заключаетъ, что если тѣло его можетъ быть порабощено другимъ, то воля его не можетъ быть подчинена до такой степени, чтобы она утратила всякую самостоятельность. Вытекающее отсюда разсудочное движеніе, останавливающее развитіе права, называется *идеей свободы*. И, подобно тому какъ продуктомъ *идеи права* являются различные роды права, которые можно подвести подъ одно общее названіе права, такимъ же точно образомъ и идея свободы даетъ въ общемъ результатѣ свободу, которая въ приложеніяхъ своихъ имѣетъ различныя значенія. Такимъ образомъ говорятъ: *свободный* человѣкъ, или человѣкъ, пользующійся свободой, въ противоположность человѣку, обращенному въ рабство, или даже во всякое иное зависимое положеніе. Льготы или вольности гражданскія, муниципальныя и политическія, означаютъ освобожденіе отъ извѣстныхъ стѣс-

неній или повинностей" (стр. 119 — 121). Итакъ вообще— „идея свободы стремится освободить человѣка отъ захватовъ права, принимающаго чрезмѣрное развитіе. Она сдерживаетъ возрастающую силу права различными проявленіями, представляющими, каждое, особенный видъ свободы" (стр. XIV).

Въ этой утомительно-длинной выпискѣ мы представили существо воззрѣній г. Глинки на ходъ общественной жизни; но въ этой выпискѣ что почти ни положеніе, то читателю приходится недоумѣвать и обращаться съ вопросами къ автору разбираемой книги. „Идея права стремится къ матеріальному міру"... Но свобода, по указанію хотя и противъ желанія автора, стремится къ тому же міру, если ея задача сдерживать возрастающую силу права, т.-е. иначе—если она выражается у человѣка въ разумномъ и справедливомъ пользованіи правами. Тогда однако въ чемъ же заключается свобода? По представленію автора, свобода, какъ сознаваемое угнетеннымъ человѣкомъ нравственное личное достоинство, находится въ антагонизмѣ съ правомъ, какъ сознаваемою властью надъ этимъ угнетеннымъ со стороны угнетателя; въ этомъ антагонизмѣ собственно и заключается суть общественнаго развитія и соціальной жизни; но тогда, при такомъ отношеніи между идеями свободы и права, послѣднее является лишь *попыткою* на право при постоянной возможности подвергаться нападеніямъ отъ свободы, а первая есть лишь *попытка* на свободу при такой же возможности быть побиваемой правомъ... Однако, г. Глинка указываетъ, что бываетъ періодъ владычества *только* права, и что въ этомъ періодѣ „человѣкъ представляетъ не болѣе какъ единицу, имѣющую значеніе только вмѣстѣ съ другими подобными же единицами, подчиненными *посторонней волѣ одного или небольшаго числа лицъ*"... Положимъ, что право принадлежитъ здѣсь этимъ—одному или небольшому числу лицъ; но у подчиненныхъ-то—что же, одно безправіе? Безправіе, между тѣмъ, есть отрицаніе права, а отрицаніе права, кажется, слѣдовало бы считать хоть за нѣкоторое проявленіе свободы? Но послѣдней же у вышепомянутыхъ подчиненныхъ тоже не полагается, ибо они должны

существовать въ періодѣ одного исключительнаго владычества права; чтоже у нихъ остается? Да ничего! И сознанія человѣческаго даже не должно быть, потому де—разсудочное движеніе еще не показывалось; нельзя ему показаться—право одно господствуетъ... Но вотъ наконецъ наступаетъ конецъ этому исключительному господству: у подчиненныхъ оказывается движеніе разсудка; они думаютъ о равномъ духовномъ достоинствѣ другъ друга и конечно о такомъ же достоинствѣ съ подчинившими ихъ; теперь, послѣдніе чувствуютъ напоръ подчиненныхъ на свое владѣльческое право; должна произойти борьба; а при взаимномъ нападеніи другъ на друга, когда каждый отрицаетъ право другаго, стало быть и тотъ и другой, и господинъ и рабъ, борятся за свободу?! Но этого мало: оказывается, что борьба совершается въ этомъ случаѣ за такое равенство, которое „касается *только* матеріальнаго міра"; и это равенство „означаетъ, что всѣ люди пользуются одинаковымъ превосходствомъ относительно вещественныхъ предметовъ, *равною способностью* установлять право"; но понятіе о *равной способности* выражаетъ же сознаніе объ одинаковыхъ нравственныхъ достоинствахъ относительно другъ друга? Нѣтъ, г. Глинка не позволяетъ этого. Но самое понятіе „о превосходствѣ надъ вещественнымъ міромъ" не означаетъ ли именно *духовнаго превосходства*, а сознаніе о равенствѣ такого превосходства не означаетъ ли опять таки сознанія о духовномъ равенствѣ другъ съ другомъ? Нѣтъ, для сознанія о такомъ равенствѣ относительно другъ друга должно совершиться *новое* движеніе разсудка. А пока извѣстно только, что всѣ считаютъ себя способными къ матеріальному владычеству; и если эти всѣ есть только всѣ „подчиненные", то стремясь послѣ безсознательнаго или безразсудочнаго состоянія къ правовому, они не хотятъ свободы, ибо правовое состояніе въ антагонизмѣ съ свободнымъ; а бывшіе ихъ владѣльцы, отрицая ихъ стремленія и отказываясь отъ своего прежняго состоянія, жаждутъ лишь состоянія свободнаго, которое, какъ извѣстно, должно быть въ антагонизмѣ съ правовыми стремленіями, иначе не можетъ же происходить братоубійственная

борьба у правовыхъ стремленій съ такими же и у свободныхъ съ однородными себѣ! Если же помянутые „всѣ“ есть именно всѣ, т. е. и подчинители и подчиненные, то они всѣ вкупѣ бѣгутъ отъ свободы, ибо всѣ только, по движенію своего разсудка и заботятся объ одномъ—о правахъ, правахъ и правахъ!.. Кстати вопросъ: „разсудочное движеніе“ бываетъ ли только сперва у подчиненныхъ, или за послѣдними разсуждаютъ и подчинители, и какого сорта оно у тѣхъ и другихъ?.. Но вотъ еще является *новое* разсудочное движеніе: изъ равнаго духовнаго достоинства всѣхъ людей, человѣкъ (подчиненный) „заключаетъ, что если тѣло его можетъ быть порабощено другимъ, то воля его не можетъ быть подчинена до такой степени, чтобы она утратила всякую самостоятельность“; это-то разсудочное движеніе, направленное противъ правовыхъ притязаній, и выражаетъ окончательно *идею свободы*. Но замѣтьте: подчиненный, который прежде стремился къ одинаковымъ съ своимъ господиномъ только матеріальнымъ правамъ, будто могъ въ то время какимъ то образомъ *не думать* о своей независимой волѣ! По крайней мѣрѣ, нравственное цѣлое человѣческой личности такъ схоластически растасовано, по „ранжиру“, безразсудочныхъ и разсудочныхъ состояній, въ книгѣ „наука о человѣческомъ обществѣ“... Послѣдній курьезъ, представляемый вышеприведенною выпиской изъ этой книги, слѣдующій: когда появляется въ обществѣ идея свободы, это означаетъ, что свобода и право въ той или другой силѣ антагонизма между собою; слѣдовательно тогда открывается совмѣстное существованіе этихъ двухъ идей въ обществѣ; но спрашивается, въ предшествующую пору исключительнаго владычества права, возможно ли было существованіе и хотя какое-нибудь сознаніе свободы? Кажется нѣтъ: по крайней мѣрѣ, по воззрѣніямъ г. Глинки, исключительное обращеніе къ матеріальнымъ, (разумѣй правовымъ) интересамъ несовмѣстно съ сознаніемъ свободы; мы съ великимъ сочувствіемъ были бы готовы согласиться въ этомъ пунктѣ съ г. Глинкою, которому слѣдовательно, понятно извѣстное, остроумное и глубоко правдивое, заявленіе геніальнаго нѣмецкаго поэта: деспоты, заявляетъ Гейне,

обыкновенно относятся съ пренебрежительнымъ смѣхомъ къ угнетаемымъ, считая ихъ пустыми и безразсудными фантазёрами въ ихъ мечтаніяхъ о свободѣ; но угнетенные имѣютъ право считать и деспотовъ за пустыхъ фантазеровъ, которые мечтаютъ лишь о своихъ притѣсненіяхъ подчиненнымъ... Здѣсь видно, что собственно подчиненные владѣютъ идеею свободы. Но къ удивленію, по ученію г. Глинки должно выходить на оборотъ, несмотря на вышеприведенное заключеніе, которому мы готовились было сочувствовать: „идея свободы, говоритъ г. Глинка, даетъ въ общемъ результатѣ свободу, которая въ приложеніяхъ своихъ имѣетъ различныя значенія. Такимъ образомъ говорятъ: *свободный* человѣкъ, или человѣкъ пользующійся свободой, въ противуположность человѣку, обращенному въ рабство, или даже во всякое иное зависимое положеніе;“ и такъ, при исключительномъ господствѣ права, все-таки существуетъ и свобода, такъ какъ нѣкоторыя лица находятся въ независимомъ, непорабощенномъ состояніи,—да и невозможно, чтобы *всѣ* были порабощены какою то невѣдомою имъ самимъ силою!

Теперь, мы недоумѣваемъ, чѣмъ же ученіе г. Глинки о двухъ *отдѣльныхъ* идеяхъ—правѣ и свободѣ яснѣе и лучше, смутныхъ и запутанныхъ по его мнѣнію, нѣмецкихъ ученій объ одномъ только двустороннемъ, началѣ—*права-свободы?* Ученія объ этомъ единомъ началѣ все же имѣютъ въ себѣ болѣе правдоподобія, такъ какъ элементы права и свободы неразрывны; они постоянно переплетаются въ многообразномъ узорѣ общественной жизни, и въ той или другой формѣ даютъ знать о своемъ соединенномъ существованіи во всякую пору своеобразнаго развитія каждаго историческаго народа. Затѣмъ, ученія нѣмецкихъ мыслителей о правѣ тѣмъ выше ученія г. Глинки, что каждое представляется, если можно такъ выразиться, „ученіемъ по такой то философіи;“ слѣдовательно каждое находится въ прямой зависимости отъ понятія о всеобщей истинѣ, отъ цѣлаго міросозерцанія философа на весь видимый міръ и личность человѣка; а въ такомъ просторѣ созерцанія является болѣе ручательства за разносторонность и обстоятельность изслѣдованія тѣхъ прав-

ственныхъ силъ, которыми живетъ и развивается вся сложность общественныхъ отношеній, Каково же міросозерцаніе автора „науки о человѣческомъ обществѣ"? Можетъ быть, онъ беретъ человѣка во всей совокупности его силъ нравственныхъ и физическихъ, а общество — какъ органическое соединеніе этихъ многолюдныхъ силъ? Но такая наука объ обществѣ должна быть чисто опытною (на которую авторъ будто имѣлъ претензіи, судя по его заявленіямъ приведеннымъ выше); въ такомъ случаѣ сочиненіе г. Глинки должно бы имѣть кровное отношеніе къ области антропологіи (человѣкознанія), чего мы однако не видимъ. Брался ли г. Глинка за свое сочиненіе при болѣе широкой задачѣ — изучить соціальныя отношенія съ точки зрѣнія общихъ біологическихъ законовъ, если только послѣдніе большею частію не въ фантазіи современныхъ біологовъ, если этихъ законовъ открыто и выяснено количество достаточное для уразумѣнія человѣческаго общества?... Нѣтъ, г. Глинка философствуетъ въ теоретической части своего труда лишь объ открытыхъ имъ двухъ самостоятельныхъ идеяхъ: правѣ и свободѣ. И вотъ что выходитъ, въ концѣ концовъ, изъ его философстрованія: „съ свободой, по его словамъ, связано все, что́ есть возвышеннаго въ людяхъ, хотя она и стремится разъединить ихъ"; здѣсь, кромѣ уже пониманія свободы, какъ чего то лишь формальнаго и не самостоятельнаго, усматривается слѣдующее необходимое заключеніе: свобода не отождествляется со „всѣмъ возвышеннымъ", но она съ нимъ нераздѣльна: теперь, если крайнее развитіе свободы вредно, то слѣдовательно и „все возвышенное", какъ съ нею нераздѣльное и подлежащее тому же развитію, должно быть съ извѣстной грани сдерживаемо въ своемъ развитіи... Гдѣ же эта грань? Про то, вѣроятно, долженъ вѣдать хорошій „государственный человѣкъ".—Обратимся къ ученію г. Глинки о правѣ: право есть такое начало, что самая идея его не имѣетъ законнаго права развиваться въ обществѣ далѣе какихъ то предѣловъ. Но тогда что-же это за живое и зиждительное начало, которое въ своемъ чистомъ развитіи стремится къ разрушенію общества?! Нѣтъ, авторъ какъ нибудь не совладѣлъ съ уразумѣ-

ніемъ и яснымъ опредѣленіемъ такой общественной силы; всякое дѣйствительно зиждительное начало, всякая основная идея, цивилизующая и личность и общество, потому и высоки и могущественны, что нѣтъ предѣла ихъ развитію, что безпредѣльность и непрерывность послѣдняго служатъ развитію общаго человѣческаго блага. Можно ли, напримѣръ, сказать, что начало совѣсти, справедливости, идея о нравственномъ достоинствѣ или совершенствованіи и. т. п. могутъ быть когда нибудь и гдѣ нибудь вредны лицу и обществу при какомъ бы то ни было успѣшномъ развитіи своемъ? Можно ли думать, что нужны тормазы для остановокъ прогрессивнаго развитія подобныхъ началъ и идей? Послѣ того, что же такое право,— по мнѣнію г. Глинки? Это есть какая то второстепенная, несамостоятельная сила подобно свободѣ. Мы думаемъ, что выраженіе „крайнее развитіе права" и „крайнее развитіе свободы" совершенно не опредѣленны; можетъ быть одностороннее развитіе этихъ началъ, или лучше сказать—*неразумное* развитіе, но въ послѣднемъ нисколько не учавствуютъ и не виноваты сами чистыя идеи права и свободы; иначе г. Глинка долженъ признать, что эти идеи въ существѣ своемъ неразумны! Если же они разумны, они никогда не могутъ быть вредны обществу своимъ чистымъ, безпредѣльнымъ развитіемъ; въ противномъ случаѣ, не слѣдуетъ ли думать, что самое начало разумности можетъ быть вредно обществу своимъ неумолкаемымъ развитіемъ, и что „государственный человѣкъ" долженъ сдерживать послѣднее усиленіемъ противуположнаго начала въ обществѣ?... Во всякомъ случаѣ, на двухъ подчиненныхъ началахъ (которыя, по автору, сами въ себѣ не имѣютъ регулятивной разумной силы) г. Глинка строитъ всю многообразную, многосодержательную область общественной и государственной жизни. А въ этомъ отношеніи политическая теорія его вполнѣ должна быть сочтена за теорію какого то слишкомъ исключительнаго и невѣдомаго направленія. И въ самомъ дѣлѣ, считать напр. искаженіе чистыхъ идей права за ихъ *слишкомъ* прогрессивное логическое развитіе — не обличаетъ ли слишкомъ субъективнаго взгляда на дѣло?

Если мы согласимся, что успѣхъ общественнаго развитія зависитъ отъ искуства государственныхъ людей балансировать между друмя пунктами общественными тяготѣнія — правомъ и свободой; если въ равновѣсіи этихъ двухъ началъ вся гарантія нормальнаго общественнаго развитія; если послѣднее даже все коренится на этихъ началахъ; если наконецъ содержаніе ихъ смыкается только въ область вопросовъ, въ которые долженъ быть посвященъ хорошій государственный человѣкъ и *„которые подлежатъ его разрѣшенію“*: то г. Глинка правъ, уполномочивая государственныхъ людей быть созидателями и основными хранителями всякаго общественнаго благосостоянія, или опредѣляя шире—внутренняго и внѣшняго государственнаго преуспѣянія.

Но мы видѣли, что г. Глинка не далъ намъ яснаго, опредѣленнаго представленія о содержаніи идей права и свободы. Что же такое, на самомъ дѣлѣ, представляетъ въ себѣ право? Жить честно, никому не вредить, воздавать каждому должное (honeste vivere, neminem laedere, suum cuique tribuere)— требованія, введенныя въ область пониманія правовыхъ отношеній, суть требованія и строгой морали; въ этихъ требованіяхъ выражается громадная культурная сила права, и самое право является далеко не въ такомъ узкомъ представленіи, которое выдумали нѣмецкіе разнообразные юристы, а, безотчетно слѣдуя имъ, и авторъ „науки о человѣческомъ обществѣ“. Имѣетъ ли же разумныя основы самая наука права (т.-е. спеціальная, такъ называемая, „философія права“), какъ наука о правѣ „самобытномъ, самостоятельномъ, носящемъ въ себѣ свои собственныя начала и законы своего опредѣленія“? Имѣетъ ли значеніе права „сила человѣка стѣсненная ограниченіями“, которыя не отъ закона внѣшняго, но отъ закона внутренняго, признаннаго самимъ человѣкомъ“? Не должна ли наука о правѣ превратиться „въ науку о самопризнаваемыхъ предѣлахъ силы человѣческой, т.-е. о нравственныхъ обязанностяхъ“, а такъ какъ „понятіе объ обязанности находится въ прямой зависимости отъ общаго представленія человѣка о всечеловѣческой или всемірной нравственной истинѣ“, то можетъ ли это понятіе „быть предметомъ отдѣльнымъ для

самобытной науки?“ И какъ же именно идея права относится къ идеѣ общества, какое значеніе и участіе она имѣетъ въ развитіи послѣдняго, чѣмъ и какъ наконецъ развивается общество? Этихъ основныхъ вопросовъ нисколько не рѣшаетъ „наука о человѣческомъ обществѣ“, да едва ли рѣшаетъ и преимущественно нѣмецкая „философія права“... Г. Глинка, заимствовавшись научными пріемами и даже опредѣленіемъ границъ въ изслѣдованіи общества у послѣдней, въ то же время самъ пытается разрушить всякое значеніе нѣмецкихъ ученій о правѣ... Между тѣмъ, самый апріорный мыслитель, Гегель, указавъ идеалъ общественнаго устройства въ такъ называемомъ „нравственномъ стремленіи“, быть можетъ, вѣрнѣе указываетъ путь къ разъясненію причины общественныхъ отношеній, нежели г. Глинка съ своимъ туманнымъ ученіемъ объ обществѣ, о правѣ и свободѣ... А въ концѣ концовъ, минуя спеціальную „философію права“, разработываемую преимущественно нѣмецкими юристами, едва ли какой современный изслѣдователь государственнаго и общественнаго быта, относясь къ дѣлу безпристрастно, можетъ счесть безплодными для своихъ изслѣдованій возвышенные „порывы мысли“ великихъ германскихъ философовъ; едва ли онъ не прійдетъ къ убѣжденію, что ихъ творенія, какъ дѣйствительно великія „созданія ума, нетлѣнны, что, безсмертныя, они возжигаютъ и распространяютъ въ насъ лучъ свѣта и улучшаютъ наше существованіе“. *)

Если авторъ „науки о человѣческомъ обществѣ“ желаетъ (какъ нами указано выше) внимательнаго отношенія къ исторической *дѣйствительности*; если онъ для уразумѣнія причины и развитія общественныхъ отношеній считаетъ необходимымъ прослѣдить, по его же прекрасному выраженію, тѣ историческіе „опытъ и ощупь“, которыми люди постепенно „получали понятіе о настоящемъ значеніи идей“: то онъ дол-

*) The beings of the mind are not of clay;
Essentially immortal, they create
And multiply in us a brighter ray
And more beloved existence... Childe Har. 4. V.

женъ бы заявить себя болѣе широкимъ умственнымъ отношеніемъ къ задачѣ и выполненію своего труда; полагаемъ, что г. Глинка не отрицаетъ слѣдующихъ простыхъ положеній: для уразумѣнія общественныхъ отношеній нужно знакомство съ историческою жизнію всѣхъ обществъ, выносившихъ и выносящихъ на своихъ плечахъ процессъ умственнаго и нравственнаго развитія всего человѣчества; всякое же историческое общество является, какъ *органическая связь личныхъ сознаній, соединяемыхъ не только силою непосредственнаго чувства кровнаго единства, не только общностію языка, бытоваго обычая и безсознательныхъ вѣрованій, но и силою интеллектуальнаго и нравственнаго образованія при опредѣленной вѣрѣ въ положительныя начала своей народности;* итакъ, жизнь общества есть выразительница жизни народнаго духа; а историческая дѣятельность послѣдняго *не вполнѣ* выражается въ ряду преемственно сложившихся формъ государственной и гражданской жизни, и кромѣ того—извѣстныя формы послѣдней противорѣчатъ иногда думѣ, чувству и характеру народа; такимъ образомъ, въ изображеніи лишь такой жизни не воскреснетъ передъ нами полный образъ былаго, прожитаго извѣстнымъ обществомъ; въ подобномъ изображеніи жизнь послѣдняго явилась бы обезличенною, а образъ его бездушнымъ. Вся сумма разнообразныхъ нравственныхъ явленій и стремленій, вся полнота, ширь и даль національной мысли недоступны очертаніямъ одного юридическаго, внѣшняго быта; безъ пониманія же этой мысли, проникающей разнообразныя проявленія народной, общественной и государственной жизни, неуловилъ *для вѣрнаго представленія и упомянутый юридическій бытъ;* каждая его форма есть навсегда опредѣлившаяся единица, есть остановочный пунктъ по отношенію къ неумолкаемому развитію всего умственнаго нравственнаго и бытоваго синтеза исторической жизни извѣстной національности. Потому слѣдуетъ изучать движеніе идей, которыми совершается и руководится общественное развитіе, не по однимъ лишь правовымъ положеніямъ и учрежденіямъ. Послѣ этихъ общихъ положеній, не слѣдуетъ ли признать, что исторія права каждаго даннаго народа должна

быть изучаема въ связи со всею культурой его, какъ напр. въ послѣднее время изучаются исторія литературы, искуства и т. д? А отсюда, самая наука права не имѣетъ ли разумнаго значенія лишь по стольку, по скольку она прочно стоитъ на историческихъ основахъ, иначе сказать—является „наукою правъ, т.-е. закона обычнаго или писаннаго въ его положительномъ развитіи"?

Теперь, если общество, живущее государственною жизнію, есть живое тѣло, нравственно цѣлое; если историческій ростъ его выражается въ разнообразныхъ органическихъ проявленіяхъ: то каждый дѣятельный членъ этого общества, поскольку пропитанъ всѣми соками разумной жизненной силы, питающей и развивающей общество, постольку способствуетъ, въ свою очередь, дальнѣйшему развитію послѣдняго; въ оборотѣ нравственнаго и вещественнаго капитала, составляющемъ извѣстный общественный и національный процессъ, учавствуетъ вся нація хотя бы состоящая изъ разноплеменнаго состава; за тотъ или другой характеръ этого оборота отвѣтствуютъ вовсе не одни лишь государственные люди, а, внѣ всякой сословной или другой подобной исключительности,—всѣ болѣе или менѣе участвующіе въ сознательномъ и дѣятельномъ стремленіи къ осуществленію извѣстныхъ общественныхъ и національныхъ идеаловъ. Къ этимъ идеаламъ стремятся разнообразныя общественныя направленія и партіи, формирующіяся, конечно, подъ вліяніемъ личныхъ убѣжденій и взглядовъ; но въ органически сложившемся обществѣ такая разноголосица представляетъ лишь явленіе подобное тому, какъ еслибы въ музыкальной гармоніи возможно допущенные диссонансы сводились къ консонансу. Каждое направленіе общественной жизни съ *своей стороны* служитъ какую либо службу общественному прогрессу; а въ существѣ, всегда преобладаетъ одно основное, разумное направленіе, направляющее весь прогрессивный ходъ жизни. Какъ скоро напр. въ бывшемъ Польскомъ королевствѣ неоказалось подобнаго основнаго разумнаго направленія въ ксендзошляхетномъ польскомъ обществѣ, государство пошло регрессивнымъ путемъ и разложилось навсегда; ничего не могли сдѣлать для его спасенія лучшіе короли и лучшіе государственные

люди; они не имѣли удобной почвы для своей работы, а потомъ и сами не могли же быть совершенно свободны отъ всѣхъ существенныхъ недостатковъ общественной среды.

Итакъ, извѣстные размѣры и качество соціальнаго и нравственнаго развитія въ государствѣ зависятъ отъ общественной самодѣятельности; безъ нея не мыслимо истинное развитіе, потому что, собственно говоря, въ ней то самой оно и заключается; въ чемъ же сила и руководительное начало этой самодѣятельности? Въ сознаваніи нравственныхъ идеаловъ, въ стремленіи къ ихъ осуществленію; извѣстно ученіе одного замѣчательнаго западно-европейскаго историка, будто цивилизація развивается исключительно расширеніемъ содержанія и объема только научныхъ знаній, будто идеи нравственныя, сами не способныя къ развитію, безплодны и для развитія всего человѣческаго прогресса: но что же такое этотъ—по Гуго Гроцію—appetitus societatis, это желаніе общественности, болѣе и болѣе широкое осуществленіе котораго въ человѣчествѣ совершалось и совершается столь труднымъ и долгимъ историческимъ процессомъ? Положимъ, что и личный эгоизмъ и обоюдная выгода одни изъ основныхъ факторовъ въ живомъ скрѣпленіи различныхъ общественныхъ союзовъ и въ общественной дѣятельности; положимъ, что личность всегда выбираетъ изъ двухъ благъ лучшее и изъ двухъ золъ меньшее, по своему усмотрѣнію руководясь извѣстнымъ пониманіемъ блага и зла, извѣстнымъ нравственнымъ настроеніемъ: *) Но неслѣдуетъ забывать, что личный эгоизмъ среди общественнаго развитія является въ какихъ то самопризнаваемыхъ ограниченіяхъ; *вообще* онъ выступаетъ здѣсь какъ

---

*) Совершенно могутъ быть примѣнимы здѣсь справедливыя положенія Спинозы: „lex humanae naturae universalis est, ut nemo aliquid, quod bonum esse judicat, negligat, nisi spe majoris boni, vel ex metu majoris damni; nec aliquod malum perferat nisi ad majus evitandum, vel spe majoris boni: hoc est, unusquisque de duobus bonis, quod ipse majus esse judicat, et de duobus malis quod minus sibi videtur, eliget. Dico expresse, quod sibi eligenti majus aut minus videtur; *non quod res necessario ita se habeat, ut ipse judicat.* Atque haec lex adeo *firmiter* naturae humanae inscripta est, ut inter aeternas veritates sit ponenda, quas nemo ignorare potest"... (Tract. theologico polit. Cap. XVI, §§ 15, 16, — Opera, ed. C. H. Bruder, Lips., 1846, p. 209).

эгоизмъ въ меньшей или большей степени самоотрицающійся; и каково бы ни было происхожденіе вышепомянутаго чувства общественности, мы знаемъ, что это чувство являлось и является въ видѣ совершенно искренняго доброжелательства людей другъ къ другу; быть можетъ, его источное, грубое и суровое начало забыто, и въ лучшемъ нравственно чистомъ своемъ видѣ оно стало привычно людямъ, оно превратилось въ неотъемлемое качество ихъ нравственной природы; но въ такомъ случаѣ есть же въ послѣдней какая то высшая нравственная сила, перевоспитывающая самый личный эгоизмъ, этотъ могущественнѣйшій рычагъ человѣческой дѣятельности... Вспомнимъ же хоть нѣсколько постоянныхъ проявленій чистой нравственной стихіи, присутствіемъ которой обусловливались успѣхи всеобщаго человѣческаго развитія. Возьмемъ возвышенную нравственную идею терпимости религіозной: въ то время, когда католичество огнемъ и мечомъ неутомимо преслѣдовало христіанъ иного исповѣданія и иновѣрцевъ "ради спасенія ихъ души погибелью тѣла", встрѣчаются явленія противуположнаго характера; вотъ напр. во второй половинѣ XIV вѣка является во Франціи знаменитая книга Somnium viridarii (она появилась въ 1376 г. — T. XV de Memoires de l'Acad. des Inscript., un mem. de M. Paris, p. 349; сочиненіе ея нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи приписываютъ прославленному легисту и адвокату Raoul de Presles; около 1377 г. книга переведена на французскій языкъ); авторъ „сновидѣнія садовника",ратуя между прочимъ за законность войны только справедливой т.-е. оборонительной и имѣющей въ виду прочный и благотворный миръ (по блаж. Августину: bella geramus ut pacem habeamus: esto ergo bellando pacificus!), безусловно осуждаетъ крестовые походы; за тѣмъ казнитъ папу за кровавую и жестокую пропаганду католицизма вообще между всѣми иновѣрцами *); авторъ требуетъ терпимости отъ

*) Вотъ категорическое заключеніе автора,противное всему духу католической церкви: nul mescreant ne doibt estre contrainet ni par guerre, ni aultrement, pour venir à la fois catholique et semble que contre les mescreans qui nous guerroyent seulement nous deussions faire guerre, et non contre les aultres qui veulent estre en paix. L'Apotre a dit: vobis jam bella ultra non sunt carnalia peragenda... (Songe du Verger, du texte franc. L. I, ch. CLIV).

христіанъ къ евреямъ и мусульманамъ, — и это въ темную пору XIV-го столѣтія! Это—когда Франція, до основъ истощенная и войнами и внутренними безпорядками, представляла въ себѣ какой то общественный хаосъ, такъ что Петрарка, посѣтившій Парижъ въ 1360 году, въ своихъ воспоминаніяхъ оплакиваетъ тогдашнее чуть не окончательное разрушеніе французскаго государства (Hallam, Wief of the St. of Eur. и т. д. изд. 1840 г. ч. 2, стр. 40); и наконецъ, кровавыя преслѣдованія противъ альбигойцевъ, бывшія во Франціи въ предыдущемъ, XIII, столѣтіи и учрежденіе въ ней папской инквизиціи противъ еретиковъ совершенно не могли бы, повидимому, благопріятствовать порожденію, воспитанію и росту гуманныхъ стремленій, выраженныхъ въ книгѣ Somnium viridarii. А между тѣмъ, безъ такихъ высокихъ нравственныхъ стремленій не мыслима вся исторія развитія человѣчества; долго пробиваютъ себѣ путь всѣ подобныя стремленія; но всегда же пробьютъ его; всегда въ той или другой формѣ, въ томъ или другомъ размѣрѣ, они присущи человѣческимъ обществамъ; степень развитія послѣднихъ и опредѣляется именно степенью прониканія нравственныхъ началъ во всю многообразную сложность человѣческихъ отношеній, собственно и создающихъ изъ своей взаимности *нравственно цѣлое*, общество.—Весьма поучительно слѣдить исторію тѣхъ партій, которыя въ средніе вѣка назывались еретическими и преслѣдовались грубымъ и варварскимъ папскимъ абсолютизмомъ; возьмите исторію знаменитыхъ Вальденцевъ: вы увидите въ ней энергическое и безкорыстное служеніе нравственнымъ идеямъ *), а чѣмъ же преимущественно и

---

*) Еще въ первой половинѣ XII вѣка извѣстно сочиненіе contra Valdenses; но раньше этого дошла до нашего времени поэма на романскомъ языкѣ, озаглавленная la Nobla Leuczon и принадлежащая концу XI или началу XII вѣка; въ ней находимъ такіе стихи: „если кто нибудь говоритъ, что онъ не хочетъ злословить, божиться, лгать, дѣлать несправедливости, воровать, предаваться распутству, мстить врагамъ, того прозываютъ Вальденцемъ (Vaudes) и кричатъ: смерть ему!“ (L' Israël des Alpes.. Histoire... de Vaudois du Piémont et cet. par. A. Muston, Paris, 1851. T. I, стр. 3-я и 22). И подобные противники для папства и католичества существенно опаснѣе, чѣмъ, такъ сказать, *внѣшніе* враги—какъ напр. итальянскій политикъ, вос-

разогналъ мракъ средневѣковаго католицизма, какъ не такимъ служеніемъ? Возьмемъ далѣе всѣ живыя нравственныя идеи о лучшихъ отношеніяхъ семейныхъ, гражданскихъ, идеи соціальнаго равенства и т. д., вспомнимъ всѣ гуманныя смягченія въ области напр. уголовнаго права, потомъ прониканіе нравственныхъ началъ въ область права международнаго, наконецъ всѣ идеи объ общественной автономіи, о разумномъ отношеніи общества къ государству и т. д. и т. д.—чтоже все это, какъ не выраженіе *практическаго развитія* нравственныхъ началъ, создававшихъ и создающихъ всемірную человѣческую цивилизацію? Самая работа научной мысли была бы для послѣдней безплодна, если бы она не одухотворялась и не руководилась движеніемъ и развитіемъ человѣческаго нравственнаго чувства и вообще лучшими идеальными стремленіями. Сила этихъ стремленій и строгая требовательность высшей чистоты нравственнаго чувства нерѣдко выражаются въ самыхъ отрицательныхъ личныхъ взглядахъ и направленіяхъ, идущихъ въ разрѣзъ съ общими установившимися понятіями о нравственныхъ началахъ жизни; но подобное отрицаніе есть отрицаніе лишь условно и временно освященнаго лицемѣрнаго искаженія этихъ началъ въ какихъ либо сторонахъ общественнаго быта; такое отрицаніе можетъ быть, конечно, и весьма безразсуднымъ по своей нетерпимости, по своимъ нерѣдко уродливымъ проявленіямъ; но источникъ его въ живомъ и разумномъ содержаніи нравственной природы человѣка. Всѣ *истинные* успѣхи общественнаго развитія проявляются лишь въ постепенномъ раскрытіи всего богатства этого содержанія; при заглушеніи же силъ нравственной человѣческой природы могутъ быть въ государствѣ и обществѣ только успѣхи *кажущіеся*, обманчивые, которые

кликнувшій въ 1865 г.: „la papauté temporelle est finie“. La spirituelle est menacée. Nous disons: tant mieux“... (Pie IX,—Petruceclli della Gattina,—Bruxelles, 1866, p. 78); или напр. эти курьезные современные прогрессисты такъ называемой „старокатолической партіи“, разыгрывающіе весьма понятный концертъ на остроумную тэму Вольтера: „Baisons les pieds au saint père et lions—lui les mains“! Эти внѣшніе враги заботятся объ *условныхъ ограниченіяхъ*—только, они далеки отъ борьбы съ принципомъ....

внутренно несостоятельны и потому неплодотворны въ жизни; и никакіе искусные „государственные люди“, никакія искуснѣйшимъ образомъ устроенныя „учрежденія“ не придадутъ подобнымъ успѣхамъ живой, возрощающей силы; вспомнимъ, для доказательства сейчасъ высказаннаго положенія, слѣдующее историческое явленіе: прославленный „государственный человѣкъ“ Пруссіи, Штейнъ, предначертаніямъ котораго много обязана современная Пруссія въ своемъ внутреннемъ устройствѣ, заявивъ эти свои предначертанія въ оффиціальномъ письмѣ отъ 24 ноября 1808 года, заключилъ свое письмо слѣдующимъ знаменательнымъ положеніемъ: чтобы всѣ учрежденія (предложенныя Штейномъ) вполнѣ достигли своей цѣли т.-е. внутренняго развитія народа, слѣдуетъ вновь *оживиться религіозному чувству* послѣдняго; и далѣе Штейнъ замѣчаетъ, что Пруссія можетъ ожидать себѣ лучшаго будущаго лишь при выросшемъ въ ней сильномъ физически и *нравственно* поколѣніи... (Preussens Stattsmänner, I. Leipz. 1841, стр. 23 и 24). Оправдала ли Пруссія великія чаянія своего реформатора? Истые обожатели современной Пруссіи, конечно, отвѣтятъ на этотъ вопросъ утвердительно; внѣшніе успѣхи этого государства они представятъ за доказательство его внутренняго преуспѣянія; и въ самомъ дѣлѣ, извѣстнѣйшіе прусскіе генералы, послѣ окончанія побѣдоносной войны съ Австріею въ 1866 году, представили своему королю слѣдующее всеподданнѣйшее заявленіе: „Армія вашего королевскаго величества, которая теперь сражалась и побѣдила, вся образовалась изъ прусской начальной школы“... Но не въ томъ ли пока и единственный результатъ извѣстнаго внутренняго устройства Пруссіи? Избави же Богъ всякую христіанскую страну отъ проявленія только подобныхъ результатовъ ея внутренней общественной жизни! *) А затѣмъ, посмотримъ, чтоже это за пресловутая нѣмецкая начальная школа?

---

*) Дочего доходитъ ослѣпленіе нѣмцевъ, это видно хотя изъ предполагаемаго цѣлаго изданія, имѣющаго трактовать о войнѣ съ французами; изданіе носитъ заглавіе „Der *heilige* (!) krieg — 1870 — 1871. См. объявленіе въ Familien—Kalender на 1872 годъ, изд. въ Лейпцигѣ и пользующемся большою популярностью во всей Германіи.

замѣтимъ напередъ, что прусское устройство и прусскій характеръ ея перешли вообще во всю сѣверную Германію: и оказывается, что подъемъ этого начальнаго школьнаго образованія выражается всего болѣе въ принудительности образованія; что одинъ изъ лучшихъ современныхъ нѣмецкихъ педагоговъ долженъ былъ сказать: Schulzwang—ein Stück moderner Tyrannie; что эта вооруженная Schulzwang, которая „насильственно—на буксирѣ тянетъ массы къ просвѣщенію“, даетъ весьма и весьма плохое умственное и нравственное развитіе народу; что учителя хвалятся въ школѣ лишь внѣшнимъ порядкомъ, самодовольно заявляя такую безнравственную мысль: „bei uns in der Schule wie im Militairdienste“, что на съѣздахъ учителей заявляется, въ тоже время, такой знаменательный фактъ: „объ руку съ подъемомъ школьнаго образованія идетъ упадокъ нравственности“ (Preussische Zeit. Berl. № 227, Freit. 22 Sept. 1871); что наконецъ одинъ чужеземный наблюдатель нѣмецкихъ начальныхъ школъ, вполнѣ компетентный въ дѣлѣ педагогіи, долженъ былъ воскликнуть: „нѣтъ, нѣмцы не осуществили ни Песталоцци, ни Дистервега, ни Фребеля!... Избавь насъ Богъ отъ духа нѣмецкой школы! Не желаю я и тѣхъ формъ, какими живетъ прусская школьная дисциплина“! и т. д. и т. п... Въ заключеніе, кто же не согласится, что совмѣстно съ внѣшнимъ и матеріальнымъ усиленіемъ Пруссіи внутри ея народа и общества будто изсякаетъ творчество свободной мысли, и во всѣхъ сферахъ послѣдней распространяются бѣдность и односторонность?.. Очень не многіе изъ лучшихъ нѣмцевъ сознаютъ сами это печальное историческое явленіе. И поворотъ къ лучшему можетъ произойти лишь чрезъ преобладаніе такого искренняго сознанія во всемъ обществѣ, чрезъ усиліе послѣдняго перейти къ иной, болѣе разумной, болѣе ясно сознательной жизни; а такой переходъ, конечно, отразится на всемъ соціальномъ и государственномъ бытѣ, на всѣхъ проявленіяхъ національной жизни. Заслуга государственныхъ людей будетъ тогда состоять въ томъ, чтобы они поняли подобное общественное движеніе, помогли ему для общаго блага; создать же это движеніе никакой государственный человѣкъ не мо-

жетъ. Это движеніе есть цѣльное нравственное движеніе общественнаго ума и чувства, общественной—если можно такъ выразиться—совѣсти.

Мы пришли опять къ тому положенію,что истинное внутреннее и внѣшнее преуспѣяніе общества зависитъ отъ постепеннаго развитія въ немъ идей нравственныхъ, отъ примѣненія послѣднихъ къ жизни. Положимъ, что въ существѣ всякая нравственная истина проста и немногосложна;но таково же отличіе и всѣхъ дѣйствительно научныхъ истинъ; физическій законъ тяготѣнія напр. опредѣляется весьма просто,кратко и ясно; но какая же громадная научная область о проявленіяхъ этого закона въ природѣ, о многообразныхъ явленіяхъ,отъ него зависящихъ! И если научная истина, математически ясная и непреложная,а потому „противоположная мысли, по своей сущности, свободной", порождаетъ многовѣковыя изученія ея существованія въ извѣстныхъ группахъ явленій дѣйствительнаго міра, то еще болѣе многосложнаго и обширнаго изученія требуютъ всѣ бытовыя проявленія нравственныхъ идей въ каждомъ и во всѣхъ человѣческихъ обществахъ; эти идеи разъяснялись и будутъ разъясняться свободною мыслію человѣческою, пока она существуетъ въ мірѣ; эти идеи, быть можетъ понятыя теоретически во всей ихъ чистой простотѣ, тѣмъ не менѣе только постепеннымъ путемъ разъясняются практически въ порождаемыхъ ими многочисленныхъ и разнообразныхъ явленіяхъ быта общественнаго. Возьмемъ институты семейнаго права отъ разныхъ временъ и разныхъ народовъ: въ каждомъ изъ нихъ выражаются извѣстныя нравственныя воззрѣнія объ отношеніяхъ мужа къ женѣ, отца и матери къ дѣтямъ; развитіе извѣстной нравственной идеи найдемъ и въ исторически смѣнявшихся институтахъ напр. наслѣдства; возьмемъ отдѣлъ обязательствъ: было время, что напр. у римлянъ признавалось за справедливое кредиторамъ разрѣзать своего несостоятельнаго должника на части, соотвѣтственно причитающейся каждому изъ нихъ суммѣ! И въ историческомъ обзорѣ разныхъ бывшихъ взысканій за долги до современныхъ—мы увидимъ, какъ развивалось также извѣстное нравственное начало. Возьмемъ наконецъ область договоровъ: въ историческомъ

изученіи этой области намъ представится разнообразное выраженіе того или другаго развитія чувства общественности и нравственнаго довѣрія людей другъ къ другу. Словомъ, въ исторіи самаго матеріальнаго права, именно права гражданскаго, мы увидимъ жизнь и развитіе практическое нравственныхъ началъ, развитіе въ чередующихся другъ за другомъ, разнообразныхъ бытовыхъ опредѣленіяхъ. Въ этомъ отношеніи много значитъ безпристрастное и вполнѣ серьезное изученіе разныхъ національныхъ правовыхъ своеобразій; бываетъ такъ, что къ неособенно богатому содержанію нравственныхъ идей извѣстное общество относится весьма дѣятельно, словомъ—оно пускаетъ въ оборотъ всѣ свои наличныя, быть можетъ, и небогатыя и односторонніа, нравственныя средства, оно живетъ *интенсивною* жизнію (конечно, выраженіе одностороннихъ и узкихъ нравственныхъ началъ совершается легче въ жизни, чѣмъ объясняется иногда и, такъ сказать, *скорость* общественнаго прогресса); бываетъ наоборотъ, что при широкихъ задаткахъ развитія, при глубокихъ требованіяхъ духа, общество будто идетъ лѣниво по пути своего развитія, а въ сущности выраженіе этихъ требованій естественно должно совершаться болѣе долгимъ, болѣе труднымъ историческимъ процессомъ... Бываетъ наконецъ такъ, что извѣстное общество рядомъ громадныхъ ошибокъ, рядомъ кровавой борьбы съ разными твердыми препятствіями, стремится осуществлять въ своей жизни тѣ начала человѣческаго равенства и бытовой справедливости, которыя присущи жизни другаго общества по самой его природѣ; и здѣсь вполнѣ получаетъ оправданіе достоинство особенностей племенныхъ или такъ называемыхъ народныхъ началъ: вспомнимъ напр. бытовое явленіе—южно-славянскую общину *(задругу)*, также русскую поземельную общину, русскія артели—выраженіе чисто славянской общинности; вспомнимъ затѣмъ, что Прудонъ считалъ Россію за отечество соціализма; вспомнимъ наконецъ, что современныя западно-европейскія соціалистическія ученія, начиная хотя съ знаменитаго Сенъ-Симона, теоретически стремятся къ той же славянской общинности, самымъ этимъ стремленіемъ ратуя противъ той несправедливой односторон-

ности, которая отмѣчаетъ собою многовѣковое развитіе, соціальное и религіозное, западной Европы *); и всѣ безразсудныя стороны соціалистическихъ ученій, всѣ противуестественныя измышленія коммунизма о *принудительномъ* равенствѣ матеріальномъ и нравственномъ доказываютъ только *страстное желаніе скорѣе* уничтожить всѣ, возмущающіе нравственное чувство, несправедливости соціальной жизни; въ основѣ всѣхъ этихъ сумасбродныхъ ученій все же живетъ и движется чувство высоконравственное, чувство справедливости и духовнаго равенства людей; а своими крайностями эти ученія оправдываютъ то вѣрное положеніе, что перестроивать жизнь по утопіямъ невозможно, что для преобразованій общественныхъ должны быть *готовыя* нравственныя средства, что для успѣха дѣйствительныхъ соціальныхъ улучшеній необходимо нравственное перевоспитаніе общественнаго ума и чувства, что историческія ограниченія и условности могутъ своимъ неотрывнымъ вліяніемъ искажать въ проявленіи самыя возвышенныя и чистыя стремленія, обнаруживающіяся среди ихъ обстановки; въ началѣ своихъ замѣтокъ мы говорили о томъ характерѣ, при которомъ можетъ быть истинно успѣшна политика преобразованія общественнаго; прибавимъ теперь еще, что она успѣшна именно тогда, когда при ея помощи люди какъ бы, по выраженію геніальнаго античнаго мыслителя, „формируются и воспитываются въ нѣдрѣ земли", т.-е. свободно принимаютъ и претворяютъ въ свою жизнь тѣ улучшенія общественныя и государственныя, которыя вполнѣ

---

*) Религіозная доктрина Сенъ-Симонизма, конечно, несостоятельна и во многомъ смѣшна по своей наивной безразсудности; но весьма много справедливаго въ нападкахъ сенъ-симонистовъ на безжизненность, деспотизмъ и тьму римскаго католичества, на абстрактность протестантизма, выродившагося въ забаву мелкотравчатой ученостью, на противорѣчія жиденькаго либерализма энциклопедистовъ XVIII вѣка о христіанскомъ и республиканскомъ братствѣ, о „любви, которая даетъ то, что награбила, и филантропіи, которая, танцуя, раздаетъ милостыню," наконецъ на слѣпое пристрастіе политиковъ вѣрить въ возрождающую силу одного мертваго механизма конституціонныхъ учрежденій (Religion S. Simonienne, enseig. cent., Paris. 1831).

соотвѣтствуютъ матеріальнымъ и нравственнымъ условіямъ ихъ жизни *).

Мы слишкомъ достаточно высказались для того, чтобы окончательно опредѣлить характеръ сочиненія г. Глинки; въ своемъ, возможно краткомъ, разборѣ его книги мы будемъ держаться, конечно, тѣхъ общихъ основаній, какія переданы или намѣчены въ предыдущихъ нашихъ замѣткахъ. Собственно говоря, книга г. Глинки, сама по себѣ, не представляетъ чего-либо особенно замѣчательнаго въ ученой юридической литературѣ; ради нея самой рецензенту едвали бы слѣдовало вдаваться въ какія-либо общія соображенія; но эта книга имѣетъ для насъ важное значеніе потому, что она есть *частное проявленіе общаго типа:* она—одно изъ многихъ сочиненій публицистико-политико-юридическихъ, направленія и научнаго характера которыхъ нельзя не признать крайне односторонними. Этотъ характеръ, это направленіе въ области юридико-политической науки заслуживаютъ полнаго вниманія

*) Заявивъ, что „политія" тогда только можетъ быть осуществима, когда бы люди согласились, что сама „мать земля" произвела ихъ, согласившихся жить по плану политіи, на свѣтѣ, Платонъ самъ даетъ разумѣть, что „политія" его есть рядъ мечтаній, что онъ, слѣдовательно, не думалъ предлагать ее для непосредственнаго практическаго приложенія. Даже въ „законахъ," гдѣ, по мнѣнію ученыхъ критиковъ, представляется болѣе практическій идеалъ государственнаго устройства, Платонъ все-таки замѣчаетъ слѣдующее: „скажутъ, что я изъ воску хочу построить городъ и сотворить гражданъ. Возраженія эти не безъ основанія"... (Плат. разгов. о закон. перев. В. Оболенскаго, М. 1827 г., стр. 201). Итакъ Платонъ желалъ предложить только свои философскіе взгляды на природу тѣхъ отношеній человѣческихъ, которыя имѣютъ общественный характеръ; а начертаніе государственнаго устройства—это лишь форма для выясненія философскихъ убѣжденій. Между тѣмъ, г. Глинка, слѣдуя большею частію за нѣмецкими критиками, заявляетъ съ пренебреженіемъ, что „Платонъ предложилъ такой идеалъ (государства), который былъ плодомъ одного воображенія, и потому никогда не могъ имѣть практическаго значенія" (Наук. о чел. об. стр. 382). Какъ будто Платону слѣдовало начертить проектъ конституціи! Какъ будто множество глубокихъ и свѣтлыхъ соображеній Платона—лишь плодъ воображенія! Лучшее изъ нѣмецкихъ изслѣдованій о политическомъ ученіи Платона старается доказать, что Платонова политія есть контрастъ Периклову устройству государства (Gesch. und system der Rechts und staatsphilosophie, v. Dr. Karl Hildenbrand. Erst. B. Leipzig, 1860, стр. 154). Г. Глинкѣ хотя бы въ этомъ изслѣдованіи кой-что почерпнуть для своей книги...

со стороны всякаго, неравнодушнаго къ судьбамъ послѣдней. Вотъ оправданіе нашего обстоятельнаго отношенія къ книгѣ г. Глинки, дальнѣйшимъ разсмотрѣніемъ которой мы теперь и смѣемъ занять вниманіе читателя.

Съузивъ все богатое нравственное содержаніе, которымъ развивается всякое историческое общество, въ границы только двухъ началъ—права и свободы, авторъ „науки о человѣческомъ обществѣ,“ какъ мы видѣли, не выяснилъ и послѣднихъ; между тѣмъ, вотъ какою прекрасною и широкой задачей задался г. Глинка для изображенія своей „науки“ читателямъ: „изученіе общественныхъ отношеній должно начаться правомъ“ (XV), ибо право, въ послѣдовательномъ развитіи, отъ своего зарожденія, даетъ матеріалъ для раціональнаго раскрытія самаго процесса образованія и развитія общественныхъ отношеній—отъ простѣйшихъ до болѣе и болѣе сложныхъ; сообразно такому взгляду г. Глинка начинаетъ свое сочиненіе изложеніемъ ученія объ идеѣ права и первомъ ея слѣдствіи—личной собственности, затѣмъ разсматриваетъ всю совокупность права гражданскаго (о правѣ перваго занятія, о различіяхъ въ гражд. правѣ — предметы одушевленные, неодушевленные и т. д., о различныхъ видахъ гражданскаго права—закладѣ, дарѣ и т. д.,—о нарушеніяхъ права, о правосудіи и о законной власти съ ея различными видами). Послѣ того г. Глинка переходитъ къ теоретическимъ размышленіямъ о свободѣ (ея идеѣ и видахъ), о равноправности и власти закона. Преобладаніемъ начала права или начала свободы образуются и поддерживаются различныя соціальныя формы; общественное право, по г. Глинкѣ и представляетъ изъ себя область этихъ соціальныхъ формъ которыя различаются, опять-таки, вотъ по какимъ признакамъ: „обѣ идеи (право и свобода), рѣзко развиваясь въ ущербъ одна для другой въ свойственномъ для каждой изъ нихъ направленіи, выражаются *особой* соціальною формой: идея права—патріархальной формой общественнаго быта, въ которомъ власть принадлежитъ или одному лицу, или меньшинству; идея свободы—республикой, въ которой воля большинства составляетъ законъ. Сочетаніе обѣихъ идей въ опредѣ-

ленныхъ размѣрахъ пораждаетъ двѣ другія общественныя формы. Если отношенія между этими идеями опредѣлены до малѣйшихъ подробностей многочисленными соглашеніями, то результатомъ является *феодальная* общественная форма, а если отношенія эти опредѣляются либо однимъ только соглашеніемъ или хартіей, либо нѣсколькими, дополняющими одно другое, то мы получаемъ *конституціонную* общественную форму" (стр. XVI—XVII).

Итакъ вся задача автора книги, многообѣщавшей по заглавію, разрѣшилась небольшими толками о правѣ гражданскомъ, уголовномъ, о судѣ, правительствѣ и администраціи, а затѣмъ поясненіямъ, что человѣческое общество можетъ существовать формами или патріархальнаго быта, или республики, или феодализма, или конституціи. И этимъ всѣмъ исчерпывается полное содержаніе *науки о человѣческомъ обществѣ!* Надѣлѣ мы видимъ, что книга г. Глинки въ первой своей половинѣ (теоретической) представляетъ какіе то этюды публициста о нѣкоторыхъ положеніяхъ права гражданскаго, уголовнаго и т. д., затѣмъ совершенно несвязанные съ этими этюдами другіе очерки (представляющіе „взглядъ и нѣчто") о республикѣ, о феодализмѣ и т. д. Все это, за исключеніемъ „нѣчто", можно съ положительною пользою узнать изъ спеціальныхъ хорошихъ учебниковъ права гражданскаго, уголовнаго, государственнаго и международнаго,—учебниковъ, отличающихся, по крайней мѣрѣ, обиліемъ матеріала и дѣйствительно научною обстоятельностью.

Г. Глинка предположилъ представить *естественный* ростъ человѣческаго общества, начиная съ основъ его — простѣйшихъ правовыхъ отношеній (какъ напр. право перваго занятія)—и что же вышло изъ его сочиненія? Вмѣсто того, чтобы на дѣлѣ оппонировать „людямъ науки," которые не умѣютъ „прослѣдить за движеніемъ какой-либо идеи", и для того „захватить ее при ея зарожденіи;" которые незнаютъ, что это „движеніе состоитъ въ непрерывномъ рядѣ развитій, логически связанныхъ одно съ другимъ;" которые произвольно избираютъ „одно изъ нихъ за точку отправленія," и тѣмъ „разрываютъ эту связь, начиная свои изслѣдованія фактомъ,

оторваннымъ отъ всего предъидущаго, и стало-быть, лишеннымъ всякаго раціональнаго основанія," (стр. XV, XVI)— авторъ „науки о человѣческомъ обществѣ" только строитъ внѣшнее очертаніе помянутаго *роста общественнаго;* внутреннее же содержаніе, которое должно бы представлять цѣльную картину въ линіяхъ этого очертанія, собрано частію изъ обрывковъ ходячихъ элементарныхъ понятій о томъ или другомъ видѣ и предметѣ права, частію же изъ произвольныхъ теоретическихъ измышленій г. Глинки. *) Преемственная связь между отдѣлами первой части „науки" составляетъ очень слабый сшивокъ, въ которомъ весьма ясно бѣлѣютъ нитки; можно легко перетасовать эти отдѣлы, такъ что выйдетъ, что сперва общественныя отношенія выразились въ уголовныхъ правовыхъ опредѣленіяхъ, затѣмъ въ гражданскихъ и т. д. По крайней мѣрѣ, можно думать, что представленное г. Глинкою логическое развитіе отношеній общественныхъ потому именно логично, что авторъ толкуетъ о каждомъ отношеніи на такихъ то, а не на другихъ страницахъ своей книги... Напр. сказавъ, что вначалѣ человѣкъ представляется нераздѣльнымъ совсѣми своими правами, но потомъ между нимъ и ими является различнаго рода разъединеніе, авторъ утверждаетъ, что разъединеніе проявляется 1, въ *залогѣ* или *ссудѣ*, 2, въ *дарѣ* и 3, въ *договорѣ;* что же значитъ такова логическая, естественная постепенность, въ

---

*) Напр. „такъ какъ наибольшее насиліе начинается съ убійства, то съ него же должно начинаться и наказаніе; въ противномъ случаѣ, еслибы исключена была смертная казнь, то, по числу своему, категоріи наказаній оказались бы ниже категоріи преступленій" (стр. 94). Замѣчательная преданность мысли систематичному формализму! Или: „принципъ возмездія (наказаніе, по автору, должно быть слѣдствіемъ принципа возмездія) въ особенности легко было бы примѣнить къ опредѣленію наказаній, навлекаемыхъ насиліемъ, произведеннымъ надъ тѣломъ человѣка ударами, ранами, такъ какъ преступникъ имѣетъ такое же тѣло, какъ и человѣкъ пострадавшій. Однакоже, встрѣчается множество обстоятельствъ, недопускающихъ строгое приложеніе возмездія къ такого рода преступленіямъ. Приходится принять въ расчетъ различіе половъ, въ особенности, если насиліе усложняется оскорбленіемъ чести (!!)... Въ утѣшеніе за невозможность подобнаго возмездія авторъ говоритъ: „въ такомъ случаѣ принципъ этотъ получаетъ только логическое или теоретическое значеніе" (стр. 95)!...

которой совершается помянутое разъединеніе?—отвѣта въ книгѣ нѣтъ... Нѣтъ въ книгѣ отвѣтовъ и на множество другихъ подобныхъ вопросовъ, изложить которые потребовалось бы тоже въ цѣлой книгѣ, пожалуй, неменьшей, чѣмъ и „наука о человѣческомъ общесевѣ.“ Поэтому разборъ первой части сочиненія г. Глинки мы сейчасъ закончимъ слѣдующими общими положеніями:

Чисто юридическія, правовыя отношенія прежде всего можно узнавать изъ бытовыхъ опредѣленій, получившихъ свое выраженіе въ обычаѣ и законѣ; между тѣмъ, самъ г. Глинка говоритъ: „Гизо основательно замѣчаетъ: исторія законовъ понимается труднѣе, чѣмъ исторія собственно такъ называемыхъ событій. Матеріальное появленіе законовъ нерѣдко бываетъ до точности извѣстнымъ; но явленія, подлежавшія ихъ вѣдѣнію, потребности и соціальные перевороты, которымъ соотвѣтствуютъ законодательства, почти всегда неизвѣстны, или по крайней мѣрѣ сомнительны. (Hist de la civilis. en France, t. 11, p. 238). —Чѣмъ болѣе всего затрудняется основательное изученіе законовъ, это—необходимостью имѣть понятіе объ измѣненіяхъ, совершившихся въ идеѣ права. Эти измѣненія *до сихъ поръ мало изучались*, а между тѣмъ, ими обусловливаются перемѣны въ *идеяхъ справедливости*, и въ законодательствѣ, служащемъ ихъ выраженіемъ“ (наука о чел. общ. стр. 77—8). Итакъ, г. Глинка не будетъ отрицать, что одно изложеніе содержанія юридическихъ памятниковъ, въ ихъ хронологической послѣдовательности, и, быть можетъ, съ раздѣленіемъ этого матеріала на подходящія рубрики, не будетъ составлять изложенія научнаго; для послѣдняго нужно стараться научнымъ образомъ разъяснить живой, бытовой смыслъ этихъ памятниковъ; а поэтому во всемъ юридическомъ матеріалѣ ученый долженъ угадать и посильно опредѣлить тѣ своеобразныя правовыя воззрѣнія, которыя отличаютъ помянутый матеріалъ, какъ составляющій достояніе именно извѣстнаго народа; пусть эти воззрѣнія, такъ сказать, сами собою обнаружатся въ совершаемой ученымъ критической разработкѣ существующихъ источниковъ, чтобы посредствомъ объясненія всѣхъ внѣш-

нихъ историческихъ отношеній и движеній внутренняго духовнаго развитія, которыя вліяли на образованіе права въ данномъ народѣ, воспроизведенъ былъ типъ правовой, принадлежащій именно этому народу; затѣмъ, такой опредѣленный типъ долженъ быть подвергнутъ плодотворному сравнительному изученію съ другими, строго научнымъ путемъ воспроизведенными, правовыми типами иныхъ народовъ. Изъ подобнаго изученія явится, можетъ быть, и дѣйствительно вѣрное, реальное разъясненіе идеи права со всѣми ея сторонами, со всѣмъ богатымъ разнообразіемъ ея проявленій. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, указаннымъ нами изъ книги г. Глинки, послѣдній имѣлъ претензію подобнымъ образомъ разъяснить читателямъ идеи права и свободы; но на дѣлѣ, авторъ „науки о человѣческомъ обществѣ", вмѣсто того чтобы выразить свой „порывъ мысли" и свое „умозрѣніе" въ угадываніи и разъясненіи основнаго смысла многочисленныхъ юридическихъ явленій, которыя намъ представляетъ исторія человѣческихъ обществъ,—во 1-хъ далеко не изучилъ удовлетворительно этихъ явленій, даже со стороны ихъ богатаго фактическаго содержанія, и во 2-хъ свой „порывъ мысли" и свое „умозрѣніе" выразилъ въ произвольномъ теоризированіи на нѣмецкій ладъ, мало справляясь съ *точными* „объективными основаніями."

Трудъ г. Глинки, впрочемъ, не единственный въ своемъ родѣ. Авторъ „науки о человѣческомъ обществѣ" имѣетъ, по крайней мѣрѣ, нѣсколько вѣрныхъ запросовъ относительно изученія разныхъ сторонъ юридическаго быта; онъ почти приближается и къ самой задачѣ уяснять смыслъ общественныхъ отношеній изученіемъ ихъ логическаго развитія съ самаго зарожденія общественныхъ идей; мы это отличіе труда г. Глинки и указывали выше; но подобные запросы и высказываніе подобной задачи вѣрны у послѣдняго лишь со стороны *формальной;* въ сущности же, авторъ „науки," судя по его сочиненію, убѣжденъ, что ясное пониманіе столь великаго міроваго явленія, какъ человѣческое общество, возможно при разборѣ чистыхъ юридическихъ опредѣленій и извѣстныхъ соціальныхъ формъ только въ границахъ этихъ опре-

дѣленій и этихъ формъ. Такое направленіе имѣло многихъ приверженцевъ въ области науки о правѣ; теперь ихъ убываетъ. По такому направленію, для пониманія „Русской Правды," напримѣръ, достаточно разобрать этотъ памятникъ на столько, чтобы возможно было свободное его прочтеніе; а затѣмъ изъ одного текста „правды" вы непосредственно и вполнѣ ознакомитесь съ юридическимъ бытомъ Руси XI столѣтія; если же вамъ желается знать напр. объ отношеніяхъ русскихъ князей къ народу въ XIV, XV вѣкѣ,—для того достаточно опять таки лишь прочесть нѣсколько оставшихся государственныхъ грамотъ и договоровъ; это весьма удобный матеріалъ, чтобы имъ подвердить частныя измышленія нѣсколькихъ нѣмецкихъ ученыхъ о необходимости господства частнаго права въ извѣстную пору историческаго развитія народа и т. д. Весь же остальной историческій матеріалъ, даже самыя лѣтописи, можно считать непригоднымъ балластомъ, который весь долженъ быть растасованъ по рубрикамъ—одно для исторіи церкви, другое для исторіи литературы, третье для исторіи внѣшнихъ отношеній и т. д. и т. п. Какъ будто историческое творчество народнаго духа по понедѣльникамъ направлено, напр. только на церковно-религіозную сферу, по вторникамъ лишь на юридическую, по середамъ на одну экономическую и т. д. и т. д.! Какъ будто совокупность жизненныхъ явленій представляетъ только механическую стачку разныхъ исключающихъ другъ друга особей! Какъ будто институты древняго римскаго права объяснимы безъ изученія всей древности римской, а напр. чтеніе одного „полнаго собранія законовъ россійской имперіи" способно преобразовать русскаго читателя, хотя бы самаго серьезнаго и внимательнаго, въ истиннаго русскаго юриста!... Нѣсколько выше мы высказались о пріемахъ изученія своеобразныхъ правовыхъ воззрѣній въ историческомъ быту извѣстнаго народа: смѣемъ завѣрить, что никакой, вооруженный подобными пріемами, юристъ, изучающій русское право, не возбудилъ бы справедливыхъ возраженій (въ Юрид. Вѣстн. № 3 1871) противъ своего уразумѣнія напр. поговорки: „вдова — мірской человѣкъ," и т. п. и т. д. Вѣрное объясненіе частныхъ фактовъ

жизни, къ какой бы области они не относились, дается вѣрному общему разумѣнію всей жизни.

И если исторія законовъ гражданскихъ и уголовныхъ должна быть изучаема въ соединеніи съ исторіей всей жизни извѣстнаго народа, то исторія соціальныхъ формъ еще болѣе подлежитъ подобному изученію. Самъ г. Глинка справедливо выразился, что измѣненія въ идеѣ права до сихъ поръ мало изучались, „а между тѣмъ, ими обусловливаются перемѣны *въ идеяхъ справедливости*, и въ законодательствѣ, служащемъ ихъ выраженіемъ;“ такія слова какъ разъ приложимы и къ автору, непредставившему въ „наукѣ о человѣческомъ обществѣ“ хотя бы попытки на историческое изученіе указанныхъ перемѣнъ въ идеяхъ справедливости, а эти идеи живутъ и движутся во всемъ строѣ всякой общественной жизни, какою-бы соціальной формой она ни отличалась: эти „нравственныя“ идеи составляютъ достояніе каждой національности, и самъ г. Глинка согласенъ, что ихъ развитіемъ условлены всѣ *правовыя* измѣненія... Выше мы слишкомъ достаточно высказались, что содержаніе этихъ идей раскрывается въ руководящихъ обществомъ и народомъ идеалахъ, что въ болѣе или менѣе энергичномъ стремленіи къ тѣмъ или другимъ идеаламъ высказывается смыслъ всей жизни каждаго народа и оправданіе той или другой его дѣятельности на поприщѣ исторіи. Отъ историка—юриста должно требовать усиленнаго вниканія во всѣ общественныя движенія, обусловленныя настроеніемъ національнаго ума и чувства, во всѣ проявленія этихъ ума и чувства, дающихъ извѣстный общій смыслъ и общій характерный обликъ всей жизни народа. „Какъ потокъ быстро стремится, и одна волна безпрестанно смѣняется другою, такъ въ воспоминаніи нашемъ безпрестанно должны родиться новыя добрыя мысли, между тѣмъ какъ другія изчезаютъ“—вотъ прекрасное выраженіе геніальнаго античнаго мыслителя (Плат. о закон. стр. 178): потокъ нравственныхъ идей переливается въ жизни народа, развитіе общественной жизни котораго заключается въ постепенной перемѣнѣ отношенія ума и чувства народнаго къ содержанію этихъ идей; старое пониманіе послѣднихъ смѣняется но-

вымъ, и это новое—эти новыя воззрѣнія то отсвѣтятся въ новыхъ фактахъ духовной жизни, то отразятся въ новыхъ бытовыхъ чертахъ и измѣненіяхъ, то перейдутъ въ область личныхъ воззрѣній; съ этой стороны и всѣ философскія ученія объ обществѣ подлежатъ изученію въ предѣлахъ извѣстнаго пространства и времени, ибо носятъ извѣстный историческій отпечатокъ... Замѣтимъ кстати: странно желаніе нѣкоторыхъ, чтобы русскіе юристы совсѣмъ не знакомились напр. съ новѣйшими ученіями западно-европейскихъ юристовъ, въ родѣ Данкварта и др.; эти ученія—продуктъ извѣстной исторической же жизни, и лучше бы желать знакомства съ ними именно съ этой серьезной, научной стороны; если въ подобныхъ ученіяхъ что-либо, по новымъ требованіямъ времени, оказывается разумнымъ и справедливымъ, то принятіе этого нисколько не можетъ идти въ ущербъ пониманію своего роднаго права, если только не считать за единственный способъ такого пониманія чтеніе одного „полнаго собранія россійскихъ законовъ"! Если изслѣдователь исторіи русскаго права въ тоже время оказывается знакомымъ и со всѣмъ историческимъ развитіемъ русскаго народа, если онъ серьезно и безъ предубѣжденія могъ улавливать всѣ проявленія нравственной стихіи въ этомъ развитіи, если онъ такимъ образомъ *добылъ* себѣ пониманіе разумной сущности въ бытовыхъ формахъ прошлой и настоящей русской жизни, то все разумное въ помянутыхъ новыхъ ученіяхъ составитъ лишь истинное подспорье къ его научнымъ пріобрѣтеніямъ; или же въ исторіи русскаго народа нѣтъ никакой разумности? Тогда зачѣмъ же и чтеніе „полнаго собранія"?!... Обращаясь къ книгѣ г. Глинки, слѣдуетъ замѣтить, что авторъ ея совершенно оставилъ безъ вниманія всякую объективную историческую почву для разъясненія различныхъ формъ соціальныхъ, всякія посильныя и сподручныя средства прослѣдить историческое движеніе идей справедливости въ разныхъ человѣческихъ обществахъ; оторваны также отъ исторической почвы разные мыслители, трактовавшіе объ общественныхъ отношеніяхъ; они, благодаря автору, повисли въ воздухѣ съ фантазіями иной разъ странными для нашего времени;

тогда какъ историческое разъясненіе ихъ ученій позволило бы намъ видѣть, кромѣ всего, составившаго принадлежность своего времени, кой-что и вѣчноразумное въ этихъ ученіяхъ... Для окончательнаго же уразумѣнія научнаго отношенія г. Глинки къ предмету его книги, мы должны сказать, что отдѣлъ „объ общественномъ правѣ“ состоитъ у него главнымъ образомъ во внѣшней характеристикѣ разныхъ общественныхъ учрежденій; но это по г. Глинкѣ—общественныхъ... На дѣлѣ, вмѣсто того, является внѣшняя характеристика разныхъ *государственныхъ* формъ жизни. У г. Глинки полное отождествленіе общества съ государствомъ; отсюда понятно, что г. Глинка могъ представить только то, *что* существуетъ; а *какъ* произошло и образовывалось это существующее,—въ „наукѣ о человѣческомъ обществѣ“ не найдемъ разъясненій; для послѣднихъ нужно бы *живое историческое изученіе самой жизни*, а не только знакомство съ немногими ея внѣшностями, которыя въ сущности, играютъ роль спеціальныхъ моментовъ въ развитіи человѣчества, только являются иной разъ „акциденціями къ извѣстной субстанціи.“ Читатель! что же это за научное направленіе, отличающееся какимъ то бюрократическимъ отношеніемъ къ жизни и втискивающее весь матеріалъ ея въ какіе то чиновничьи департаменты?... Въ заключеніе скажемъ, что мы нисколько не думали встрѣтить въ книгѣ г. Глинки что нибудь въ родѣ исторіи всемірной цивилизаціи; нѣтъ ничего хуже сочиненій, въ которыхъ, хотя и при самой обширной эрудиціи авторовъ, являлось бы какое-то pêle—mêle вмѣсто изложенія и разъясненія извѣстнаго строго-опредѣленнаго матеріала; пусть бы „наука о человѣческомъ обществѣ“ представила намъ происхожденіе и характеристику только различныхъ государственныхъ формъ; но пусть же это представленіе было бы основано на строгомъ историческомъ изученіи, о характерѣ котораго довольно говорено выше; тогда мы могли бы замѣтить одно, что заглавіе книги не соотвѣтствуетъ ея содержанію, что авторъ книги не желаетъ признавать дѣйствительно возможной науки объ обществѣ; но г. Глинка претендовалъ изобразить послѣднюю; онъ даже до 300 стра-

ницъ своей книги посвятилъ изложенію историческихъ очерковъ, которые будто должны служить опорою теоретическимъ размышленіямъ въ его книгѣ; и слѣдуетъ повторить опять, что эти размышленія все-таки лишены точныхъ объективныхъ, историческихъ основаній... Послѣдній небольшой рядъ своихъ замѣчаній мы выскажемъ по поводу помянутыхъ историческихъ очерковъ, помѣщенныхъ въ „наукѣ о человѣческомъ обществѣ.“

Быть можетъ, современемъ, при самомъ широкомъ развитіи науки, точныя наблюденія надъ жизнью инфузорій и моллюсковъ дадутъ ученымъ юристамъ лучшій способъ для нѣкотораго разумѣнія идеи права; быть можетъ, наблюденія надъ вольными общинами американскихъ луговыхъ собачекъ, этихъ клоуновъ пустыни—по счастливому выраженію Диксона, помогутъ ученымъ политикамъ уяснить происхожденіе и развитіе соціальныхъ формъ человѣческой жизни; но пока это время въ далекомъ будущемъ, требовать теперь отъ ученаго, чтобы онъ начиналъ изученіе помянутыхъ формъ съ выше указанныхъ примѣровъ, будетъ болѣе чѣмъ забавно... Не станемъ же, по русской поговоркѣ, „искать рукавицъ, когда онѣ за поясомъ“... Пусть серьезный и образованный историкъ только не пренебрегаетъ тѣмъ обильнымъ матеріаломъ, который ему можетъ и долженъ быть доступенъ, который есть созданіе творческаго генія человѣка и представляетъ намъ памятники разнообразной жизни этого генія. Къ несчастію, иные ученые не считаютъ для себя обязательнымъ и этого требованія. Вотъ напр. авторъ „науки о человѣческомъ обществѣ“ пожелалъ познакомить читателей своей книги съ общественными учрежденіями древняго Рима (стр. 171—227); какой же пріемъ онъ для того употребляетъ?—Очень простой: авторъ взялъ исторію Рима Моммзена, скомпилировалъ изъ нея (I, II и III томы), что было ему нужно, а компиляцію свою снабдилъ слѣдующимъ примѣчаніемъ: „прекрасные труды Моммзена по римской исторіи даютъ возможность составить себѣ точное понятіе объ общественныхъ учрежденіяхъ этого народа. Тѣмъ не менѣе, собственно для насъ имѣетъ значеніе только огромное число собранныхъ и разъясненныхъ имъ

фактовъ, но мы вовсе не раздѣляемъ его философскихъ воззрѣній на нихъ". Затѣмъ г. Глинка, указавъ нѣкоторыя мрачныя стороны римскаго государственнаго быта, выставленныя Моммзеномъ, нападаетъ на послѣдняго, что онъ дерзаетъ говорить, будто римляне знали общественную свободу и пользовались ею; г. Глинка замѣчаетъ, что подобныя противорѣчія нѣмецкаго историка „объясняются мракомъ, разлитымъ нѣмецкой философіей на право, свободу и произволъ". Заключаетъ онъ тѣмъ, что Римляне, „такой односторонній, такой жестокосердый народъ", незнали и не могли даже понимать свободу (стр. 171 — 172). И легко и либерально! Быть можетъ, въ своемъ строгомъ приговорѣ надъ покойными римлянами г. Глинка нѣсколько и правъ; но отношеніе его къ исторіи ихъ непозволительно: для борьбы съ Моммзеномъ выбирать историческія свидѣтельства и факты, представленные подъ угломъ зрѣнія Моммзена же! Быть можетъ, подобный пріемъ оригиналенъ, но нисколько не наученъ. Это вовсе незначитъ побивать врага собственнымъ его же оружіемъ; напротивъ, это значитъ бранить своего врага за получаемое отъ него благодѣяніе, когда вы не умѣете даже разобрать, что это за благодѣяніе, а только безотчетно чувствуете его... Г. Глинка не можетъ же доказать, насколько вѣрна критическая разработка Моммзеномъ всѣхъ фактовъ, которыми щедро надѣленъ отъ послѣдняго авторъ „науки о человѣческомъ обществѣ". Затѣмъ, можно ли опирать свои самостоятельныя научныя изслѣдованія о столь важномъ предметѣ, какъ „общественныя отношенія", на одно историческое сочиненіе о великомъ народѣ, воплотившемъ въ себѣ живую идею права? При всемъ нашемъ искреннемъ уваженіи къ труду высоко талантливаго нѣмецкаго историка, мы скажемъ г. Глинкѣ, что онъ напрасно оставилъ безъ вниманія труды Нибура, Арнольда, Гёттлинга, Гюльльмана, Ваксмута, Вальтера, Швеглера, Дж. К. Льюиса и др. по римской древности.

Историческій очеркъ учрежденія въ древнихъ Афинахъ (стр. 239—276 и 343—358). г. Глинка тоже компилируетъ частію по Герману и Гюльману, а преимущественно по Дункеру и Курціусу. Уже не говоря о томъ, что грѣшно было

пренебречь сочиненіями Грота, автору „науки" болѣе чѣмъ гдѣ либо слѣдовало обратиться къ источникамъ—къ произведеніямъ древне-греческой литературы, хотя бы въ переводахъ, для болѣе вдумчиваго вниканія въ общественную жизнь эллиновъ; сами трудолюбивые нѣмцы, какъ напр. извѣстный Беккеръ въ своемъ нехитромъ „Хариклѣ", дѣлаютъ ошибки въ изображеніи этой жизни. Г-же Глинка только въ одномъ мѣстѣ своей книги цитуетъ французскій переводъ „политіи" (Н. о чел. об. стр. 100) по поводу ученія Платона о справедливости, да въ другомъ — французскій переводъ политики Аристотеля (стр. 108) для фразы о семействѣ и лицѣ, какъ частяхъ государства...

Въ исторической компиляціи о феодальномъ устройствѣ (стр. 277—301) авторъ довольно пользуется Гизебрехтомъ, главнымъ же образомъ—сочиненіемъ Гизо: Histoire de la civilisation en France; но долженъ былъ знать г. Глинка, что Гизо считаетъ въ указанномъ, правда прекрасномъ, сочиненіи міръ римскій за какого то единственнаго пѣстуна французскаго народа, - германскій за помощника римскому въ этомъ дѣлѣ; самый же фондъ французской національности—Галлы, или особый элементъ кельтскій, совсѣмъ опущены многоученымъ историкомъ, какъ будто ихъ и несуществовало: отсюда и вся исторія Франціи представлена Гизо съ значительными недомолвками, съ крайне неполнымъ разъясненіемъ основъ развитія французской цивилизаціи. Между тѣмъ, г. Глинка оставляетъ подобный недостатокъ сочиненія Гизо безъ вниманія и черпаетъ полными руками все, что пришлось по вкусу, изъ этого сочиненія. Далѣе, намъ неизвѣстно, какъ смотритъ авторъ „науки о человѣческомъ обществѣ" на различіе между системами аллодіальной и феодальной, тогда какъ, по выраженію одного нѣмецкаго ученаго, принципъ первой—свобода, а принципъ второй—рабство; или г. Глинка отождествляетъ и ту и другую? Наконецъ, какъ же онъ могъ пропустить Польшу — эту славянскую средневѣковую Францію съ ея страннымъ и феодальнымъ и нефеодальнымъ бытомъ? Для знакомства съ Польшею г. Глинкѣ были готовыя пособія для компиляціи,—труды Лелевеля, труды Адлера, Виссенгорста,

Гюппе и т. д. Или г. Глинкѣ непріятны еще труды Иречка по исторіи самостоятельнаго чешскаго права,классическіе труды Мацѣевскаго по исторіи вообще славянскихъ законодательствъ и трудъ Шайнохи по общеевропейской исторіи скандинавскихъ дружинъ, во многомъ объясняющій исторію общественныхъ отношеній, складывавшихся съ VII и VIII в. на западѣ Европы? Почему бы г. Глинкѣ, компилируя историческій очеркъ Карѳагена, не обратить вниманія на политическое устройство торговыхъ итальянскихъ городовъ, затѣмъ славянскихъ далматскихъ (о нихъ есть превосходное нѣмецкое изслѣдованіе Рейца), наконецъ русскихъ Новгорода и Пскова?... Но для знакомства съ русскимъ правомъ г. Глинкѣ, какъ видно, извѣстны только пособія слѣдуюшія: исторія Карамзина, исторія Россіи нѣмца Штраля, да договоръ Новгорода съ Готландомъ! Вообще, историческое славянское право будто не существуетъ для автора *„науки* о человѣческомъ обществѣ"; о русскомъ же онъ сдѣлалъ два, три ничтожныхъ упоминанія въ подстрочныхъ замѣткахъ къ своимъ разсужденіямъ о патріархальномъ обществѣ... Будто истинная *наука* можетъ пренебрегать такимъ богатымъ, и по количеству памятниковъ и по содержанію, древнимъ русскимъ и славянскимъ правомъ! Будто истинная наука, въ живомъ интересѣ разъясненія соціальныхъ отношеній, можетъ не остановиться внимательно передъ своеобразіемъ правовыхъ и соціальныхъ отличій древнеславянскаго и древнерусскаго міра! Будто истинная наука можетъ удовольствоваться убѣжденіемъ, что существуютъ какія-то *избранныя* государства, въ которыхъ *одних* только и можетъ выразиться все нравственное содержаніе, какимъ живетъ человѣчество! (Оп. Н. о ч. об. стр. XXVII).

Въ заключеніе можно спросить: книга „наука о человѣческомъ обществѣ" должна ли составлять, такъ сказать, вкладъ въ сокровищницу русской юридической науки, или возьмемъ шире—въ область русской ученой литературы? Конечно да, если только можно отнести къ послѣдней, въ огромномъ большинствѣ ея произведеній, фразу одного средневѣкового публициста, сказанную, правда, не на счетъ какой либо литературы: aut humiliter servit, aut superbe dominatur; въ са-

момъ деликатномъ переводѣ это значитъ: „или слишкомъ... скромна, или слишкомъ... деспотична". Можно ли же сдѣлать приложеніе этой фразы въ указанномъ отношеніи? Интересно, подумать что отвѣтилъ бы ея авторъ, великій Маккіавелли, очутись онъ вдругъ среди современной русской общественной жизни и вполнѣ ознакомься съ ней?...

И. Ю. Некрасовъ.

Село Богучарово Тульск. уѣзда.
Октябрь 1871.

ЗАДАЧА СУДА ПРИСЯЖНЫХЪ *).

Статья Вальберга.

Установленіе понятій преступленій, въ виду отсутствія въ законѣ опредѣленныхъ признаковъ ихъ, составляетъ задачу науки и судебной практики. Такія понятія, какъ оскорбленіе общественной нравственности, выгода, корысть, присвоеніе, запертое хранилище, хитрость, коварство, возбужденіе презрѣнія, ненависти, вражды, крайность, ночное время, основательное опасеніе, драка, оружіе или грозящее личной безопасности орудіе, насиліе, безупречная жизнь, пожаръ, угроза опасностью для жизни, безпечность, злоба, лицо, находящееся въ услуженіи, обезображеніе и членовредительство, документъ, распространеніе, ядъ, принужденіе отъ превосходящей непреодолимой силы, непотребство и т. п., не могутъ быть объясняемы изъ самаго закона, ибо они имъ не опредѣляются.

Предоставленіе опредѣленія этихъ понятій коороннымъ судьямъ, имѣло бы своимъ послѣдствіемъ то, что толкованіе юристовъ путемъ науки и судебной практики получило бы, наравнѣ съ закономъ, значеніе самостоятельнаго и равнозначительнаго съ нимъ источника права. Этимъ путемъ установилось бы остроумное юридическое, но и черезъ-чуръ тонкое и искусственное примѣненіе закона въ противоположность къ безыскусственному, чисто народному пониманію признаковъ преступленій, составляющихъ явленіе житейскаго быта.

---

*) См. W. E. Wahlberg, Das Princip der Individualisirung in der Strafrechtspflege. Wien. 1869.

Задача суда присяжныхъ состоитъ въ томъ, чтобъ способствовать проявленію безыскусственнаго народнаго пониманія уголовнаго кодекса, и этимъ путемъ усилить юридическій элементъ въ судебныхъ рѣшеніяхъ; причемъ особенное значеніе имѣетъ не только то обстоятельство, что содѣйствіе присяжныхъ въ постановленіи рѣшенія является только временнымъ по отношенію къ судейской функціи, но и то, что присяжные и судьи вращаются въ совершенно различныхъ сферахъ житейскихъ отношеній. У спеціально образованныхъ юристовъ существуетъ много общаго въ образованіи, знаніи свѣта, положеніи въ обществѣ, житейской обстановкѣ, которое ведетъ къ сравнительно болѣе или менѣе одинаковому, вслѣдствіе ихъ занятія одностороннему взгляду на вещи. У присяжныхъ подобной одинаковости не существуетъ, напротивъ, въ своихъ воззрѣніяхъ на жизнь и право они исходятъ, благодаря наблюденію и опыту, изъ несравненно болѣе разнообразныхъ точекъ.

Такъ какъ наилучшая организація суда присяжныхъ требуетъ соединенія воедино научно юридическаго и безыскусственнаго народнаго элементовъ, распредѣленныхъ сообразно съ ихъ особенностями, и такъ какъ для достиженія цѣли правосудія необходимо, чтобы къ постояннымъ судьямъ были присоединяемы для каждаго отдѣльнаго случая судьи временные, взятые изъ народа—то едвали можно серьезно возражать противъ того, что судъ присяжныхъ представляетъ собою несравненно болѣе гарантій для всесторонняго, основательнаго и согласнаго съ народнымъ правосознаніемъ рѣшенія, чѣмъ всякій иной судъ.

Если въ новѣйшее время высказывается такое мнѣніе, что судъ присяжныхъ, какъ средство справедливаго рѣшенія, въ отдѣльныхъ случаяхъ нерѣдко уступаетъ постояннымъ судейскимъ коллегіямъ, что онъ болѣе подвергается опасности быть сбитымъ съ истиннаго пути риторикою и софизмами и увлекаться политическими и національными страстями, но что какъ органъ рѣшенія онъ не уступаетъ безусловно никакому другому учрежденію и для правосудія вообще представляетъ такія выгоды, которыя ничѣмъ инымъ достигнуты быть не

могутъ,—то кажется совершенно непонятнымъ, какъ судъ присяжныхъ можетъ считаться юридическимъ институтомъ, если онъ для справедливаго рѣшенія отдѣльныхъ случаевъ оказывается менѣе пригоднымъ, чѣмъ постоянная коллегія судей!

Въ соединеніи съ непосредственностью и публичностью уголовнаго процесса судъ присяжныхъ прежде всего имѣетъ своею цѣлью достигнуть основательнаго знанія индивидуальности обвиняемаго, особенностей его житейскаго положенія, мотивовъ его дѣянія, его характера, умственнаго и нравственнаго его развитія, и все это оцѣнить и взвѣсить въ своемъ вердиктѣ.

Прекрасно разъясненъ этотъ пунктъ въ сочиненіи Гейнце. Въ обыкновенныхъ случаяхъ кругозоръ и воззрѣнія на жизнь юристовъ конечно достаточны, но чѣмъ болѣе отдѣльныя обстоятельства случая индивидуальны или чѣмъ болѣе они чужды той области, изъ которой ученые судьи черпаютъ свои знанія житейскихъ отношеній, тѣмъ плодотворнѣе содѣйствіе свѣдущихъ не-юристовъ. Отдѣльный судья овладѣетъ фактической стороной дѣла лучше, чѣмъ отдѣльный присяжный; не-юристъ за то болѣе способенъ къ глубокому пониманію той спеціальности, которая ему знакома изъ собственныхъ его наблюденій. Многочисленность можетъ еще болѣе увеличить это преимущество не-юриста, между тѣмъ какъ тотъ фондъ знаній жизни и свѣта, которымъ обладаетъ юристъ, нисколько не увеличится и не сдѣлается глубже отъ совмѣстной дѣятельности многихъ судей. Способъ воззрѣнія на дѣло юриста вооще рефлективный, методичный, обобщающій; способъ воззрѣнія не-юриста болѣе натуралистиченъ и благопріятенъ индивидуализаціи. Юристъ обыкновенно подмѣчаетъ даже въ случаяхъ, по внутреннему своему содержанію совершенно различныхъ, болѣе общее, чѣмъ особенное, онъ легко вноситъ въ конкретный случай такія черты, которыя онъ отвлекъ отъ другихъ случаевъ, только наружно сходныхъ съ даннымъ; онъ нерѣдко слишкомъ склоненъ стушевать характеристическія черты даннаго случая и не замѣчать въ немъ рядомъ съ общими признаками особенныя, ему только при-

сущія отклоненія. Его призваніе дѣлаетъ второю его натурою стремленіе отыскивать во всякомъ конкретномъ случаѣ только общіе признаки, видѣть во всякомъ видѣ только родъ. Вслѣдствіе этого оцѣнка индивидуальности подсудимаго и отдѣльнаго дѣянія бываетъ нерѣдко несправедлива. Юристы видятъ въ преступномъ дѣяніи главнымъ образомъ выраженіе закономъ установленныхъ признаковъ преступленія, между тѣмъ какъ не-юристы разсматриваютъ дѣяніе съ его нравственной и человѣческой стороны и при оцѣнкѣ его исходятъ изъ міра конкретныхъ явленій. Сказанное обнаруживается особенно рѣзко въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствіе подходитъ подъ букву закона, между тѣмъ какъ виновникъ его не видѣлъ въ немъ нарушенія ни права, ни нравственности, такъ напр. при превышеніи необходимой обороны, угрозахъ, сопротивленіи властямъ. Юристъ въ подобныхъ случаяхъ слишкомъ проникнутъ содержаніемъ закона, чтобъ не примѣнять его къ такимъ поступкамъ, которые ни одинъ не-юристъ не признаетъ наказуемыми.

Недостатки и преимущества обоихъ элементовъ до того перемѣшаны и сплетены между собою, что только сообразное съ существомъ суда взаимодѣйствіе присяжныхъ и юристовъ-техниковъ, только пониманіе существа предлежащаго суду матеріала въ его частностяхъ и техническое овладѣніе имъ въ его совокупности могутъ служить ручательствомъ въ томъ, что отправленіе правосудія будетъ основательное, технически-юридическое и не будетъ идти въ разрѣзъ съ народнымъ правосознаніемъ. Замѣчательны слова Фейербаха: для поддержанія въ народѣ вѣры въ справедливость, для укрѣпленія и облагораживанія въ немъ чувства права недостаточно еще, чтобъ приговоры судовъ были справедливы, гораздо важнѣе, чтобъ народъ вѣрилъ въ ихъ справедливость. Тѣсное сродство, существующее между присяжными и публикою, способствуетъ именно укрѣпленію вѣры въ справедливость приговоровъ. Въ настоящее время впрочемъ не можетъ уже идти рѣчь о доводахъ за и противъ суда присяжныхъ, признаннаго всѣми въ принципѣ, а также и о томъ положеніи, въ силу котораго ни одинъ гражданинъ не можетъ подлежать

тяжкому наказанію безъ того, чтобъ судъ, состоящій изъ юристовъ-техниковъ, не убѣдилъ въ его виновности независимыхъ, избираемыхъ для каждаго отдѣльнаго случая присяжныхъ: мы будемъ здѣсь разсматривать только индивидуализирующій моментъ въ судѣ присяжныхъ.

Во всѣхъ преступленіяхъ, угрожаемыхъ закономъ тяжкимъ наказаніемъ, равно и во всѣхъ проступкахъ политическихъ и совершаемыхъ путемъ печати присяжные рѣшаютъ вопросъ о *винѣ* подсудимаго.

Для признанія виновности необходимо прежде доказать, что дѣяніе или упущеніе, приписываемое обвиняемому, дѣйствительно было совершено, далѣе, что существуетъ законъ, которымъ это дѣяніе или упущеніе воспрещается или предписывается подъ страхомъ наказанія, и наконецъ, что данное дѣяніе или упущеніе дѣйствительно подходитъ подъ законное опредѣленіе. Споренъ вопросъ, насколько за присяжными должно признать право признавать или не признавать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ существованіе обстоятельствъ, усиливающихъ или смягчающихъ вину подсудимаго. Хотя присяжные и не имѣютъ права обращать вниманіе на законныя послѣдствія своего приговора, тѣмъ не менѣе однако они по французской системѣ circonstances atténuantes фактически держатъ мѣру наказанія въ своихъ рукахъ. Насколько обстоятельства, смягчающія вину, не составляютъ принадлежности главнаго дѣйствія (accessoire du fait principal), а необходимую составную часть самаго дѣянія (partie essentielle de ce fait lui même), разсматриваемой конкретной вины обвиняемаго, они входятъ въ вопросъ о винѣ и подлежатъ рѣшенію присяжныхъ.

Присяжные тогда только разрѣшаютъ весь вопросъ о виновности, когда они не только установляютъ посредствомъ доказательствъ факты, служащіе къ обвиненію, обсуживаютъ вопросы о событіи преступленія, вмѣняемости, виновничествѣ или соучастіи обвиняемаго, объ уголовномъ характерѣ доказанныхъ фактовъ чрезъ подведеніе ихъ подъ законные признаки разсматриваемаго преступленія или проступка, но еще разсматриваютъ тѣ обстоятельства, которыя увеличиваютъ

или уменьшаютъ конкретную вину подсудимаго. Еслибы присяжные разрѣшали только вопросъ о томъ, доказано или не доказано преступленіе, то участіе ихъ въ судѣ было бы во многихъ случаяхъ, какъ замѣтилъ еще Фейербахъ, столь же безполезно, какъ и содѣйствіе ихъ въ опредѣленіи вины подсудимаго только кажущимся. Ограничивая дѣятельность присяжныхъ разрѣшеніемъ вопроса о доказательствахъ, пришлось бы во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ, какъ напр. въ проступкахъ печати, весь вопросъ состоитъ только въ томъ: нарушенъ ли доказанными дѣйствіями обвинаемаго законъ или нѣтъ?—предоставить рѣшеніе вопроса о винѣ коллегіи изъ коронныхъ юристовъ, и присяжные не были бы тѣмъ, чѣмъ они должны быть, т.-е. судьями въ вопросѣ о виновности или невиновности обвиняемаго. Только въ такомъ случаѣ присяжные являются дѣйствительными судьями въ вопросѣ о винѣ, въ чемъ и состоитъ существо всего института, если имъ предоставляется рѣшать, дѣйствительно ли и въ какой мѣрѣ приписываемыя обвиняемому дѣйствія представляютъ собою составъ того преступленія или проступка, въ которомъ его обвиняютъ. Тѣ только присяжные вполнѣ пользуются предоставленнымъ имъ закономъ правомъ судить о винѣ подсудимаго, которые разрѣшаютъ не только вопросъ, дѣйствительно ли обвиняемый совершилъ приписываемое ему дѣяніе, но и тотъ, представляетъ ли собою это дѣяніе нарушеніе лежащаго въ основѣ обвиненія закона. Наилучшая повѣрка истиннаго смысла уголовнаго закона и существуетъ только тогда, когда присяжные выражаютъ свое простое, не вызванное никакими искусственными соображеніями убѣжденіе въ томъ, носитъ ли на себѣ дѣяніе обвиняемаго всѣ признаки, которыми характеризуется въ законѣ извѣстное преступленіе, или нѣтъ.

Если сказанное вѣрно, то нельзя одобрить мнѣнія, будто присяжные не должны разрѣшать вопроса: нарушенъ ли дѣяніемъ обвиняемаго законъ. Если предоставить разрѣшеніе этого вопроса суду, если только послѣдній долженъ имѣть право высказывать мнѣніе о томъ, представляетъ ли дѣяніе подсудимаго въ томъ видѣ, какъ оно признано присяжными,

наказуемое или не наказуемое дѣяніе,—то выходитъ, что вопросъ о винѣ рѣшаютъ не исключительно присяжные, и чисто народное воззрѣніе на то или другое преступленіе не получаетъ своего полнаго признанія.

Между тѣмъ какъ прежняя литература о судѣ присяжныхъ полагала сущность этого института въ вопросѣ о доказательствахъ, новѣйшая выставляетъ положеніе, что судъ присяжныхъ имѣетъ своею задачею разрѣшать вопросъ объ уголовной отвѣтственности или наказуемости обвиняемаго по отношенію къ уголовному закону. Въ вопросѣ о винѣ заключается не только вопросъ о томъ, доказано или не доказано извѣстное дѣяніе, но и вопросъ объ отношеніи этого дѣянія къ уголовному закону, и чѣмъ строже мы будемъ имѣть въ виду это понятіе вопроса о винѣ, тѣмъ ближе мы будемъ къ суду присяжныхъ въ духѣ англійскаго образца.

Въ другомъ сочиненіи я имѣлъ случай замѣтить, что законодательства континентальныхъ государствъ въ противоположность къ англійскому изъемлютъ многое, что принадлежитъ къ вопросу о винѣ, изъ вѣдѣнія присяжныхъ и предоставляютъ его коллегіи изъ коронныхъ юристовъ. Это мнѣніе не было принято во вниманіе ни при обсужденіи новѣйшихъ проектовъ уголовнаго процесса, ни при обсужденіи закона 9 марта 1869 года, вводившаго въ Австріи судъ присяжныхъ по проступкамъ, совершаемымъ въ печати.

Если присяжнымъ не должно рѣшать вопроса, представляетъ ли дѣйствіе обвиняемаго нарушеніе закона, то становится непонятной присяга ихъ въ томъ, что они постоянно будутъ имѣть въ виду законъ; равнымъ образомъ трудно объяснить себѣ въ такомъ случаѣ, почему въ вопросѣ о виновности подсудимаго въ совершеніи взводимаго на него преступленія должны быть исчислены всѣ законные признаки (circonstances constitutives) этого дѣянія, и почему предсѣдатель обязанъ объяснить присяжнымъ всѣ встрѣчающіяся въ вопросѣ техническія выраженія. Предлагая присяжнымъ вопросъ такимъ образомъ, что въ случаѣ утвердительнаго ихъ отвѣта разсматриваемое дѣяніе должно быть признано соотвѣтствующимъ законному понятію преступленія,—тѣмъ са-

мымъ имъ предоставляется рѣшать, представляетъ ли разсматриваемый случай овеществившееся понятіе преступленія, установленное закономъ. Повидимому присяжные разрѣшаютъ только вопросы факта, но вслѣдствіе извѣстнаго формулированія этихъ вопросовъ въ нихъ въ той же мѣрѣ заключается и вопросъ права, какъ и въ англійскихъ обвинительныхъ актахъ. Еслибы присяжные признавали только одни видовые, а не также и подразумѣваемые закономъ родовые признаки преступленія, то, какъ справедливо замѣчаетъ Мейеръ, нѣтъ причинъ, почему бы имъ и по отношенію къ преступному дѣянію не устанавливать только отдѣльные факты. Послѣдніе суть также нѣчто индивидуальное, относительно ихъ въ равной мѣрѣ возникаетъ вопросъ, подходятъ ли они подъ требуемое закономъ родовое понятіе. Только практика, лишенная всякихъ твердыхъ началъ, можетъ устранить присяжныхъ, которые должны рѣшать вопросъ о винѣ, отъ установленія закономъ требуемаго родоваго понятія, и кто честно относится къ компетентности суда присяжныхъ въ вопросѣ о винѣ, тотъ твердо долженъ стоять на томъ, что присяжнымъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ необходимо предлагать вопросъ, заключаетъ ли въ себѣ разсматриваемое дѣяніе закономъ установленные признаки, или нѣтъ.

Если функція присяжныхъ состоитъ въ признаніи вины или невиновности обвиняемаго, то безъ подведенія доказанныхъ фактовъ обвиненія подъ закономъ требуемые признаки она становится рѣшительно невозможною. Отъ присяжныхъ требуется выраженіе ихъ убѣжденія не о винѣ или невинности подсудимаго *вообще*, отъ нихъ требуется не признаніе извѣстнаго дѣянія *вообще наказуемымъ*, безнравственнымъ или противнымъ закону: *единственный возможный пробный камень для вопроса о винѣ или невинности подсудимаго есть соотвѣтствующій разсматриваемому дѣянію уголовный законъ*. Нѣтъ уголовной вины безъ нарушенія извѣстнаго уголовнаго закона. Присяжные не могутъ вовсе рѣшать вопроса о винѣ безъ отношенія къ закономъ установленнымъ признакамъ разсматриваемаго наказуемаго дѣянія. Сужденіе по вопросу о винѣ въ уголовно-правовомъ смыслѣ можетъ со-

вершаться только на основаніи закономъ установленныхъ понятій. Безъ отношенія къ послѣднимъ немыслимо рѣшеніе вопроса о винѣ, такъ какъ въ уголовномъ правѣ рѣчь о винѣ можетъ идти настолько, насколько послѣдняя соотвѣтствуетъ предположеніямъ существующаго закона. Дѣяніе само по себѣ взятое не имѣетъ никакого уголовно-правоваго значенія; только въ силу закона оно получаетъ названіе и опредѣленный характеръ.

Ни присяжные, ни ученые судьи не могутъ произнести приговора о винѣ подсудимаго безъ подведенія доказанныхъ фактовъ подъ соотвѣтствующіе закономъ установленные признаки, ибо предметъ ихъ приговора не есть просто наказуемое, но наказуемое исключительно въ силу закона дѣяніе или упущеніе.

Въ настоящее время всѣми признано, что присяжные въ своемъ приговорѣ разрѣшаютъ не только вопросы факта, но и вопросы права по отношенію къ винѣ подсудимаго. Равнымъ образомъ не подлежитъ уже спору и то, что присяжнымъ принадлежитъ право признать въ дѣлѣ обстоятельства, исключающія или отмѣняющія наказаніе, и что судъ обязанъ предлагать имъ на разрѣшеніе вопросъ объ обстоятельствахъ, усиливающихъ или смягчающихъ вину и наказаніе, въ тѣхъ случаяхъ, когда существованіе подобныхъ обстоятельствъ по закону видоизмѣняетъ степень или родъ наказанія.

Но за то обсужденію и разрѣшенію присяжныхъ не подлежатъ не только назначеніе наказанія на основаніи обвинительнаго вердикта, что *безспорно* принадлежитъ суду, но и признаніе въ дѣлѣ обстоятельствъ, особо увеличивающихъ или уменьшающихъ вину, или того общаго смягчающаго вину обстоятельства, въ силу котораго наказаніе можетъ быть назначено ниже minimum'а, указаннаго въ законѣ. Это послѣднее право суда въ принципѣ подвержено еще сомнѣнію.

Если въ 41 § закона 9 марта 1869 года, изданнаго въ Австріи, говорится, что не присяжные, а судьи призваны произнести приговоръ о законныхъ послѣдствіяхъ признанной присяжными виновности подсудимаго, то это въ томъ только отношеніи вѣрно, что *наказаніе* назначается судомъ,

а не присяжными. Въ чемъ-же состоятъ *законныя послѣдствія* въ случаѣ *обвинительнаго* приговора?

Если обвиняемый признанъ виновнымъ, то повидимому вопросъ состоитъ только въ назначеніи ему соотвѣтствующаго наказанія, т.-е. рода и мѣры его. Но такъ полагать, было бы ошибочно. Законъ 9 марта 1869 г. подражаетъ опаснымъ образцамъ, постановляя въ § 51, что и въ случаѣ обвинительнаго приговора присяжныхъ суду представляется право назначать или не назначать наказаніе. Въ виду этого постановленія признаніе присяжными подсудимаго виновнымъ повидимому не тождественно съ признаніемъ его подлежащимъ наказанію, потому что § 51 гласитъ: если судъ того мнѣнія что дѣяніе, въ совершеніи котораго подсудимый признанъ присяжными виновнымъ, не воспрещено закономъ, то онъ освобождаетъ его отъ всякаго наказанія.

Буквальный смыслъ этого параграфа на первый взглядъ подтверждаетъ противное смыслу основнаго государственнаго закона положеніе, что присяжные будто бы рѣшаютъ вопросъ не о виновности, а о доказанности или недоказанности обвиненія.

Но этотъ параграфъ закона долженъ быть истолкованъ въ томъ смыслѣ, что, въ случаѣ если въ приговорѣ присяжныхъ на отдѣльные вопросы послѣдовали утвердительные или отрицательные отвѣты, или извѣстныя содержащіяся въ вопросѣ обстоятельства отвергнуты,—должно имѣть мѣсто освобожденіе подсудимаго отъ наказанія, все равно, вслѣдствіе ли того, что присяжные признали въ дѣлѣ обстоятельство, исключающее наказаніе, или вслѣдствіе того, что судъ не находитъ возможнымъ примѣнить законъ къ видоизмѣнившемуся случаю. Только допуская это толкованіе, судъ можетъ освободить подсудимаго, признаннаго присяжными виновнымъ, отъ наказанія согласно 51 §, не прибѣгая на основаніи 47 § къ предположенію ошибки со стороны присяжныхъ.

Неясность въ настоящемъ случаѣ кроется не въ текстѣ закона. Она коренится гораздо глубже, именно въ пониманіи границы между вопросомъ о винѣ и вопросомъ о наказаніи.

По австрійскимъ законамъ частный вердиктъ не можетъ

имѣть мѣста. Приговоръ присяжныхъ долженъ разрѣшать весь вопросъ о винѣ; но безъ примѣненія къ фактамъ обвиненія всѣхъ законныхъ признаковъ преступленія подобное разрѣшеніе становится невозможнымъ. И все таки законъ предоставляетъ суду право признать или не признать возможность примѣненія къ обстоятельствамъ даннаго дѣла законныхъ опредѣленій извѣстнаго преступленія. Причина этого противорѣчія въ двухъ законоположеніяхъ заключается именно въ томъ, что присяжнымъ предлагается не вопросъ: виновенъ-ли подсудимый въ совершеніи *преступленія* или *проступка*, въ которомъ онъ обвиняется, но вопросъ совершилъ-ли онъ то *дѣйствіе*, которое лежитъ въ основѣ обвиненія.

Такимъ образомъ присяжнымъ прежде всего приходится констатировать факты обвиненія. Послѣ повѣрки приведенныхъ на судѣ доказательствъ присяжные должны на основаніи образовавшагося въ нихъ убѣжденія произнести приговоръ о томъ, представляютъ ли собою доказанные факты требуемый закономъ составъ преступленія, въ совершеніи котораго обвиняется подсудимый. Но законъ положительно не предоставляетъ присяжнымъ обсужденіе и этой стороны дѣла, напротивъ, онъ ограничиваетъ дѣятельность ихъ разрѣшеніемъ только тѣхъ вопросовъ, которые имъ будутъ предложены, и затѣмъ безъ дальнихъ словъ требуетъ отъ нихъ признанія виновности или не виновности обвиняемаго.

Но если присяжные не имѣютъ права судить о томъ, представляютъ ли собою установленные и доказанные факты требуемый закономъ составъ преступленія, то они не могутъ произнести приговоръ о винѣ или невинности, и дѣятельность ихъ должна ограничиться только признаніемъ, что такіе-то противъ обвиняемаго приведенные факты доказаны или не доказаны.—Въ такомъ случаѣ исключается всякая возможность *юридической оцѣнки* фактовъ обвиненія присяжными, другими словами, разрѣшеніе вопроса о винѣ становится невозможнымъ.—Для обезпеченія возможности разрѣшенія этого вопроса необходима такая постановка вопросовъ присяжнымъ, помощію которой былъ-бы установленъ конкретный составъ разсматриваемаго преступленія.

Исчисленіе всѣхъ законныхъ признаковъ даннаго преступленія или проступка въ вопросѣ, поставленномъ для разрѣшенія присяжнымъ, является недостаточнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда для уясненія вопроса необходимо особое подведеніе какого либо конкретнаго обстоятельства подъ законный признакъ. Очевидно что судьѣ рѣшающему вопросъ о виновности кого либо напр. въ двоеженствѣ, недостаточно еще предложить вопросъ: виновенъ-ли такой-то, состоящій въ бракѣ, въ заключеніи новаго брака съ другимъ лицомъ? Кромѣ этихъ существенныхъ признаковъ преступленія должно еще выяснить, заключенъ-ли обвиняемымъ второй бракъ съ знаніемъ, что первый дѣйствителенъ, съ кѣмъ, когда и гдѣ совершенъ второй бракъ. Также точно не можетъ быть поставленъ вопросъ въ такой формѣ: виновенъ ли А въ томъ, что 26 марта 1869 года въ Вѣнѣ имѣлъ половое сношеніе съ дѣвицею моложе 14 лѣтъ?—такъ какъ въ случаѣ, если рѣчь шла о сношеніяхъ съ нѣсколькими дѣвицами, можетъ случиться, что въ то время какъ обвиненіе имѣетъ въ виду дѣвицу В, присяжные подразумѣваютъ дѣвицу С. Обсуждаемый случай долженъ быть въ фактическомъ отношеніи обозначенъ столь точно, чтобы конкретное дѣяніе, лежащее въ основѣ обвиненія, могло быть отнесено только на счетъ обвиняемаго, и притомъ только такъ и могло быть имъ совершено, какъ изложено въ вопросѣ. Отсюда слѣдуетъ, что въ вопросѣ ѳ виновности должны быть упомянуты такіе фактическіе признаки, которые представляютъ собою *расширеніе* законныхъ, понятіе состава преступленія исчерпывающихъ моментовъ, каковы напр. обозначеніе мѣста и времени совершенія, спецификація объектовъ разсматриваемаго преступленія и отдѣльныхъ дѣйствій или конкретныхъ средствъ совершенія и т. п. Въ этомъ отношеніи *процессуальное* понятіе преступленія шире *законнаго* понятія абстрактнаго состава.

Индивидуализированіе дѣянія въ вопросѣ присяжнымъ состоитъ въ возможно болѣе точномъ означеніи всѣхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ преступленіе, такъ чтобы послѣднее не могло быть смѣшано съ другимъ. Подобное представленіе конкретнаго состава преступленія предписывается

многими законодательствами подъ угрозою отмѣны приговора. Но это индивидуализированіе не должно однако идти слишкомъ далеко, ибо оно можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ ограниченіе дѣятельности жюри разрѣшеніемъ однихъ конкретныхъ фактовъ, между тѣмъ существуютъ нѣкоторыя понятія преступленій, которыя не всегда могутъ быть, выражены въ опредѣленныхъ конкретныхъ фактахъ, но требуютъ для своего выраженія цѣлую совокупность фактическихъ моментовъ. Притомъ присяжные могутъ найти законные признаки преступленія въ фактахъ не исчисленныхъ въ вопросѣ. — Если исчисленіе фактовъ въ вопросѣ идетъ далѣе того, что необходимо для индивидуализированія разсматриваемаго случая, и принимаетъ характеръ историческаго разсказа, то получается такъ называемая специализація, послѣдствіемъ которой нерѣдко бываетъ, что въ дѣлѣ по причинѣ смѣшенія существеннаго съ несущественнымъ изъ за мелочей не видно главнаго.

Въ природѣ каждаго отдѣльнаго случая заключается причина того, что не можетъ быть установлено общее правило для индивидуализированія и специфицированія дѣянія въ вопросѣ присяжнымъ. Способы индивидуализированія преступленія, въ которомъ обвиняется подсудимый, въ вопросахъ присяжнымъ колеблются между двумя и почти сорока категоріями признаковъ.

Для *индивидуализированія* необходимо кромѣ указанія законныхъ признаковъ преступленія въ дѣяніи еще обозначеніе времени, мѣста, именъ и конкретныхъ предметовъ преступленія, равно какъ и тѣхъ фактовъ, которые по закону считаются признаками видоваго понятія въ отличіе отъ родоваго и которыми индивидуальный характеръ совершеннаго преступленія выражается конкретно. Цѣль индивидуализированія именно въ томъ и состоитъ, чтобъ рѣзко очертить въ разсматриваемомъ преступномъ дѣяніи ему одному присущую особенность и обнаружить въ конкретномъ составѣ совершеннаго преступленія законный его составъ. Факты обвиненія, долженствующіе быть доказанными должны быть доказаны, такъ какъ *обвиненіе есть основа* всего дальнѣйшаго

производства съ присяжными; и насколько недостаточно одного обозначенія въ обвиненіи статьи закона и названія преступленія, но необходимо еще указаніе на факты, на которыхъ обвиненіе основываетъ приписываемое подсудимому преступленіе, на столько же недостаточна постановка главнаго вопроса безъ упоминанія о всѣхъ существенныхъ фактическихъ обстоятельствахъ, выставленныхъ обвиненіемъ. — Отсюда еще не слѣдуетъ, что главный вопросъ долженъ заключать въ себѣ *только* тѣ фактическія обстоятельства, которыя выставлены обвиненіемъ, такъ какъ не одни присяжные вѣдь рѣшаютъ всѣ вопросы, относящіеся до признаковъ преступленія, и по закону судъ имѣетъ право рѣшать, подходитъ-ли совершенное при извѣстныхъ обстоятельствахъ конкретное дѣйствіе, приписываемое вердиктомъ обвиняемому, подъ то опредѣленіе закона, примѣненіе котораго требуется обвиненіемъ.

Что считать существенными признаками, долженствующими быть особо исчисленными въ *обвиненіи, вопросѣ присяжнымъ* и въ *приговорѣ*, разрѣшается только на основаніи закономъ установленныхъ опредѣленій отдѣльныхъ преступленій.

Обозначеніе особенностей дѣянія или упущенія приписываемаго обвиняемому, имѣетъ глубокое значеніе для дѣятельности жюри, если принять, что присяжные *связаны* тѣми конкретными обстоятельствами, которыя упомянуты въ вопросѣ, и если отрицать за ними право представлять свои соображенія относительно выбора судомъ обстоятельствъ, по его мнѣнію въ дѣлѣ существенныхъ. Стоитъ только вспомнить, что присяжные должны произнести приговоръ свой согласно съ законными признаками преступленія; но легко можетъ случиться, что они найдутъ эти признаки отчасти въ такихъ фактахъ, приведенныхъ на судѣ какъ доказательства, которые вовсе не упомянуты въ вопросѣ, поставленномъ для ихъ разрѣшенія судомъ. Въ этомъ случаѣ присяжные, очевидно, выходятъ за предѣлъ поставленнаго имъ вопроса. Вынужденные отвѣчать только на часть вопроса утвердительно словами: да, но не при такихъ то обстоятельствахъ, исчисленныхъ въ немъ,—присяжные по закону связаны обстоятельствами,

исчисленными въ вопросѣ, хотя бы, быть можетъ, они признали за признаки другія обстоятельства. Подобный формализмъ при разрѣшеніи вопросовъ можетъ значительно стѣснить дѣятельность жюри, и уже одно это служитъ достаточнымъ основаніемъ *для предоставленія присяжнымъ*, наравнѣ съ обвинителемъ и защитникомъ, *права дѣлать возраженія и представленія суду при постановкѣ вопросовъ*.

Это требованіе было формулировано мною въ томъ смыслѣ, что постановка вопросовъ, по окончаніи судебнаго слѣдствія и преній, должна быть разсматриваема какъ особый стадій въ уголовномъ процессѣ. Какъ за сторонами, такъ и за присяжными должно быть признано право участія въ этой части производства, и окончательной постановкѣ вопросовъ должно предшествовать въ случаѣ надобности соглашеніе между присяжными и судомъ. Предложеніе это было признано Шварце въ его трудѣ противъ суда присяжныхъ невыполнимымъ. Напротивъ того проектомъ закона о судопроизводствѣ съ присяжными въ Саксоніи, обнародованнымъ въ 1868 году, было признано, что присяжные имѣютъ право просить о пріостановкѣ засѣданія на короткое время для обсужденія вопросовъ и указывать на неполноту и другіе недостатки въ вопросахъ. Имъ предоставлено также нѣкоторое вліяніе при разрѣшеніи вопроса о томъ, допустить или недопустить на судѣ извѣстныя доказательства; — опредѣленія, которыя мы напрасно будемъ искать въ законѣ 9-го марта 1869 г., равно какъ и въ проектѣ уголовнаго судопроизводства 1867 года, изданныхъ въ Австріи.

Въ виду общаго начала, по которому все, что имѣетъ отношеніе къ вопросу о наказаніи, должно разрѣшаться исключительно судомъ, является непослѣдовательнымъ постановленіе многихъ германскихъ законодательствъ, заимствовавшихъ институтъ присяжныхъ изъ Франціи, по которому признаніе въ дѣлѣ обстоятельствъ, смягчающихъ наказаніе, предоставлено присяжнымъ.

Между тѣмъ *объ обстоятельствахъ, имѣющихъ вліяніе только на мѣру наказанія, не ставится вовсе вопроса присяжнымъ въ Германіи*, хотя во Франціи эти обстоятельства

входятъ въ circonstances atténuantes, и присяжные имѣютъ право признать или непризнать ихъ наличность въ дѣлѣ.

Мы того мнѣнія что присяжнымъ необходимо предлагать вопросы и *о всѣхъ тѣхъ обстоятельствахъ, отъ которыхъ зависитъ признаніе большей или меньшей вины подсудимаго.*

Только придерживаясь этого взгляда, можно признать послѣдовательнымъ предложеніе присяжнымъ на разрѣшеніе вопросовъ о покушеніи, соучастіи въ преступленіи и т. п. въ тѣхъ случаяхъ, когда эти формы вины по принципу угрожаются въ законѣ наказаніемъ, назначеннымъ главному виновному. Если по закону покушеніе или соучастіе не имѣютъ вліянія на степень или родъ наказанія, но только на мѣру въ предѣлахъ закономъ установленной степени, то противорѣчитъ разъ принятому началу ставить особые о нихъ вопросы.

Но оставляя въ сторонѣ слишкомъ искусственный механизмъ постановки вопросовъ по французско-нѣмецкому праву, стѣсняющій только правовую сферу жюри, и принимая въ соображеніе, что *вмѣненіе въ вину* въ противоположность къ *назначенію мѣры наказанія* представляетъ собою сужденіе о наличности дѣянія и его юридическихъ свойствъ, вмѣняемости, виновничества, соучастія, покушенія, степени вины; что моменты вины, опредѣляющіе степень виновности, мѣру вины, *по существу своему суть основанія для вмѣненія*, такъ какъ они представляютъ собою составныя части или общаго состава преступленія, или особеннаго состава разсматриваемаго преступнаго дѣянія,—нельзя не признать, что *вопросъ о виновности обнимаетъ собою главное дѣяніе со всѣми смягчающими и усиливающими вину обстоятельствами.* Поэтому всѣ обстоятельства, вліяющія на степень вины, въ *процессуальномъ* смыслѣ представляютъ собою составныя части разсматриваемой конкретной преступной виновности подсудимаго, подлежащей разсмотрѣнію и обсужденію присяжныхъ.

Разрѣшаютъ-ли исключительно присяжные вопросъ о виновности, если *не они, а коллегія изъ ученыхъ судей при-*

звана къ обсужденію обстоятельствъ, увеличивающихъ и уменьшающихъ вину, и къ оцѣнкѣ доказательствъ существованія подобныхъ обстоятельствъ?—Если присяжные могутъ только выбирать между „виновенъ" и „невиновенъ," обстоятельства-же увеличивающія и уменьшающія вину ихъ обсужденію не подлежатъ, если, какъ постановляетъ законъ 9-го марта 1869 г. въ § 37, смягчающія вину обстоятельства, предоставляющія суду право приговаривать къ наказанію ниже minimuma, назначеннаго въ законѣ за то преступленіе, подлежатъ *исключительно* обсужденію суда;—тогда присяжные относительно обсужденія виновности, представляющей болѣе низкую степень, чѣмъ та, которая предусмотрѣна въ законѣ, являются совершенно безгласными, тогда они принуждены не высказывать своего убѣжденія, что противно даваемой ими присягѣ: взвѣсить строго все, *что говоритъ въ пользу или противъ обвиняемаго.*

Присяжные, на разрѣшеніе которыхъ (законъ 9-го марта 1869 г. § 35), ставится вопросъ о томъ, имѣлось-ли въ наличности состояніе или какой-либо фактъ при совершеніи дѣянія, въ силу котораго *наказуемость исключается или совершенно уничтожается,* не должны выражать своего мнѣнія *о фактѣ, имѣющемъ вліяніе лишь на уменьшеніе наказуемости,* даже и тогда, если-бъ въ ихъ приговорѣ могло заключаться подразумѣваемое ближайшее опредѣленіе степени вины. Что если судьи наказанія находятъ подсудимаго болѣе виновнымъ, чѣмъ судьи о виновности, и назначаютъ наказаніе ужь слишкомъ не соотвѣтствующее той степени вины, которую подразумѣвали присяжные? Неужели противъ всего этого достаточно сослаться на § 41, по которому присяжные произносятъ свой приговоръ, не справляясь съ законными послѣдствіями его.

Наконецъ, необходимо взвѣсить, что между установкой обстоятельствъ, вліяющихъ на мѣру наказанія, признать которыя по закону можетъ только судъ, и тѣхъ смягчающихъ вину обстоятельствъ, признаніе которыхъ зависитъ отъ присяжныхъ, по скольку эти обстоятельства по закону измѣняютъ степень наказанія, на самомъ дѣлѣ *нѣтъ никакого раз-*

личія въ отношеніи къ доказательствамъ и приговору. Кто привыкъ изучать уголовный кодексъ въ залѣ суда и сравнивать съ нимъ индивидуальность отдѣльныхъ случаевъ, долженъ признать, что предусмотрѣнная закономъ уголовная виновность въ дѣйствительности является въ безчисленныхъ комбинаціяхъ и что законъ подъ извѣстнымъ обычнымъ выраженіемъ подразумѣваетъ разнообразнѣйшіе случаи и виды виновности. Всѣ смягчающія вину обстоятельства принадлежатъ къ тѣмъ фактамъ, которые характеризуютъ дѣяніе, служащее предметомъ судебнаго изслѣдованія; если степень вины не должна быть взвѣшена во всѣхъ отношеніяхъ, то присяжные нерѣдко произносятъ свой приговоръ только о части вины подсудимаго. Правда, смягчающія вину обстоятельства не суть существенные признаки законнаго состава разсматриваемаго преступнаго дѣянія; но *при постановкѣ вопросовъ присяжнымъ дѣло идетъ не объ однихъ только отвлеченныхъ признакахъ*, установленныхъ закономъ, болѣе существенна здѣсь индивидуализированная конкретная вина,— обстоятельство, на которое необходимо обратить особенное вниманіе.

Защитники правъ суда въ вопросѣ объ обстоятельствахъ, вліяющихъ на наказаніе, не хотятъ видѣть противорѣчія съ ихъ принципомъ въ томъ, что признаніе въ дѣлѣ обстоятельствъ, усиливающихъ и смягчающихъ вину и вмѣстѣ съ тѣмъ родъ и степень наказанія, предоставлено присяжнымъ. Противъ такого взгляда нельзя было бы возражать, если бъ только *могло быть доказано*, что *остальные* обстоятельства, по скольку они опредѣляютъ мѣру наказанія, *не принадлежатъ также къ вопросу о винѣ*.

Въ виду существующаго въ большинствѣ германскихъ законодательствъ о судѣ присяжныхъ отдѣленія вопроса о винѣ отъ вопроса о наказаніи является совершенно невѣрнымъ положеніе, будто присяжные разрѣшаютъ весь вопросъ о виновности, скорѣе должно принять, что установленіе степени вины и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣры наказанія зависитъ вполнѣ отъ судей.

Особенное значеніе для начала индивидуализированія имѣ-

етъ судъ присяжныхъ во всѣхъ случаяхъ, влекущихъ за собою потерю чести, при сомнительномъ повальномп обыскѣ, при оцѣнкѣ спорнаго уголовнаго преступленія и т. п.

Мы защищали то положеніе, что законодательства не должны безусловно связывать со всякимъ осужденіемъ за преступленіе потерю для обвиненнаго чести, что должно быть предоставлено на благоусмотрѣніе судьи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и не присуждать къ потерѣ правъ, если обнаружится, что преступленіе или проступокъ, уклоняясь отъ обыкновенной нормы, не носятъ на себѣ безчестнаго характера и что преступникъ не обнаружилъ безчестнаго образа мыслей.

О существованіи въ дѣлѣ такихъ фактовъ, которые имѣютъ вліяніе на присужденіе къ лишенію правъ въ силу судейской власти, должны быть поставлены особые вопросы присяжнымъ, такъ какъ они въ качествѣ судей въ вопросѣ о виновности призваны преимущественно передъ всѣми другими органами произнесть приговоръ о безчестномъ характерѣ разсматриваемаго конкретнаго дѣянія, о низкомъ образѣ мыслей преступника, объ основательности его притязаній на снисходительное обращеніе съ его самолюбіемъ сообразно съ его характеромъ, возрастомъ, занятіемъ, поломъ, постигшими его въ жизни несчастіями, привычками и т. п. Уголовный законъ можетъ выразить только общій характеръ дѣянія, схватить только формы; конкретное содержаніе, коимъ каждое отдѣльное дѣяніе наполняетъ эти формы, можетъ надлежащимъ образомъ оцѣнить только живое народное правосознаніе, выразителями и носителями котораго являются по преимуществу присяжные. Именно связь суда общественнаго мнѣнія съ уголовной юрисдикціей государства раскрываетъ весьма важную сторону въ отношеніи, существующемъ между судомъ присяжныхъ и сословными судами чести съ одной стороны и институтомъ лишенія чести за извѣстныя преступленія съ другой, въ томъ смыслѣ, что въ качественномъ отношеніи отличный отъ государственнаго суда народный элементъ жюри представляетъ *большую* гарантію въ томъ, что обсуждаемыя на судѣ понятія о чести, безчестіи, дурной

репутаціи, сословномъ предразсудкѣ, торговомъ обыкновеніи всякій разъ будутъ приведены въ согласіе съ живымъ народнымъ представленіемъ о чести. Не заключается ли въ этомъ самое дѣйствительное средство уничтожить очевидное противорѣчіе между законодательствомъ и общественнымъ мнѣніемъ? Если понятія о честности и безчестности основываются на общемъ мнѣніи, коренящемся въ народномъ сознаніи, то должно согласиться, что присяжные, которыхъ обвиняемый благодаря своему праву отвода можетъ считать въ нѣкоторомъ смыслѣ своими довѣренными, суть самые компетентные судьи въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ рѣчь идетъ объ общихъ понятіяхъ чести, о свободной оцѣнкѣ честности или презрѣнности обвиняемаго, о фактическихъ предположеніяхъ способности лица къ отправленію гражданскихъ общественныхъ обязанностей.

Равнымъ образомъ и при обсужденіи показаній о прежней жизни обвиняемаго его нравственныя качества, его характеръ, словомъ все его существо не оставляются безъ вниманія въ судѣ присяжныхъ. Человѣческое чувство и практическій навыкъ въ оцѣнкѣ людскихъ дѣйствій и помышленій должны имѣть здѣсь рѣшающее значеніе. Не должны ли въ подобныхъ случаяхъ присяжные выражать свой взглядъ на значеніе повальнаго обыска какъ доказательства вины или невиновности подсудимаго, они, которые обязаны не оставлять безъ разсмотрѣнія и обсужденія ничего, что говоритъ въ пользу или противъ обвиняемаго? Обвиненіе обыкновенно заранѣе знакомитъ присяжныхъ съ характеромъ и репутаціей подсудимаго, выставляя его прежнюю жизнь въ дурномъ, неблагопріятномъ для него свѣтѣ, вслѣдствіе чего для обвиняемаго можетъ возникнуть та невыгода, что неблагопріятный для него повальный обыскъ ужь самъ по себѣ будетъ служить уликой его виновности; и такимъ образомъ психологическая связь между его прежней жизнію и разсматриваемымъ преступнымъ дѣяніемъ получитъ ложное основаніе. Поэтому повальный обыскъ долженъ быть обсуждаемъ какъ предметъ доказательства и вердикта, прежняя жизнь обвиняемаго должна быть констатирована опредѣленными, до-

ступными для оцѣнки *отдѣльными фактами*, такъ какъ изъ опыта извѣстно, что присяжные придаютъ большое значеніе дознанію чрезъ окольныхъ людей и весьма легко переносятъ свои сужденія о личности на конкретное индивидуальное дѣяніе. Вотъ почему необходимо обращать особенное добросовѣстное вниманіе на *способъ дознанія чрезъ окольныхъ людей*, значеніе котораго при публичномъ судопроизводствѣ съ присяжными совсѣмъ иное, чѣмъ при прежнемъ письменномъ слѣдственномъ процессѣ съ законной теоріей доказательствъ.

Обыкновенные повальные обыски очень часто являются совершенной противоположностью того, чѣмъ они должны быть. Весьма часто довольствуются общимъ неопредѣленнымъ дознаніемъ, что обвиняемый до того подъ судомъ и слѣдствіемъ не находился, но за то усерднѣе посѣщаетъ трактиръ, чѣмъ церковь, или, что обвиняемый уже разъ былъ наказанъ или состоялъ подъ слѣдствіемъ, что гораздо точнѣе и полнѣе можно было бы узнать изъ судебныхъ приговоровъ; или, что онъ въ своей общинѣ пользуется репутаціей сварливаго, вспыльчиваго, коварнаго, лживаго и т. п. человѣка. Ужь слишкомъ часто сообщаются однѣ неопредѣленныя абстракціи вмѣсто опредѣленныхъ фактовъ и характеристическихъ чертъ, между тѣмъ какъ вся суть въ томъ, чтобъ получить достовѣрныя спеціальныя показанія о прошлой жизни обвиняемаго. Если обвиняемый характеризуется дознаніемъ чрезъ окольныхъ людей въ общихъ чертахъ какъ дурной человѣкъ или какъ человѣкъ пользующійся вообще дурной славой, безъ указанія на опредѣленные факты, на которыхъ основывается такое сужденіе о немъ; то нельзя найти никакой вѣрной психологической связи между этой уликой и обсуждаемымъ преступнымъ дѣяніемъ.

Дурному человѣку можно приписывать всякаго рода наказуемыя дѣянія. Эта улика теряетъ однако свою цѣну при обсужденіи напр. мошенничества или подлога, если при дознаніи чрезъ окольныхъ людей обнаружится, что обвиняемый пользуется дурной славой вслѣдствіе того, что неоднократно высказывался въ соціально-демократическомъ духѣ

противъ вліянія духовенства на школы, или совершалъ буйства въ пьяномъ видѣ, или вслѣдствіе того, что онъ живетъ въ конкубинатѣ и т. п. Поэтому является вполнѣ основательнымъ требованіе, чтобы и по вопросу о прежней жизни обвиняемаго были допрошены въ судѣ свидѣтели, дабы было констатировано, что за повальнымъ обыскомъ не скрываются личная ненависть, необдуманное сужденіе, зависть, національная или политическая вражда, протекція и т. п.; дабы и осужденному оставалось еще утѣшеніе, что онъ выказался въ болѣе благопріятномъ для себя свѣтѣ, чѣмъ какова о немъ слава.

Мы зашли бы слишкомъ далеко, еслибъ захотѣли въ настоящей статьѣ указать на значеніе суда присяжныхъ относительно индивидуализированія осмотровъ и мнѣній экспертовъ. Мы довольствуемся разсмотрѣніемъ въ общихъ чертахъ значенія суда присяжныхъ въ случаяхъ сомнительной виновности или спорныхъ толкованій уголовно правовыхъ опредѣленій.

Судебная практика очень часто интерпретируетъ одни и тѣже опредѣленія закона весьма различно. Такъ напр. при обсужденіи понятія о необходимой оборонѣ одинъ судъ нашелъ, что, имѣя въ виду обычную разсудительность и образъ дѣйствій человѣка, должно признать, что подсудимый, находившійся въ состояніи необходимой обороны, обязанъ былъ спасаться отъ опасности бѣгствомъ, между тѣмъ какъ при обсужденіи другаго подобнаго случая тотъ же самый судъ нашелъ, что ни отъ кого нельзя требовать, чтобъ онъ обращался въ бѣгство; слова свидѣтельской присяги: „покажу все, что помню и знаю“ одинъ судъ толковалъ въ томъ смыслѣ, что свидѣтель помнитъ, что извѣстный фактъ не совершился, другой судъ изъ этой формулы выводилъ, что свидѣтель не помнитъ, чтобъ такой-то фактъ совершился. Подобное противорѣчивое пониманіе и толкованіе истиннаго смысла одного и того-же закона было и бываетъ весьма часто причиною того, что сотни честныхъ людей объявляются преступниками.

На этотъ пунктъ нельзя обратить достаточно вниманія образованныхъ и свѣдущихъ людей.

Во всѣхъ случаяхъ, когда буквальный смыслъ закона даетъ мѣсто различнымъ толкованіямъ, послѣднее должно быть предоставлено судьямъ — рѣшителямъ вопроса о винѣ. Наставленіе предсѣдателя суда для присяжныхъ не обязательно, при томъ въ подобныхъ случаяхъ легко можетъ возникнуть вопросъ, правильно-ли предсѣдатель истолковалъ законъ, или, въ случаѣ постановки вопроса согласно съ буквой закона, слѣдовали-ли присяжные при произнесеніи своего вердикта правильному или неправильному толкованію.

Именно въ подобныхъ случаяхъ безыскусственное пониманіе присяжныхъ имѣетъ весьма большое значеніе для обсужденія виновности и индивидуальныхъ обстоятельствъ, извиняющихъ подсудимаго, и это безыскусственное пониманіе смысла закона далеко не есть произволъ или мнимое всемогущество жюри. Примѣръ, приведенный Кревелемъ, лучше всего объяснитъ эту сторону суда присяжныхъ. Почти во всякомъ судѣ съ присяжными весьма часто можно услышать отъ подсудимаго, что онъ вовсе не имѣлъ намѣренія извлечь выгоду изъ совершеннаго имъ подлога или обмана, что онъ, напротивъ, имѣлъ искреннее желаніе возвратить обманутому взятое у него имущество и тѣмъ предохранить его отъ какихъ-либо имущественныхъ потерь; нерѣдко это такъ и бываетъ. Но вотъ юристы объясняютъ присяжнымъ, что слово *выгода* вовсе не означаетъ обогащеніе обвиняемаго; что обогащеніе при помощи противозаконнаго дѣянія немыслимо, такъ какъ по закону, изъ него возникаетъ для обогатившагося обязанность вознаградить того, на счетъ котораго произошло обогащеніе. Выгода въ уголовно-правовомъ смыслѣ означаетъ только достиженіе временнаго обладанія имуществомъ, къ чему подсудимый и стремился при помощи обмана.

Все-таки слово выгода указываетъ не на временное, а на прочное, продолжительное обогащеніе. Кто обязуется возвратить взятое, тотъ имъ не обогащается. Итакъ, если при-

сяжные изъ обстоятельствъ дѣла усмотрятъ, что обвиняемый имѣлъ искреннее желаніе и возможность возвратить обманутому взятое имъ у него посредствомъ подлога или обмана, или что возмѣщеніе похищеннаго уже дѣйствительно совершилось; тогда они очень легко могутъ не признать въ дѣяніи обвиняемаго признака „пріобрѣтенія выгоды.“

Это простое, само по себѣ вѣрное пониманіе законнаго признака не препятствуетъ однако ученымъ судьямъ придать закону иной пріятный юристомъ смыслъ. Юристъ видитъ корыстное намѣреніе тамъ, гдѣ дѣло идетъ только о достиженіи временнаго владѣнія вещью, и такимъ образомъ нерѣдко приговариваетъ къ наказаніямъ, которыя по сущей справедливости являются жестокостью.

Стоитъ только вникнуть въ толкованія законныхъ признаковъ кражи: „доставитъ себѣ выгоду“, или мздоимства: „приметъ подарокъ или согласится на пріобрѣтеніе или обѣщаніе иной выгоды“ (Австр. угол. улож. §§ 104, 171),—чтобъ убѣдиться, что *присяжные могутъ не придерживаться толкованій ученыхъ юристовъ и все таки не нарушать истиннаго смысла закона*, тѣмъ болѣе, что толкованія самихъ ученыхъ очень часто представляютъ собою уклоненія отъ истиннаго смысла закона. Одни ученые напр. говорятъ, что признакъ „выгоды“ въ кражѣ должно понимать въ тѣсномъ смыслѣ имущественнаго пріобрѣтенія. Другіе, напротивъ, утверждаютъ, что для понятія кражи не требуется непремѣнно корыстное намѣреніе, такъ какъ можно совершить похищеніе изъ мести или изъ желанія угодить своему хозяину, кормя его лошадей чужимъ сѣномъ или овсомъ. Выгода вора такимъ образомъ можетъ состоять въ удовлетвореніи не только корысти, но и всякаго другаго желанія.— И относительно толкованія выраженій закона „доставитъ себѣ выгоду“ въ противоположность принятія подарка, какъ безмезднаго пріобрѣтенія, мнѣнія ученыхъ различны, и притомъ нельзя сказать, чтобъ какое-либо изъ этихъ мнѣній было невѣрно, и чтобъ по духу закона понятіе о выгодѣ было ограничено однимъ имущественнымъ пріобрѣтеніемъ и не

могло быть распространено и на пріобрѣтенія инаго рода, не имущественнаго свойства. Съ такимъ же правомъ, съ какимъ судья-юристъ ограничиваетъ въ подобныхъ случаяхъ понятіе о выгодѣ принятіемъ денегъ или иныхъ имущественныхъ цѣнностей, присяжные могутъ признать этотъ признакъ существующимъ и тогда, если изъ дѣла видно будетъ, что чиновникъ въ своихъ дѣйствіяхъ руководствовался желаніемъ пріобрѣсть покровительство или отличіе, льстившія только его чувственности или тщеславію и не обѣщавшія ему никакихъ имущественныхъ выгодъ. Здѣсь признаніе виновности или невиновности обвиняемаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ зависитъ отъ состава суда и присяжныхъ, отъ строго юридическаго или безыскусственнаго пониманія закона, безъ того, чтобъ можно было утверждать, что то или другое пониманіе было согласно или противорѣчило истинному смыслу закона или народному правосознанію.

Посмотримъ еще на значеніе суда присяжныхъ въ вопросѣ *о доказательствахъ*. Совѣсти присяжныхъ предоставлено признать отдѣльныя представленныя доказательства заслуживающими довѣрія, придавать или не придавать значенія общему впечатлѣнію, произведенному судебнымъ слѣдствіемъ и личностью обвиняемаго, произносить приговоръ, руководствуясь общими правилами или соображаясь съ индивидуальностью случая. Послѣдовательно за присяжными должно быть признано право въ тѣхъ случаяхъ, когда они при совѣщаніи убѣдятся, что показаніе не приведеннаго къ присягѣ свидѣтеля заслуживаетъ вѣроятія, представлять суду о приведеніи такого свидѣтеля къ присягѣ.

Нельзя отрицать, что и коллегіи изъ юристовъ-техниковъ представляютъ значительныя гарантіи въ томъ, что каждый отдѣльный случай будетъ обсуждаемъ сообразно съ представляемыми имъ особенностями. Можетъ даже случиться, что относительно нѣкоторыхъ житейскихъ отношеній, въ которыхъ находился подсудимый, юристы обнаружатъ больше знанія и большую опытность чѣмъ отдѣльный присяжный, у котораго быть можетъ не будетъ достаточно свѣдѣній для

правильнаго обсужденія конкретнаго случая. Все таки и въ такихъ случаяхъ только безыскусственное простое пониманіе присяжныхъ при содѣйствіи научно юридическаго элемента и сторонъ будетъ представлять несомнѣнныя достоинства.

Мы напомнимъ еще читателямъ, какое значеніе для всесторонней индивидуальной оцѣнки личности обвиняемаго и признанія доказанности или недоказанности взводимаго на него обвиненія имѣетъ непосредственное изслѣдованіе дѣла передъ присяжными, что они изслѣдуютъ вину подсудимаго не по абстрактнымъ правиламъ холодно расчитывающаго разсудка, новичка въ преступленіи рѣзко отличаютъ отъ рецидивиста и лицемѣра, не забываютъ также и о тѣхъ человѣческихъ слабостяхъ, которыя въ трудныя и отчаянныя минуты жизни легко увлекаютъ съ прямаго пути, взвѣшиваютъ силу личныхъ отношеній и индивидуальныхъ мотивовъ, изучаютъ умственныя и нравственныя свойства обвиняемаго на основаніи данныхъ, почерпнутыхъ ими непосредственно изъ живаго источника народности.

Ни съ точки зрѣнія ученія о доказательствахъ, ни съ точки зрѣнія вопроса о примѣненіи закона нельзя одобрить *устраненіе жюри въ случаѣ собственнаго сознанія обвиняемаго*. Подобное устраненіе даже прямо противорѣчитъ существу суда присяжныхъ, не говоря уже о томъ, что вслѣдствіе этого присяжными не разрѣшаются важнѣйшіе вопросы, какъ напр. о томъ, имѣются ли въ дѣлѣ обстоятельства, исключающія вмѣніе, смягчающія вину и т. п. Впрочемъ уже въ непосредственности и публичности уголовнаго процесса заключается важное преимущество, благопріятствующее индивидуализаціи.

Въ непосредственности главнаго судебнаго дѣйствія потребность въ индивидуальной оцѣнкѣ всей личности подсудимаго находитъ полное свое удовлетвореніе. Судья въ вопросѣ о винѣ долженъ самъ видѣть и слышать, какъ обвиняемый оправдывается, какъ работаетъ въ немъ душа, какъ сознаніе вины подавляетъ его и напротивъ сознаніе невиновности его возвышаетъ, какъ въ поведеніи его выступаетъ

его злостность, хитрость, коварство, добродушіе, слабоуміе, лицемѣріе. Общее впечатлѣніе производимое всѣми этими вліяющими на вмѣненіе обстоятельствами весьма важно для того, чтобъ судья въ вопросѣ о винѣ могъ съ глубокимъ убѣжденіемъ сказать: да, виновенъ, или, нѣтъ, не виновенъ!

Въ устномъ публичномъ уголовномъ процессѣ съ присяжными начало индивидуализированія находитъ самое плодотворное процессуальное свое выраженіе.

А. Ш.

СОВРЕМЕННЫЙ ОТДѢЛЪ.

ПО ПОВОДУ ЮРИДИЧЕСКИХЪ ВОПРОСОВЪ,

РАЗРѢШЕННЫХЪ МОСКОВСКОЮ СУДЕБНОЮ ПАЛАТОЮ.

Рѣшенія и опредѣленія судебныхъ мѣстъ имѣютъ важное значеніе не только для лицъ, до которыхъ они непосредственно и обязательно касаются, но и вообще для разъясненія истиннаго смысла законовъ и установленія правильнаго ихъ примѣненія къ дѣлу.

Это значеніе судебной практики становится еще болѣе вліятельнымъ, когда рѣчь идетъ о дѣятельности высшихъ судебныхъ учрежденій и когда послѣдняя посредствомъ гласности дѣлается общественнымъ достояніемъ и руководствомъ не только для подчиненныхъ учрежденій, но и для всѣхъ общественныхъ дѣятелей.

Но при такомъ значеніи рѣшеній и опредѣленій судебныхъ мѣстъ— вліяніе ихъ можетъ быть различное. Оно можетъ быть полезное, когда ими въ дѣйствительности разъясняется истинный смыслъ закона и напротивъ того вредное, когда вмѣсто разъясненія темныхъ вопросовъ произвольными толкованіями вносится въ жизнь безполезное сомнѣніе, а нерѣдко и извращеніе прямаго пониманія закона.

Въ послѣднемъ случаѣ каждый, дорожащій успѣхами развитія отечественнаго права, долженъ по мѣрѣ своихъ силъ и возможности не оставлять такихъ рѣшеній безъ возраженія, безъ критическаго разбора. Общественное мнѣніе должно чутко, напряженно слѣдить за дѣятельностью новыхъ судовъ, этихъ дорогихъ учрежденій нашего времени. Печать, какъ одно изъ могучихъ средствъ для выраженія общественнаго мнѣнія, должна быть свободно открыта для такихъ возраженій.

Вотъ почему, пользуясь правомъ, предоставленнымъ намъ по силѣ 3-й статьи правилъ для печатанія рѣшеній судебныхъ установленій, мы не можемъ оставить безъ критическаго разбора нѣкоторыхъ опредѣленій судебной палаты, помѣщенныхъ въ ноябрьской книжкѣ Юридическаго Вѣстника, которыми многіе юридическіе вопросы разрѣшены несогласно съ закономъ и многочисленными рѣшеніями кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената.

Но прежде нежели приступимъ къ разбору этихъ опредѣленій, мы не можемъ здѣсь не изъявить своего сожалѣнія, что членъ московской судебной палаты Д. П. Тихомировъ, такъ обязательно сообщающій ихъ въ Юридическій Вѣстникъ, помѣщаетъ ихъ не въ своей обычной, опредѣленной формѣ, какъ они были помѣщаемы въ прежнее время, а подъ громкимъ названіемъ „Юридическихъ Вопросовъ.“ *) Не говоря уже о томъ, что помѣщеніе опредѣленій палаты въ такомъ видѣ не соотвѣтствуетъ требованію закона (ст. 1 прав. для печат. рѣш. суд. уст.), на основаніи котораго они должны быть печатаемы такъ какъ они изложены въ подлинникѣ, но кромѣ того помѣщеніе ихъ въ такомъ видѣ, въ какомъ они сообщаются въ настоящее время, до крайности затрудняетъ ихъ разборъ; не знаемъ иногда, кому отнести какое-либо соображеніе, самой ли палатѣ, или только члену сообщающему ея опредѣленія.

Первый юридическій вопросъ, разрѣшенный судебною палатою, къ разбору котораго мы приступимъ, состоитъ въ слѣдующемъ: „можетъ ли быть предъявленъ гражданскій искъ въ уголовномъ судѣ къ лицу, непривлеченному къ уголовной отвѣтственности.“?

Этотъ вопросъ, возникшій изъ извѣстнаго дѣла о крушеніи поѣзда Рязанской желѣзной дороги, палата разрѣшила отрицательно.

Соображенія палаты, на основаніи которыхъ она пришла къ такому отрицательному разрѣшенію вопроса, слѣдующія: „подъ гражданскимъ искомъ разумѣется истекающее изъ преступленія или проступка требованіе о вознагражденіи за вредъ, отъ того преступленія или проступка происшедшій. Такое требованіе предъявляется къ самому подсудимому. Посему никакое лицо, не будучи привлеченнымъ къ уголовной отвѣтственности, не можетъ быть признано и гражданскимъ отвѣтчикомъ въ уголовномъ процессѣ.“

Изложенныя соображенія палата называетъ „общими“.

Остановимся пока на разсмотрѣніи этихъ общихъ соображеній. Посмотримъ, основаны ли они на законахъ.

6, 7 и 17 ст. уст. уг. суд., на которыя палата въ своихъ общихъ соображеніяхъ ссылается, рѣшительно ничего подобнаго не говорятъ. Для доказательства мы приводимъ ихъ буквально.

6 ст. говоритъ „*лицо, потерпѣвшее отъ преступленія или проступка, но не пользующееся правами частнаго обвинителя, въ случаѣ*

---

*) Мы не можемъ согласиться съ правильностью подобнаго рода замѣчаній. Для успѣховъ нашей юриспруденціи нѣтъ надобности въ казенной формѣ, которая можетъ быть обязательною при печатаніи судебныхъ рѣшеній и опредѣленій in extenso, а не тогда когда эти рѣшенія и опредѣленія приводятся въ статьяхъ, озаглавленныхъ подобно тѣмъ, которыя Д. П. Тихомировымъ сообщаются въ Юрид. Вѣстн. Ред.

заявленія иска о вознагражденіи во время производства уголовнаго дѣла, признается участвующимъ въ дѣлѣ гражданскимъ истцомъ."

7-я же статья говоритъ „*гражданскій истецъ, не заявившій иска о вознагражденіи до открытія засѣданія по уголовному дѣлу, теряетъ право начинать искъ порядкомъ уголовнымъ, но можетъ предъявить его въ гражданскомъ судѣ послѣ окончательнаго рѣшенія уголовнаго дѣла.*"

17 ст. „*при прекращеніи судебнаго преслѣдованія вслѣдствіе означенныхъ въ статьѣ 16-й причинъ, начатые въ судахъ уголовныхъ иски о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные преступленіемъ или проступкомъ, разрѣшаются тѣми же уголовными судами.*"

Итакъ изъ всѣхъ приведенныхъ въ опредѣленіи палаты статей нельзя извлечь такихъ положеній, къ которымъ она пришла.

Изложивъ свои общія соображенія, которыя оказались, какъ мы видѣли, не основанными на законахъ, палата переходитъ засимъ къ частнымъ соображеніямъ, собственно къ вопросу, можетъ ли гражданскій искъ быть предъявленъ въ уголовномъ судѣ къ Обществу Рязанской желѣзной дороги. *)

Въ этихъ частныхъ соображеніяхъ палата говоритъ: „по коренному

---

*) Мы здѣсь не можемъ оставить безъ возраженія и слѣдующаго соображенія палаты, „общество желѣзной дороги не было и не могло быть привлечено въ качествѣ обвиняемаго лица въ какомъ-либо преступленіи.

Эта *невозможность привлеченія къ уголовной отвѣтственности общества, какъ лица юридическаго*, указываетъ, что предъявленные противъ него иски могутъ быть разсматриваемы въ гражданскомъ судѣ."

Дѣйствительно Общество Рязанской желѣзной дороги въ данномъ случаѣ не было привлечено къ уголовной отвѣтственности; того-же, могло ли оно быть привлечено къ таковой отвѣтственности,—мы вовсе не касаемся. Но мы не можемъ не замѣтить, что мнѣніе палаты о томъ, что вообще юридическихъ лицъ нельзя привлекать къ суду въ качествѣ обвиняемыхъ въ какомъ-либо преступленіи—положительно не вѣрно.

Не говоря уже объ ученіи криминалистовъ по этому вопросу, изъ которыхъ нѣкоторые вопросъ этотъ разрѣшаютъ положительно, мнѣніе палаты противорѣчитъ отечественному законодательству. Въ доказательство сошлемся на 511 ст. ул. о нак. Она говоритъ: если рекрутскій участокъ не поставитъ рекрутъ въ срокъ, манифестомъ о наборѣ опредѣленный, и не представитъ законныхъ тому причинъ, то за сіе, хотя бы по окончаніи сего срока и была представлена къ очищенію недоимки зачетная квитанція, участокъ подвергается взысканію, за каждый просроченный мѣсяцъ: не свыше трехъ рублей за каждаго рекрута, и двойному платежу денегъ на провіантъ и жалованье рекруту, закономъ опредѣленныхъ.

Въ подтвержденіе своего мнѣнія мы еще можемъ указать на 512, 514, 515 и 958 ст. уложенія о наказаніяхъ.

Изъ этихъ законоположеній ясно видно, что по нашему законодательству возможно привлеченіе къ уголовному суду и лицъ юридическихъ.

правилу всякій обязанъ вознаградить за вредъ и убытки, причиненные кому либо его дѣяніемъ, слѣдовательно первоначально отвѣтственнымъ лицомъ является самъ подсудимый за свое дѣяніе. Но въ 15 ст. уст. уг. суд. говорится о томъ, что за подсудимаго могутъ отвѣчать и другія лица."

Замѣчательно, что палата въ общихъ своихъ соображеніяхъ, какъ мы уже видѣли, полагала, что никакое лице, не будучи привлеченнымъ къ уголовной отвѣтственности, не можетъ быть признано и гражданскимъ отвѣтчикомъ въ уголовномъ процессѣ; переходя же затѣмъ къ вопросу, подлежащему ея разрѣшенію, она говоритъ совершенно противоположное. Не явное ли это противорѣчіе и притомъ въ одномъ и томъ же опредѣленіи.

Далѣе говорится „подъ этими другими лицами слѣдуетъ разумѣть законныхъ ихъ представителей (то есть представителей подсудимыхъ), каковыми, по мнѣнію палаты, между прочимъ могутъ быть господа за ущербъ, учиненный ихъ слугами при исполненіи ихъ порученій, и владѣльцы животныхъ за вредъ ими причиненный.

По нашему же мнѣнію подъ этими другими лицами, о которыхъ говоритъ 15 ст., нельзя разумѣть ни господъ за ущербъ, учиненный ихъ слугами при исполненіи порученій, ни тѣмъ болѣе владѣльцевъ животныхъ.

687 X т., на которую палата ссылается по поводу отвѣтственности господъ, находится подъ рубрикою о вознагражденіи за вредъ и убытки, послѣдовавшіе отъ дѣяній не признаваемыхъ преступленіями и проступками. А изъ сего ясно видно, что къ этимъ другимъ лицамъ, отвѣтственнымъ предъ уголовнымъ судомъ въ имущественномъ отношеніи за подсудимаго, нельзя причислять господъ за ущербъ, нанесенный ихъ слугами, ибо въ данномъ случаѣ слуги не являются подсудимыми, по отсутствію въ ихъ дѣяніяхъ признаковъ преступленія или проступка, а слѣдовательно предъявленіе на господъ иска въ уголовномъ судѣ о вознагражденіи за ущербъ нанесенный ихъ слугами, въ данномъ случаѣ даже и не мыслимо, такъ какъ въ уголовномъ судѣ, по силѣ 15 ст. уст. уг. суд., предъявляются только иски, возникшіе изъ преступленія или проступка.

Что же касается до владѣльцевъ животныхъ, которые по мнѣнію палаты являются, по праву представительства, отвѣтственными лицами за вредъ ими причиненный, то несостоятельность такого мнѣнія такъ очевидна и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ громадна, что мы, не имѣя въ своихъ рукахъ подлиннаго опредѣленія палаты по сему вопросу, изъ глубокаго къ ней уваженія, какъ къ высшему судебному учрежденію, готовы скорѣе допустить, что этотъ случай ею не былъ приведенъ въ ея рѣшеніи, а посему не останавливаясь на немъ особенно, мы только ограничимся здѣсь однимъ замѣчаніемъ, что въ доказательство того положенія, что по силѣ 15 ст. уст. уг. суд. можно предъявлять граждан

скій искъ въ уголовномъ судѣ и на другихъ лицъ за подсудимаго, положительно нельзя приводить владѣльцевъ животныхъ, за вредъ ими причиненный, на томъ очень простомъ основаніи, что животныя никогда и ни за какой вредъ ими нанесенный не могутъ быть посажены на скамью подсудимыхъ, каковыми могутъ только быть въ случаяхъ указанныхъ въ законахъ (120 121 и 128 ст. уст. о наказ. нал. мир. суд.) сами ихъ владѣльцы.

После болѣе чѣмъ неудачнаго перечисленія законныхъ представителей подсудимыхъ, подлежащихъ за нихъ имущественной отвѣтственности, палата далѣе говоритъ, „что въ этомъ перечнѣ отвѣтственныхъ лицъ не можетъ быть упомянуто объ обществѣ желѣзной дороги, потому что общество не есть представитель своихъ агентовъ, учинившихъ преступленіе, а признается по закону самостоятельнымъ отвѣтчикомъ, къ которому могутъ быть предъявляемы иски лицами потерпѣвшими прямо и независимо отъ личной отвѣтственности его агентовъ. Это положеніе истекаетъ изъ содержанія 683 ст. X т. 1 ч., опредѣляющей правила (а не порядокъ) на полученіе вознагражденія за вредъ и убытки или путемъ миролюбиваго соглашенія потерпѣвшихъ съ обществомъ, или порядкомъ суда гражданскаго.“

Прежде всего опять не можемъ пройти молчаніемъ противорѣчій и неточностей въ редакціи. Вначалѣ говорится, что 683 ст. опредѣляетъ не порядокъ на полученіе вознагражденія, а правила; чрезъ двѣ же строчки послѣ сего говорится уже о порядкѣ полученія вознагражденія. Да кромѣ того желательно было бы знать, чѣмъ же опредѣляется самый порядокъ полученія вознагражденія какъ не правилами.

Впрочемъ такихъ неточностей и противорѣчій въ разбираемомъ нами опредѣленіи находится столько, что особенно останавливаться на нихъ мы не имѣемъ достаточно времени, а считаемъ нужнымъ только указать на нихъ, такъ сказать, мимоходомъ.

Главное же наше возраженіе въ настоящее время состоитъ противъ вышеизложеннаго соображенія палаты, которое, по ея мнѣнію, будтобы истекаетъ изъ содержанія 683 ст. X т. 1 ч.

Мы утверждаемъ положительно, что такого соображенія изъ 683 ст. вывести нельзя. Для доказательства мы приводимъ ее здѣсь цѣликомъ. Она говоритъ: „Правительство или частная компанія подлежатъ отвѣтственности предъ понесшимъ ущербъ и вредъ лицомъ за каждое случившееся на желѣзныхъ дорогахъ несчастіе, когда оно произошло отъ причинъ, предусмотрѣнныхъ при отправленіи или движеніи поѣзда, но не отвращенныхъ принятіемъ надлежащихъ мѣръ, или когда оно вообще могло быть предусмотрѣно, но оставлено безъ вниманія; отвѣтственность сія заключается въ обязанности вознаградить потерпѣвшихъ отъ несчастія разстройство въ своемъ здоровьи на точномъ основаніи предъидущей 661 ст. и должна быть назначена по миролюбивому соглашенію или въ противномъ случаѣ судомъ. Правительству или частной ком-

нанія предоставляется искать возмѣщеніе своихъ убытковъ съ виновныхъ агентовъ ихъ, которые сверхъ того подвергаются и личному по мѣрѣ ихъ вины наказанію по законамъ. Но правительство или частная компанія не подлежатъ отвѣтственности, когда случившееся на желѣзныхъ дорогахъ несчастіе произошло отъ такихъ причинъ, которыхъ нельзя было предотвратить никакими мѣрами предусмотрительности и осторожности."

Изъ приведенной 683 ст. можно только извлечь четыре положенія: 1) что правительство или частная компанія обязана только тогда вознаградить лицъ, понесшихъ ущербъ отъ случившихся на желѣзныхъ дорогахъ несчастій, когда эти несчастія произошли по винѣ ихъ агентовъ, 2) что это вознагражденіе, на основаніи 661 ст. X т. 1 ч., назначается или по миролюбивому соглашенію, или когда сего соглашенія не послѣдуетъ—судомъ, 3) что правительство или частная компанія имѣетъ право возмѣстить свои убытки съ виновныхъ своихъ агентовъ и 4) что виновные агенты подвергаются опредѣленному наказанію по закону.

Вотъ и всѣ положенія, которыя можно извлечь изъ приведенной статьи.

Того же положенія, которое привела палата въ своемъ опредѣленіи, вывести не представляется никакихъ основаній, ибо 683 ст. ничего не говоритъ о судѣ гражданскомъ, а напротивъ того можно придти къ другому заключенію, если ее сообразить съ 661 ст. того же тома и части, на которую она дѣлаетъ ссылку.

661 ст. говоритъ: „если отъ учиненнаго преступленія или проступка кто-либо потерпѣлъ такое разстройство въ здоровьи, что онъ чрезъ то лишенъ навсегда возможности снискивать пропитаніе своими обычными трудами, то виновный обязанъ обезпечить существованіе его и семейства его, сколько сіе дозволяетъ ему собственное состояніе, платя ежегодно опредѣленную на сіе, по усмотрѣнію суда, денежную сумму."

Это вознагражденіе за вредъ, причиненный преступленіемъ, въ случаѣ предъявленнаго гражданскаго иска, присуждается, какъ извѣстно, на основаніи 6, 15 и 17 ст. уст. уг. суд. именно уголовнымъ судомъ; а такъ какъ 683 ст. говоритъ, что отвѣтственность правительства и частной компаніи заключается въ обязанности вознаградить лицъ потерпѣвшихъ отъ несчастія на желѣзныхъ дорогахъ, на основаніи 661 ст. X т., то отсюда прямое слѣдуетъ заключеніе, что искъ противъ общества Рязанской желѣзной дороги можетъ быть предъявленъ въ уголовномъ судѣ. Въ этомъ случаѣ Общество Рязанской желѣзной дороги было бы то третье лице, не привлекаемое къ уголовной отвѣтственности, о которомъ говорится въ 15 ст. уст. уг. суд.

Что дѣйствительно наше законодательство допускаетъ заявленіе гражданскаго иска въ уголовномъ судѣ къ лицу и не обвиняемому—можетъ еще служить неопровержимымъ доказательствомъ 860 ст. уст. уг. суд., изъ которой также видно, что одинаковое съ гражданскимъ

истцомъ право отзыва принадлежитъ и тѣмъ, на кого обращено взысканіе вознагражденія за причиненные преступленіемъ или проступкомъ вредъ и убытки; а что въ приведенной статьѣ разумѣется не подсудимый, это видно изъ 856 ст., по силѣ которой подсудимый также имѣетъ право отзыва по всѣмъ предметамъ дѣла, до него относящимся.

И такъ изъ всѣхъ законоположеній, которыя имѣла въ виду палата и которыхъ не имѣла въ виду, какъ напримѣръ 860 ст. уст. уг. суд., ясно видно, что по нашимъ законамъ допускается предъявленіе гражданскаго иска и къ лицамъ, непривлекаемымъ къ уголовному суду въ качествѣ обвиняемыхъ, каковымъ въ случаѣ, разсматриваемомъ въ палатѣ, было Общество Рязанской желѣзной дороги.

Такой нашъ выводъ, основанный на законахъ, подкрѣпляется еще и тѣмъ общимъ соображеніемъ, что недопущеніе предъявленія иска въ уголовномъ судѣ къ лицамъ, непривлекаемымъ къ уголовной отвѣтственности, было бы въ этомъ случаѣ для гражданскаго отвѣтчика равносильно лишенію права защиты своихъ интересовъ; такое недопущеніе лишило бы ихъ весьма существеннаго права—опровергать самое основаніе иска, самую причину, изъ котораго онъ истекаетъ.

Изъ 683 ст. X т. 1 ч. намъ уже извѣстно, что только тогда правительство и частная компанія обязана вознаградить лицъ потерпѣвшихъ отъ несчастій на желѣзныхъ дорогахъ, когда эти несчастія произошли по винѣ ихъ агентовъ. Слѣдовательно самое главное и существенное возраженіе въ этомъ случаѣ для отвѣтчика должно состоять противъ виновности своихъ агентовъ.

Виновность же своихъ агентовъ можно опровергать только въ томъ судѣ, гдѣ она разсматривается, т. е. въ судѣ уголовномъ. Въ гражданскомъ же судѣ, послѣ произнесенія въ уголовномъ судѣ обвинительнаго приговора, правительство, такъ равно и частная компанія, лишаясь на основаніи 30 ст. уст. уг. суд., всякой возможности опровергать виновность своихъ агентовъ, теряютъ черезъ это свое драгоцѣнное право оспаривать самое основаніе иска. Подчиняясь такимъ образомъ безъ возраженій уголовному приговору, правительство и частная компанія могутъ спорить только о грошахъ, о количествѣ вознагражденія.

Полагаемъ, что ни одно законодательство, въ томъ числѣ и наше, не желало ставить отвѣтчиковъ въ такое безвыходное, незавидное положеніе передъ истцами, въ какое въ своемъ опредѣленіи ставитъ ихъ палата.

Переходимъ теперь къ вопросу, помѣщенному въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ подъ № XLVI.

Вопросъ этотъ слѣдующій: „слѣдуетъ ли обвиняемыхъ по 180 ст. уст. о нак. нал. мир. суд. предавать суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей вмѣстѣ съ главными виновными?“

Вопросъ этотъ палата разрѣшила также отрицательно.

Не входя въ разсмотрѣніе тѣхъ соображеній, на основаніи которыхъ

палата пришла къ такому отрицательному разрѣшенію упомянутаго вопроса, мы укажемъ только здѣсь вопервыхъ на то, что такое разрѣшеніе сего вопроса совершенно противорѣчитъ рѣшенію кассаціоннаго департамента правительствующаго сената, и вовторыхъ на то, что въ практическомъ отношеніи такое разрѣшеніе сего вопроса порождаетъ множество неудобствъ и затрудненій.

Еще въ началѣ 1867 года вопросъ, который возбудила у себя палата въ настоящее время, былъ разрѣшенъ въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ правительствующаго сената по всѣмъ извѣстному дѣлу о похищеніи денегъ съ Рогожскаго кладбища.

Защитникъ одного изъ подсудимыхъ по означенному дѣлу, именно защитникъ подсудимаго Гальперина, доказывалъ тогда предъ сенатомъ въ своей кассаціонной жалобѣ, поданной на приговоръ Московскаго окружнаго суда, что его кліента, какъ обвиняемаго въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 180 ст. уст. о наказ. налаг. мир. суд., не слѣдовало бы, за силою 205 ст. уст. угол. суд., судить въ окружномъ судѣ вмѣстѣ съ другими подсудимыми, обвиняемыми въ грабежѣ.

Уголовный кассаціонный департаментъ, оставляя этотъ доводъ защиты безъ уваженія, тогда же еще разъяснилъ, что по 207 ст. всѣ соучастники въ преступленіи или проступкѣ судятся въ одномъ судѣ и именно въ томъ, которому подсудны главные виновные, а посему при тѣсной связи между обвиненіемъ подсудимыхъ, похитившихъ акціи, и обстоятельствами, относящимися къ обвиненію Гальперина въ противозаконной покупкѣ похищенныхъ акцій, то и другое подлежало совокупному разсмотрѣнію въ Московскомъ окружномъ судѣ.

Это рѣшеніе кассаціоннаго сената, напечатанное во всеобщее свѣдѣніе, на основаніи 933 ст. уст. угол. судопр., должно было служить для палаты, какъ равно и для другихъ судебныхъ мѣстъ, обязательнымъ руководствомъ въ примѣненіи 180 ст. уст. о наказ. налаг. мировыми судьями.

Практическія же неудобства отъ такого неправильнаго раздѣленія по разнымъ судамъ обвиняемыхъ хотя и не въ одномъ преступленіи, но истекающихъ одно изъ другаго, могутъ произойти и многочисленныя и большія.

Въ доказательство мы приведемъ слѣдующій случай: Ивановъ открыто похитилъ разное имущество у Александрова и продалъ за завѣдомо краденое одну его часть мѣщанину Алексѣеву, другую—рядовому Ефимову, состоящему на дѣйствительной службѣ, а третью часть крестьянину Прохорову.

Слѣдуя опредѣленію палаты надлежитъ Иванова предать (200 и 201 ст. уст. угол. судопр.) суду окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1637 ст. улож. о наказ.; мѣщанина Алексѣева по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 180 ст. уст. о наказ. налаг. мировыми судьями, суду

мироваго судьи (33 ст. уст. угол. судопр.); рядоваго Евимова по тому же обвиненію военному суду (219 ст. уст. угол. суд.), а крестьянина Прохорова волостному суду.

Можно ли такое произвольное дѣленіе причислить къ практическимъ удобствамъ, когда изъ одного и того же преступленія возникшее уголовное дѣло будетъ разсматриваться въ четырехъ судахъ и притомъ съ разными процессуальными обрядами.

Не говоря уже объ этомъ громадномъ неудобствѣ, изъ такого произвольнаго дѣленія могутъ возникнуть еще слѣдующія затрудненія, ничѣмъ неустранимыя. Вопервыхъ по обвиненіямъ всѣхъ четырехъ подсудимыхъ или только нѣкоторыхъ можетъ быть назначено разбирательство въ одно и тоже время и такъ какъ свидѣтелями покупки завѣдомо краденаго имущества, проданнаго одновременно, могутъ быть одни и тѣ же лица, то понятно, что они не будутъ имѣть возможности явиться въ нѣсколько судебныхъ мѣстъ, которыя тѣмъ болѣе еще могутъ находиться и не въ одной мѣстности, и такимъ образомъ назначенныя засѣданія въ одномъ или нѣсколькихъ судебныхъ мѣстахъ, не состоятся. Во-вторыхъ, что при такомъ положеніи дѣла свидѣтелямъ, по однимъ и тѣмъ же обстоятельствамъ, придется показывать нѣсколько разъ, а для этого являться неоднократно въ разные суды и такимъ образомъ и безъ того тяжелая повинность свидѣтеля еще болѣе утягчается. Послѣдствіемъ такого порядка будетъ то, что лица, которые могли бы быть свидѣтелями по дѣлу, будутъ показывать на предварительномъ слѣдствіи извѣстное уже всѣмъ „знать не знаю, вѣдать не вѣдаю,“ для того, чтобы черезъ это избѣжать обременительнаго для себя хожденія по разнымъ судамъ. И въ-третьихъ, при такомъ неестественномъ положеніи дѣла можетъ произойти такой еще казусъ: обвиняемый въ грабежѣ докажетъ на судѣ, что онъ хотя и открыто взялъ вещи у другаго лица, но взялъ ихъ въ обезпеченіе, напримѣръ долга, который былъ за этимъ лицомъ. При такихъ обстоятельствахъ, измѣнившихся на судебномъ слѣдствіи, преданный суду за грабежъ безъ сомнѣнія будетъ признанъ виновнымъ уже не въ грабежѣ, а въ самоуправствѣ, въ проступкѣ, предусмотрѣнномъ 142 ст. уст. о наказ. налаг. мировыми судьями, между тѣмъ какъ другія лица, купившія эти вещи могутъ быть, въ это же самое время, или прежде, признаны виновными въ покупкѣ завѣдомо похищенныхъ вещей.

Такой исходъ дѣла, весьма возможный при такомъ искусственномъ его раздѣленіи, не будетъ ли вопіющею несправедливостью? Нѣсколько лицъ будутъ томиться подъ арестомъ по обвиненію въ покупкѣ завѣдомо похищенныхъ вещей, когда такія вещи вовсе и не были похищены, а только произвольно взяты въ обезпеченіе долга.

Впрочемъ всѣхъ неудобствъ и затрудненій, какія могутъ только возникнуть при такомъ положеніи дѣла, мы не беремся перечислить; ихъ можетъ возникнуть безчисленное множество. Но довольно, кажется, и

перечисленныхъ нами случаевъ, чтобы усмотрѣть всю несостоятельность, какъ въ практическомъ, такъ равно и въ легальномъ отношеніяхъ, такого произвольнаго дробленія по разнымъ судамъ одного и того же дѣла, какое палата приняла себѣ, и кажется притомъ, за постоянное правило.

Показавъ насколько опредѣленіе палаты, помѣщенное подъ № XLVI, не соотвѣтствовало рѣшенію кассаціоннаго департамента правительствующаго сената и насколько примѣненіе его неудобно въ практическомъ отношеніи, перейдемъ къ вопросу, помѣщенному въ той же книжкѣ „Юридическаго Вѣстника“ подъ № XLV.

Вопросъ этотъ, возбужденный палатою, состоитъ въ слѣдующемъ: „въ какой степени обязанъ прокурорскій надзоръ разсматривать дѣла, направляемыя въ порядкѣ частнаго обвиненія?“

Палата въ своемъ опредѣленіи, разрѣшившемъ такой юридическій вопросъ, говоритъ, „что прокурорскій надзоръ разсматриваетъ дѣла, возникающія въ порядкѣ частнаго обвиненія лишь только въ томъ отношеніи, что не обнаружено ли слѣдствіемъ такого преступленія, которое подлежитъ преслѣдованію его властью, между тѣмъ какъ по силѣ 511 ст. уст. угол. судопр., на немъ лежитъ кромѣ того и другая обязанность—передать дѣло въ надлежащее судебное установленіе, а чтобы передать дѣло въ надлежащее судебное установленіе, онъ долженъ предварительно опредѣлить характеръ упадающаго на подсудимаго обвиненія и сообразно сему направить дѣло или въ палату или въ судъ“.

Противъ такого изложенія палатою обязанностей прокурорскаго надзора при направленіи имъ дѣлъ, возникшихъ въ порядкѣ частнаго обвиненія, мы не споримъ—они изложены вѣрно, согласно съ законами. Но мы спрашиваемъ, какой же это юридическій вопросъ, въ чемъ же онъ заключается?

Мы полагаемъ, что юридическіе вопросы могутъ возникать только тамъ, гдѣ по неясности самой редакціи закона, или по противорѣчію его съ другими узаконеніями, можетъ быть разное его примѣненіе и различное его толкованіе. Изъ узаконеній же (510 и 511 ст.) объ обязанностяхъ прокурорскаго надзора при направленіи дѣлъ въ порядкѣ, указанномъ 511 ст. уст. угол. судопр., по точности и ясности ихъ изложенія, не можетъ возникнуть никакихъ вопросовъ, никакихъ сомнѣній. Развѣ кто сомнѣвается въ обязанности прокурорскаго надзора прежде направленія дѣла разсмотрѣть его и опредѣлить характеръ упадающаго на подсудимаго обвиненія и развѣ представляется какая-либо возможность направить дѣло въ то или другое судебное установленіе, не опредѣливъ прежде его подсудности. Если же изъ столь ясныхъ и опредѣленныхъ законоположеній создавать особые вопросы и писать по нимъ отдѣльныя, разрѣшающія опредѣленія и потомъ печатать ихъ во всеобщее свѣдѣніе, то отчего же по каждой статьѣ, находящейся въ сводѣ россійскихъ узаконеній, не возбуждать тоже особыхъ вопросовъ.

Находясь въ ожиданіи появленія подобныхъ вопросовъ, мы пока въ свою очередь тоже возбудимъ здѣсь вопросъ. Примѣры вѣдь заразительны!

Вопросъ нашъ состоитъ въ слѣдующемъ: „вправѣ ли палата обсуждать, въ чемъ состоятъ обязанности прокурорскаго надзора при направленіи дѣлъ въ порядкѣ, указанномъ 511 ст. уст. угол. судопр., и излагать затѣмъ такое нравоучительное опредѣленіе?"

Обязанности судебной палаты, какъ обвинительной камеры, какъ извѣстно, состоятъ въ слѣдующемъ: палата, по полученіи предварительнаго слѣдствія, препровожденнаго при предложеніи состоящаго при ней прокурора, разсматриваетъ его по докладу одного изъ членовъ (529 и 530 ст.), который излагаетъ поводъ возникновенія его и всѣ слѣдственныя дѣйствія, обращая вниманіе на соблюденіе установленныхъ формъ и обрядовъ и прочитывая протоколы, имѣющіе существенное значеніе (531). По выслушаніи доклада и заключенія прокурора, даваемаго впрочемъ по дѣламъ, подлежащимъ преслѣдованію его властью, палата приступаетъ къ обсужденію дѣла порядкомъ, установленнымъ для постановленія судебныхъ рѣшеній (532 и 533) и если признаетъ, что слѣдствіе произведено полно и съ соблюденіемъ существенныхъ формъ и обрядовъ, то постановляетъ опредѣленіе или о преданіи суду или о прекращеніи дѣла, въ противномъ же случаѣ обращаетъ его къ дослѣдованію или законному направленію (534). Если же палата при разсмотрѣніи слѣдствія признаетъ, что лицо, навлекающее на себя подозрѣніе, не было привлечено къ дѣлу или что обвиняемый въ одномъ преступленіи навлекаетъ на себя подозрѣніе еще въ другомъ преступленіи, то поступаетъ по правиламъ, изложеннымъ въ статьяхъ 515 и 516 (536). Въ случаѣ измѣненія палатою предложеннаго на ея разсмотрѣніе обвинительнаго акта, опредѣленіе ея должно быть составлено такъ, чтобы оно вполнѣ замѣняло собою этотъ актъ (537). Оно можетъ заключать въ себѣ и указаніе свидѣтелей и свѣдущихъ лицъ, которыя, по ея мнѣнію, должны быть вызваны въ судъ (538).

Вотъ всѣ и обязанности судебной палаты, какъ обвинительной камеры. Къ этимъ обязанностямъ нужно еще прибавить и ту, что въ случаѣ, если палата усмотритъ, что дѣло ей предложенное, по роду преступленія, не должно подлежать суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, она должна возвратить его прокурору, какъ неподлежаще ей препровожденное.

Изъ всѣхъ изложенныхъ законоположеній мы однако не усматриваемъ, чтобы палатѣ дано было право входить въ разсмотрѣніе обязанностей прокурорскаго надзора и снабжать ихъ на этотъ предметъ наставленіями.

Итакъ палата, разрѣшая вопросъ: въ какой степени обязанъ прокурорскій надзоръ разсматривать дѣла, направляемыя въ порядкѣ частнаго обвиненія, вмѣсто того чтобы въ данномъ случаѣ ограничиться

лишь опредѣленіемъ о простомъ возвращеніи дѣла, неправильно къ ней отосланнаго, вышла изъ круга своихъ обязанностей.

Переходимъ теперь къ опредѣленію палаты, помѣщенному въ той же книжкѣ „Юридическаго Вѣстника" подъ № XLVII, которымъ разрѣшено, что орудіе, найденное воромъ на мѣстѣ кражи и употребленное имъ для взлома не можетъ быть отнесено къ орудію, упоминаемому въ 1653 ст. улож. о наказ.

Въ соображеніяхъ своихъ по сему вопросу палата говоритъ: „для понятія вооруженной кражи требуется, чтобы орудіе было принесено воромъ съ собою, а не найдено случайно на мѣстѣ преступленія; одно же изъ главныхъ основаній для увеличенія наказуемости вооруженной кражи заключается въ томъ, что воръ беретъ орудіе въ надеждѣ, что ему можетъ быть и придется употребить его въ дѣйствіе."

Приступая къ разбору такого, по нашему мнѣнію, неправильнаго опредѣленія палаты, мы прежде всего вопервыхъ посмотримъ: дѣйствительно ли для понятія вооруженной кражи требуется, какъ полагаетъ палата, чтобы орудіе было принесено воромъ съ собою, а не найдено случайно на мѣстѣ преступленія, и вовторыхъ дѣйствительно ли одно изъ главныхъ основаній для увеличенія наказанія вооруженной кражи заключается въ томъ, что воръ беретъ орудіе въ надеждѣ употребить его въ дѣйствіе въ случаѣ надобности.

Для разрѣшенія перваго вопроса мы обратимся къ содержанію 1653 ст. улож. о наказ.

1653 ст. говоритъ: „если при кражѣ или покушеніи на оную, виновный имѣлъ при себѣ какое-либо оружіе, или иное орудіе, которымъ онъ могъ нанести смерть или увѣчье, то онъ за сіе приговаривается..."

Изъ содержанія приведенной статьи видно, что примѣненіе ея обусловливается только двумя обстоятельствами, вопервыхъ имѣніемъ наличностію у похитителя оружія или орудія, и вовторыхъ возможностью причиненія такимъ оружіемъ или орудіемъ смерти или увѣчья.

При такихъ только условіяхъ полагаетъ примѣнять ее и кассаціонный департаментъ. Такъ въ одномъ изъ своихъ рѣшеній онъ говоритъ: простая кража обращается въ квалифицированную при наличности такого увеличивающаго вину обстоятельства, которое состоитъ изъ двухъ составныхъ признаковъ—оружія или орудія, и притомъ такого, которымъ могла бы быть нанесена смерть или увѣчье (1869 г. № 567).

Для составленія же понятія о наличности имѣнія орудія или оружія будетъ совершенно безразлично, принесено ли оно воромъ съ собою изъ дома, куплено ли оно на дорогѣ, или наконецъ найдено хотя бы даже на самомъ мѣстѣ совершенія преступленія.

Также и для составленія понятія о возможности нанесенія орудіемъ или оружіемъ смерти или увѣчья будетъ совершенно безразлично, принесено ли оно воромъ изъ дома, или найдено на самомъ мѣстѣ пре-

ступленія, ибо одинаково можно нанести увѣчье и даже смерть какъ орудіемъ принесеннымъ съ собою, такъ и орудіемъ найденнымъ.

Итакъ изъ 1653 ст. нельзя вывести того заключенія, къ которому пришла палата, слѣдовательно разрѣшеніе и этого вопроса палатою мы должны причислить также къ разрѣшеніямъ несогласнымъ съ разумомъ закона.

Въ подтвержденіе своего толкованія о вооруженной кражѣ, мы можемъ еще сослаться на авторитетъ Фейербаха, одного изъ замѣчательнѣйшихъ криминалистовъ. Онъ въ своемъ извѣстномъ „уголовномъ правѣ“ говоритъ, что для понятія о вооруженной кражѣ требуется только, чтобы самое похищеніе учинено было съ оружіемъ, которымъ можно бы было причинить тѣлесное повреждение, а затѣмъ будетъ уже все равно, снабдилъ ли себя воръ оружіемъ прежде, или вооруженіе учинено только на мѣстѣ самаго преступленія.

Для разрѣшенія втораго вопроса мы прежде всего обратимся къ самому источнику нашего уголовнаго кодекса—къ проекту улож. о наказ. уголовн. и исправит. 1845 г.

Въ этомъ проектѣ подъ статьею 2093, которая почти соотвѣтствуетъ нынѣ дѣйствующей 1653 ст. и которою въ первый разъ введено въ наше уголовное законодательство узаконеніе о вооруженной кражѣ, сказано: „мы признали необходимымъ предвидѣть сей случай для того, чтобы воръ иногда въ самой не важной по всѣмъ обстоятельствамъ кражѣ не былъ приговоренъ къ наказанію за грабежъ или даже за разбой, потому единственно, что онъ, безъ всякаго впрочемъ намѣренія, имѣлъ при себѣ ножъ, топоръ или иное оружіе.

Изъ сего объясненія самыми же составителями нашего уголовнаго кодекса ясно видно, что для примѣненія 1653 ст. нужно одно только лишь имѣніе при себѣ орудія или оружія, безъ всякаго намѣренія, слѣдственно безъ надежды его употребленія, о чемъ говоритъ палата въ своемъ опредѣленіи, ибо въ такомъ бы случаѣ взятіе оружія, доказывая болѣе преступное направленіе воли, измѣнило бы и самый видъ преступленія, о чемъ уже неоднократно разъяснялъ кассаціонный департаментъ (сб. рѣш. 1867 г. № 500, 1868 г. № 9 и 493).

Основаніе же для увеличенія наказуемости вооруженной кражи заключается, по нашему мнѣнію, не въ томъ, въ чемъ полагаетъ палата, а въ томъ устрашеніи, какое наводится вооруженнымъ воромъ на лицъ, у которыхъ совершается кража, въ той опасности, которой подвергаются они.

На этомъ основаніи нѣкоторые криминалисты, въ томъ числѣ Фейербахъ, вооруженную кражу, furtum armatum, причисляли къ furtum periculosum, къ опасному воровству.

Что именно эти обстоятельства послужили для нашего законодательства основаніемъ для увеличенія наказуемости вооруженнаго похищенія,

это видно изъ соображенія 1653 ст. улож. о наказ. съ 1654, 1641 и 1643 ст. того же уложенія.

1654 ст. говоритъ: когда кража учинена нѣсколькими сговорившимися на то лицами, хотя и безъ составленія настоящей для того шайки, подобной тѣмъ, о коихъ упоминается въ статьяхъ 924 и 925 сего уложенія, и безъ связей или сношеній съ другимъ преступнымъ обществомъ, если притомъ виновные, или нѣкоторые, или же одинъ изъ нихъ были вооружены, и кража сопровождалась взломомъ, то всѣ приговариваются къ наказанію, выше сего въ статьѣ 1641 опредѣленному.

1641 ст. говоритъ: если учинившій грабежъ былъ вооруженъ, хотя и не употреблялъ сего оружія даже и для угрозъ ограбленному, то дѣяніе его признается однимъ изъ видовъ разбоя, и онъ приговаривается: къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжную работу на заводахъ отъ 4 до 6 лѣтъ.

1643 ст. говоритъ: за грабежъ, учиненный безъ насилія и угрозъ такимъ человѣкомъ, который не имѣлъ при себѣ не только оружія, но и никакого инаго орудія, коимъ онъ могъ бы устрашить подвергшагося нападенію, виновный приговаривается...

Изъ приведенныхъ законоположеній усматривается вопервыхъ и самое основаніе для увеличенія наказуемости вооруженнаго похищенія: законъ прямо здѣсь упоминаетъ объ устрашеніи, какое можетъ быть отъ орудія похитителя, и вовторыхъ и то громадное значеніе, какое придается этому обстоятельству. Такъ простое открытое похищеніе, при наличности у похитителя орудія безъ насилія и даже угрозъ, словомъ, по своимъ признакамъ, соотвѣтствующее грабежу, признается однимъ изъ видовъ разбоя; такъ вооруженная кража со взломомъ, совершенная нѣсколькими сговорившимися лицами, карается какъ разбой каторжной работой.

Надо замѣтить, что въ этомъ отношеніи наше законодательство не представляетъ исключительнаго явленія; наличность орудія у похитителя и въ другихъ законодательствахъ считается однимъ изъ главныхъ основаній для увеличенія наказуемости, такъ напримѣръ по уголовному уложенію сѣверо-германскаго союза виновный за простую кражу приговаривается къ тюремному заключенію, (ст. 242) а за вооруженную—заключенію въ смирительномъ домѣ на время до 10 лѣтъ (5 п. 243 ст.). Разница въ наказаніяхъ громадная, въ особенности если имѣть въ виду, что заключеніе въ смирительномъ домѣ полагается только за тяжкое уголовное преступленіе (Verbrechen).

Такое громадное различіе въ наказаніяхъ будетъ для насъ совершенно понятно, когда въ дѣйствительности мы представимъ себѣ ту разницу, какая существуетъ между простымъ похищеніемъ и похищеніемъ вооруженнымъ.

Для большей осязательности этого различія между тѣмъ и другимъ похищеніемъ мы представимъ себѣ слѣдующій случай. Положимъ на-

примѣръ, что вы, просыпаясь ночью, видите у себя въ комнатахъ вора, въ рукахъ у котораго, напримѣръ, топоръ или револьверъ. Что вы почувствуете отъ появленія такого неожиданнаго гостя и что вы, при всемъ сожалѣніи о вещахъ, которыя онъ похищаетъ, предприимите противъ него? Находясь въ явной опасности, не мудрено, что вы не только не воспрепятствуете ему въ его похищеніи, но даже и сами своими руками, безъ всякаго его требованія, отдадите все, что вы имѣете, только бы лишь такой непріятный гость скорѣе оставилъ васъ въ покоѣ. При этомъ мы опять считаемъ не лишнимъ сказать, что опасность вы будете чувствовать въ одинаковой степени какъ отъ револьвера принесеннаго воромъ, такъ и отъ того, который онъ взялъ бы съ вашего стола. Вотъ почему вооруженную кражу, furtum armatum, причисляютъ къ опаснымъ кражамъ, furtum periculosum. Совершенно другое вы почувствуете отъ появленія въ вашихъ комнатахъ вора невооруженнаго и не думаемъ, чтобы вы что-либо противъ него не предприняли.

При представленіи подобныхъ примѣровъ осязательнѣе выясняется и основаніе для увеличенія наказуемости вооруженной кражи и та цѣль, которую при этомъ имѣлъ законодатель.

Итакъ изъ сказаннаго нами достаточно видно, что основаніе въ увеличеніи наказуемости за вооруженную кражу заключается не въ томъ, въ чемъ полагаетъ палата.

Обращаемся наконецъ къ рѣшенію палаты, которымъ разрѣшенъ слѣдующій вопросъ: „могутъ ли быть принимаемы къ разсмотрѣнію судебной палаты частныя жалобы и протесты по дѣламъ, имѣющимъ предметомъ обвиненіе подсудимаго въ преступленіи, подлежащемъ по роду своему разрѣшенію окружныхъ судовъ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей?“

Этотъ вопросъ палата разрѣшила утвердительно и вопреки смыслу 893 ст. уст. уголов. суд. и многочисленнымъ рѣшеніямъ Кассац. Сената, разъяснившимъ 893 ст., такъ сказать, до совершенной наглядности. *)

Соображенія палаты, на основаніи которыхъ она пришла къ такому разрѣшенію, слѣдующія: а) „что 893 ст. уст. угол. судопр., помѣщенной въ 3 главѣ V раздѣла, предшествуетъ постановленіе цѣлаго ряда правилъ касательно порядка *обжалованія апелляціонныхъ отзывовъ и протестовъ*, приносимыхъ на неокончательные приговоры суда первой степени; а отсюда слѣдуетъ, что въ 893 ст. упоминается объ апелля-

---

*) Достойно замѣчанія, что тотъ же членъ палаты Тихомировъ и въ томъ же Юрид. Вѣстникѣ, въ 5-й кн., помѣщая въ извлеченіи опредѣленія палаты по дѣламъ Зарубина и Лощагиныхъ, говоритъ, что палата по его докладамъ пришла къ тому заключенію, что по закону, 893 ст. уст. уг. суд., частныя жалобы допускаются по тѣмъ дѣламъ, по которымъ дѣйствія суда первой степени могутъ быть обжалованы въ апелляціонномъ порядкѣ. — Итакъ одинъ и тотъ же вопросъ палата разрѣшаетъ различно.

ціонномъ порядкѣ *вслѣдствіе естественнаго теченія мысли,* такъ какъ предварительно говорится объ апелляціонномъ производствѣ и б) что 896 ст. уст. угол. суд., находящаяся въ связи съ 893 ст., допускаетъ частныя жалобы и протесты на неправильное взятіе подсудимыхъ подъ стражу. Если этотъ законъ относился бы только до дѣлъ, разсматриваемыхъ палатою въ апелляціономъ порядкѣ, то примѣненіе 893 ст. было бы къ весьма немногимъ случаямъ, потому что по такимъ дѣламъ по большей части высшею мѣрою обезпеченія противу подсудимыхъ можетъ быть требованіе залога; взятіе же подъ стражу допускается по дѣламъ, по которымъ неокончательные приговоры окружные суды постановлять не уполномочены.

Эти немногіе случаи, когда возможны жалобы на окружный судъ, по поводу взятія подъ стражу, относятся къ дѣламъ о бродягахъ и членовредителяхъ. Для такого же незначительнаго числа дѣлъ не предстояло бы надобности постановлять общаго правила, изображеннаго въ 3 п. 893 ст., если не распространять его вообще на разсмотрѣніе всѣхъ случаевъ подобнаго рода жалобъ независимо отъ того, по какому преступленію онѣ приносятся."

Какъ первое соображеніе палаты, тккъ равно и второе не выдерживаетъ ни малѣйшей критики.

893 статьи уст. уг. судопр., дѣйствительно, предшествуетъ цѣлый рядъ законоположеній касательно порядка обжалованія уголовныхъ приговоровъ, а не апелляціонныхъ отзывовъ и протестовъ, какъ сказано въ опредѣленіи палаты, обжалованіе которыхъ даже немыслимо. Но естественное теченіе мысли законодателя, о которомъ говорится въ опредѣленіи палаты, еще болѣе убѣждаетъ насъ, что 893 ст. только допускаетъ подачу частныхъ жалобъ и протестовъ по дѣламъ апелляціоннымъ.

Въ пятомъ раздѣлѣ уст. угол. суд. подъ названіемъ „о порядкѣ обжалованія рѣшеній общихъ судебныхъ установленій" прежде всего говорится вообще о способахъ обжалованія уголовныхъ приговоровъ (853, 854 и 855 ст.), а потомъ, въ частности, объ отзывахъ и протестахъ на приговоры неокончательные (856—892 ст.), вслѣдъ за симъ, какъ о необходимомъ дополненіи къ дѣламъ, по которымъ постановляются неокончательные приговоры, говорится о частныхъ жалобахъ и протестахъ, приносимыхъ отдѣльно отъ апелляціонныхъ отзывовъ и протестовъ (893—904 ст.) и наконецъ уже о жалобахъ и протестахъ, приносимыхъ на окончательные приговоры (905—915 ст.).

Итакъ изъ этого естественнаго теченія мысли законодателя прямо усматривается, что частныя жалобы и протесты допускаются только по тѣмъ дѣламъ, по которымъ постановляются неокончательные приговоры. Такому выводу соотвѣтствуетъ и самый смыслъ 893 ст. Если бы законодатель хотѣлъ допустить подачу частныхъ жалобъ и проте-

стовъ и по дѣламъ, по которымъ постановляются окончательные приговоры, то по естественному теченію мысли законодателя, постановленія объ этомъ находились бы послѣ законоположеній о жалобахъ и протестахъ на окончательные приговоры и тогда кромѣ того 893 ст. была бы редактируема совершенно иначе. Въ ней въ такомъ случаѣ было бы сказано, что отдѣльно отъ отзывовъ и протестовъ, приносимыхъ въ апелляціонномъ и кассаціонномъ порядкахъ, могутъ быть подаваемы частныя жалобы и протесты.

Еще большею неосновательностью отличается другое соображеніе палаты, во 1-хъ потому, что взятіе подъ стражу по дѣламъ, по которымъ окружными судами постановляются неокончательные приговоры, можетъ быть не по однимъ только обвиненіямъ въ бродяжничествѣ и членовредительствѣ, какъ полагаетъ палата, но и по обвиненіямъ въ другихъ преступленіяхъ.

420 ст. уст. уг. суд. положительно говоритъ, что взятіе подъ стражу обвиняемыхъ допускается и въ преступленіяхъ менѣе важныхъ, то есть кромѣ тѣхъ, которыя подлежатъ разсмотрѣнію суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, когда обвиняемые въ такихъ преступленіяхъ не имѣютъ осѣдлости. Во 2-хъ потому что если даже игнорировать 420 ст. и допускать, что взятіе подъ стражу возможно только по обвиненіямъ въ бродяжничествѣ и членовредительствѣ, то и тогда обвиненія въ упомянутыхъ преступленіяхъ нельзя причислить къ тѣмъ малочисленнымъ случаямъ, по поводу которыхъ не было бы надобности законодателю установлять законоположеніе. Кому неизвѣстно, что во всѣхъ окружныхъ судахъ дѣлъ о бродягахъ бываетъ значительное количество.

Но сдѣлаемъ уступку палатѣ и въ этомъ; допустимъ, что эти дѣла о бродягахъ и членовредителяхъ не многочисленны. Но и тогда, во всякомъ случаѣ, отсюда еще нельзя выводить какого-либо заключенія о томъ, что вообще надобно или что не надобно законодателю узаконять.

Мы думаемъ, извѣстно всѣмъ, а палатѣ, какъ высшему судебному учрежденію, должно быть извѣстно въ особенности, что часто законодательство узаконяетъ постановленія о такихъ случаяхъ, которые въ дѣйствительности совершаются весьма рѣдко и на оборотъ, не предусматриваетъ случаи, совершающіеся часто.

И такъ и это второе соображеніе нельзя назвать состоятельнымъ и основаннымъ на законахъ.

Оканчивая свои возраженія на вышеизложенныя соображенія палаты, мы не можемъ обойти молчаніемъ и слѣдующей неправильности, допущенной въ опредѣленіи. Въ опредѣленіи между прочимъ говорится: „изъ нихъ (895 и 896 ст.) усматривается, что частныя жалобы и протесты въ теченіи всего производства дѣла могутъ быть подаваемы на неправильное взятіе подсудимыхъ подъ стражу.“

По прочтеніи же 895 и 896 ст. оказывается, что это усматривается не изъ нихъ, а изъ одной 896 ст. и при томъ о протестахъ въ этой статьѣ даже и не упоминается, а говорится только о жалобахъ.

По изложеніи своихъ соображеній, палата далѣе въ своемъ опредѣленіи говоритъ: *„такое основанное на соображеніи законовъ заключеніе нисколько не противорѣчитъ и относящимся къ сему дѣлу рѣшеніямъ Сената.“* Въ подкрѣпленіе такого вывода палата, ссылаясь на рѣшенія Сената по дѣламъ Сутулова, Соколова и Звенигородскаго, говоритъ, что изъ нихъ не видно, чтобы вопросъ о порядкѣ разсмотрѣнія жалобъ, приносимыхъ по 893 ст., былъ разрѣшенъ.“

Не касаясь еще рѣшеній Сената, на которыя палата дѣлаетъ ссылки, мы прежде всего считаемъ нужнымъ замѣтить въ 1-хъ, что въ упомянутыхъ рѣшеніяхъ Сената говорится не о порядкѣ разсмотрѣнія частныхъ жалобъ, а о томъ когда допускается ихъ подача. Полагаемъ, что порядокъ подачи частныхъ жалобъ и порядокъ ихъ разсмотрѣнія—не одно и тоже. О первомъ говорится въ 1-мъ отд. 3 глав. V раздѣла уст. уг. суд., а о второмъ въ 2-мъ отд. той же главы и того же раздѣла. Ихъ не смѣшиваетъ законодательство, ихъ поэтому не должны смѣшивать и судебныя мѣста. Во 2-хъ, если палата въ означенныхъ рѣшеніяхъ не усматриваетъ разрѣшенія того вопроса, который она разрѣшаетъ, то засимъ, очевидно, не можетъ быть и никакого противорѣчія между ея опредѣленіемъ и рѣшеніями Сената.

Противорѣчіе, какъ извѣстно, состоитъ только въ томъ, когда объ одной и той же статьѣ бываетъ разное толкованіе. Теперь спрашивается, для чего палата ссылается на такія рѣшенія Сената, которыя, по ея же мнѣнію, не разрѣшали возбуждаемый ею вопросъ. Палатѣ должно быть извѣстно, что ссылка на законы и рѣшенія Сената допускается только въ такихъ случаяхъ, когда они подъ эти случаи подходятъ.

Считая не излишнимъ сдѣлать означенныя замѣчанія, перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію самыхъ рѣшеній Сената, на которыя палатою дѣлается ссылка.

По прочтеніи ихъ оказывается во 1-хъ, что ими, вопреки мнѣнію палаты, положительно и самымъ точнымъ образомъ разрѣшенъ вопросъ о порядкѣ подачи жалобъ по 893 ст., именно тотъ самый, который разрѣшаетъ палата, и во 2-хъ разрѣшенъ этотъ вопросъ совершенно противоположно опредѣленію палаты.

Такъ Сенатъ по дѣлу Соколова (№ 140 1867) говоритъ *„по тѣмъ дѣламъ, по которымъ въ окружныхъ судахъ и судебныхъ палатахъ постановляются окончательные приговоры не только апелляціонныя, но и частныя жалобы и протесты не могутъ имѣть мѣста, такъ какъ по опредѣленію закона, послѣдніе подаются отдѣльно отъ отзывовъ и протестовъ, приносимыхъ въ апелляціонномъ порядкѣ, слѣдовательно допускаются лишь по тѣмъ дѣламъ, по которымъ дѣйствія суда пер-*

вой степени могутъ быть обжалованы какъ въ частномъ, такъ и въ апелляціонномъ порядкѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что по всякому дѣлу частная жалоба на дѣйствія слѣдователя можетъ быть принесена суду, непосредственно завѣдывающему производствомъ предварительнаго слѣдствія. Но понятно, что разрѣшеніе этой жалобы судомъ можетъ быть обжаловано предъ высшимъ въ порядкѣ инстанцій судомъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда эта высшая судебная инстанція существуетъ, то есть когда по роду дѣла оно можетъ подлежать разсмотрѣнію въ двухъ степеняхъ суда.“

Такъ далѣе Сенатъ по дѣлу Звенигородскаго (№ 404 1867 г.) говоритъ, „что по точному разуму 893 ст. уст. уг. суд. частныя жалобы отдѣльно отъ отзывовъ допускаются лишь по тѣмъ дѣламъ, по которымъ дѣйствія суда первой степени могутъ быть обжалованы какъ въ частномъ, такъ и въ апелляціонномъ порядкѣ. При такомъ порядкѣ принесенія частныхъ жалобъ, какъ объяснено рѣшеніями кассаціоннаго департамента правит. сената по дѣламъ Соколова и Пшеницына жалобы въ указанныхъ 893 ст. случаяхъ, въ томъ числѣ и на неправильное опредѣленіе подсудности или по принятію мѣръ для воспрепятствованія подсудимому уклоняться отъ слѣдствія и суда, могутъ подлежать разсмотрѣнію только высшей въ аппеляціонномъ порядкѣ судебной инстанціи.“

Такъ еще далѣе Сенатъ говоритъ по дѣлу Сутулова (№ 850 1869 г.) „По важности выведеннаго противъ подсудимыхъ обвиненія, подлежавшаго разсмотрѣнію суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, приговоръ суда не могъ подлежать апелляціи, а такъ какъ вообще только по дѣламъ, для которыхъ существуетъ апелляція, дозволяется приносить отдѣльно отъ апелляціонныхъ и частные протесты или жалобы въ порядкѣ установленныхъ инстанцій, то затѣмъ судебная палата могла по этому дѣлу принять протестъ прокурорскаго надзора лишь въ качествѣ пререканія о подсудности, предусмотрѣннаго 234 ст. уст. уг. суд. подобныя же пререканія разрѣшаются не уголовнымъ департаментомъ, а общимъ собраніемъ судебной палаты.“

Такъ наконецъ Сенатъ по дѣлу Лихина, на которое палата также ссылается, говоритъ: „по точному разуму 893 ст. уст. уг. суд. частныя жалобы, отдѣльно отъ отзывовъ, допускаются лишь по тѣмъ дѣламъ, по которымъ дѣйстія суда первой степени могутъ быть обжалованы какъ въ частномъ, такъ и въ аппеляціонномъ порядкѣ“,

Что можетъ быть яснѣе приведенныхъ нами рѣшеній Сената. Замѣтимъ при этомъ, что рѣшеніе Сената по дѣлу Сутулова относилось прямо и непосредственно къ московской судебной палатѣ, разсматривавшей дѣло о немъ по вопросу о подсудности, вслѣдствіе протеста прокурорскаго надзора, поданннаго на опредѣленіе московскаго окружнаго суда.

Что же все это значитъ? спросите вы, благосклонный читатель.

Такой вопросъ со стороны читающей публики хотя и очень естественный, но мы не беремся на него отвѣчать, потому что отвѣтъ на него по той цѣли, которую мы имѣемъ, не можетъ быть предметомъ нашей статьи. Мы имѣемъ только одну цѣль—показать неправильность опредѣленій палаты по изложеннымъ нами вопросамъ.

Членъ Юридическаго Общества.

НОВЫЯ ПРАВИЛА

о

СУДЕБНОЙ ОТЧЕТНОСТИ.

Въ № 101 „Собранія узаконеній и распоряженій правительства" за 1871 годъ обнародовано слѣдующее постановленіе, отъ 27 ноября, о преобразованіи судебной отчетности по уголовнымъ дѣламъ:

„1) По каждому, возникшему съ 1-го января 1872 года въ общихъ судебныхъ установленіяхъ, дѣйствующихъ на основаніи уставовъ 20-го ноября 1864 года, дѣлу, въ статистическое отдѣленіе департамента министерства юстиціи доставляются, согласно прилагаемымъ при семъ формамъ: а) увѣдомленіе о возникновеніи дѣла; б) вѣдомость о производствѣ дѣла, и в) особые о каждомъ подсудимомъ статистическіе листки. 2) Посылаемыя судебными слѣдователями увѣдомленія о возникающихъ у нихъ дѣлахъ отправляются ими въ департаментъ министерства юстиціи одновременно съ начатіемъ производства слѣдствія и, во всякомъ случаѣ, не позже трехъ дней по составленіи слѣдователемъ постановленія о принятіи имъ къ своему производству дѣла или о приступѣ къ слѣдственнымъ дѣйствіямъ, какъ это установлено п. 2-мъ Высочайше утвержденныхъ 13-го мая 1871 года правилъ. 3) Отправляя увѣдомленіе о возникшемъ слѣдствіи, судебный слѣдователь, независимо отъ сего, обязанъ тогда же подшить къ дѣлу, въ началѣ I-го тома слѣдственнаго производства, особый бланкъ вѣдомости о производствѣ дѣла (лит. Б), который долженъ оставаться при дѣлѣ во все время производства онаго и переходить вмѣстѣ съ дѣломъ отъ одного лица и мѣста къ другому. Въ вѣдомость эту (подъ лит. Б) въ послѣдствіи, при каждомъ переходѣ дѣла, отмѣчаются всѣ требуемыя оною свѣдѣнія, каковыя отмѣтки должны дѣлаться своевременно тѣмъ судебнымъ мѣстомъ и лицомъ, въ производствѣ котораго находится дѣло, а именно: судебными слѣдователями, лицами прокурорскаго надзора, обвинительною камерой, окружными

судами, судебною палатой и кассаціоннымъ департаментомъ правительствующаго сената. (*Примѣчаніе.* Отмѣтки эти дѣлаются въ формѣ простыхъ отвѣтовъ на предложенные вопросы, которые уже напечатаны въ вѣдомости, и должны быть, по возможности, весьма кратки, хотя, конечно, вполнѣ ясны и точны.) 4) По окончаніи судебнымъ слѣдователемъ предварительнаго слѣдствія, или вообще по составленіи имъ постановленія о дальнѣйшемъ направленіи дѣла, о передачѣ его лицу прокурорскаго надзора, или согласно 1,179-й ст. уст. уг. суд., въ казенное управленіе или же съ испрошеніемъ разрѣшенія суда на прекращеніе дѣла, по 277-й ст. уст. угол. суд., судебный слѣдователь препровождаетъ, затѣмъ, дѣло, вмѣстѣ съ вѣдомостью о производствѣ онаго, по принадлежности, и засимъ вѣдомость эта вышивается изъ дѣла и препровождается въ министерство юстиціи не прежде, какъ по совершенномъ окончаніи дѣла производствомъ въ общихъ судебныхъ установленіяхъ, какъ объ этомъ постановлено ниже. 5) Въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло, по постановленію слѣдователя, подлежитъ передачѣ въ мировыя учрежденія или же къ военному, или духовному суду и когда дѣло, такимъ образомъ, выходитъ уже изъ вѣдѣнія общихъ судебныхъ учрежденій, тогда судебный слѣдователь, вписавши въ вѣдомости о производствѣ дѣла требуемыя отъ него свѣдѣнія, согласно § 3-му настоящихъ правилъ, предварительно передачи дѣла, согласно своему постановленію, обязанъ вышить изъ дѣла вѣдомость о производствѣ дѣла и препроводить таковую въ департаментъ министерства юстиціи одновременно съ отсылкой отъ себя дѣла. (*Примѣчаніе.* Если то мѣсто или лицо, куда слѣдователь, согласно сему пункту, передастъ дѣло, возбудитъ пререканіе и дѣло вновь поступитъ къ судебному слѣдователю для производства слѣдствія, то таковое дѣло должно почитаться у судебнаго слѣдователя новымъ дѣломъ и слѣдователь обязанъ вновь послать по сему дѣлу въ министерство юстиціи первоначальное увѣдомленіе о начатіи слѣдствія, сдѣлавъ лишь въ примѣчаніи отмѣтку о томъ, что по дѣлу этому уже были посланы свѣдѣнія.) 6) По дѣламъ о преступленіяхъ должности, прокуроръ, передавая начальству обвиняемаго, согласно 1.091-й ст. уст. угол. суд., предварительное слѣдствіе вмѣстѣ съ своимъ заключеніемъ и находящеюся въономъ вѣдомостью о производствѣ дѣла, обязанъ тогда же препроводить въ департаментъ министерства юстиціи точную копію съ сей вѣдомости и засимъ, по полученіи имъ отъ начальства обвиняемаго обратно дѣла сего, поступаетъ въ отношеніи онаго по общимъ правиламъ, для всѣхъ дѣлъ установленнымъ. 7) По тѣмъ дѣламъ, кои по постановленію окружнаго суда или палаты, подлежатъ прекращенію, или по коимъ должна быть измѣнена подсудность передачей дѣлъ на разсмотрѣніе мировыхъ учрежденій, прокуроръ окружнаго суда, одновременно съ исполненіемъ постановленія палаты или суда, обязанъ вышить изъ дѣла находящуюся въономъ вѣдомость и, отмѣтивъ, отсылаетъ затѣмъ таковую въ статистическое отдѣленіе департамента министер-

ства юстиціи. 8) Если по одному и тому же дѣлу состоитъ нѣсколько обвиняемыхъ, изъ коихъ нѣкоторые, по постановленію палаты, должны подлежать сужденію окружнаго суда, о другихъ же дѣло должно быть прекращено, то прокуроръ, получивъ изъ палаты дѣло, предлагаетъ его установленнымъ порядкомъ окружному суду и засимъ вѣдомость о производствѣ сего дѣла должна быть представлена въ министерство юстиціи по окончаніи производства сего дѣла вмѣстѣ съ обращеніемъ къ исполненію приговора окружнаго суда. 9) По разсмотрѣніи окружнымъ судомъ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, какого-либо дѣла, членъ окружнаго суда, на коего возложено изложеніе въ письменной формѣ приговора суда, отмѣтивъ въ находящейся при дѣлѣ вѣдомости о производствѣ дѣла надлежащія свѣдѣнія, независимо отъ сего долженъ обозначить на особыхъ печатныхъ бланкахъ статистическаго листка о личности обвиняемаго (лит. В) всѣ необходимыя о каждомъ обвиняемомъ свѣдѣнія. 10) Статистическіе листки о личности подсудимаго пишутся особо, на отдѣльномъ для каждаго подсудимаго бланкѣ, и число таковыхъ бланковъ по каждому дѣлу должно равняться числу подсудимыхъ по тому же дѣлу. 11) Статистическіе листки о личности подсудимаго посылаются въ министерство юстиціи о каждомъ подсудимомъ, дѣло о которомъ разрѣшено въ судебномъ засѣданіи, независимо отъ того, обвиненъ ли или оправданъ подсудимый, но лишь съ тою разницей, что по дѣламъ о лицахъ, присужденныхъ къ наказанію, вѣдомость о производствѣ дѣла и свѣдѣнія о личности обвиняемаго сообщаются судами прокурору вмѣстѣ съ препровожденіемъ къ нему копіи съ приговора для приведенія онаго въ исполненіе и уже затѣмъ прокуроръ препровождаетъ свѣдѣнія эти въ министерство юстиціи; по дѣламъ же о лицахъ, исполненіе приговоровъ о которыхъ, согласно 947-й ст., относится къ обязанности судовъ, вѣдомость о производствѣ дѣла и свѣдѣнія о личности (лит. Б и В) препровождается въ министерство юстиціи самими судами по вступленіи приговора въ законную силу. 12) Когда по дѣлу было нѣсколько подсудимыхъ и приговоры о каждомъ изъ нихъ приводятся въ исполненіе не одновременно, то и статистическіе листки о сихъ подсудимыхъ сообщаются судомъ прокурору не одновременно, а по мѣрѣ обращенія приговоровъ къ исполненію, съ отмѣткой лишь на таковомъ листкѣ что дѣло продолжается; затѣмъ вѣдомость о производствѣ по сему дѣлѣ (лит. Б) препровождается въ министерство юстиціи не прежде, какъ при обращеніи къ исполненію приговора о послѣднемъ изъ подсудимыхъ по дѣлу, когда вмѣстѣ съ вѣдомостью о производствѣ дѣла (лит. Б) посылается также и бланкъ (лит. В) объ этомъ подсудимомъ. 13) Въ тѣхъ случаяхъ, когда, по опредѣленіямъ кассаціоннаго департамента правительствующаго сената, приговоръ окружнаго суда или палаты будетъ отмѣненъ и дѣло для постановленія новаго по оному приговора или же для передачи его на новое разсмотрѣніе присяжныхъ засѣдателей будетъ передано въ другой судъ или отдѣленіе суда—окружный судъ, по-

лучившій дѣло для новаго производства, обязанъ тогда же вышить изъ дѣла находящуюся въ немъ вѣдомость о производствѣ дѣла и препроводить таковую въ министерство юстиціи съ обозначеніемъ лишь въ концѣ оной, что дѣло находится въ производствѣ сего суда; затѣмъ, вмѣсто сей вѣдомости, подшить къ I-му тому слѣдственнаго производства другой экземпляръ таковой вѣдомости, въ которомъ и должны быть показаны всѣ тѣ дѣйствія, которыя были предприняты судомъ съ момента поступленія дѣла на новое разсмотрѣніе въ судъ до времени окончательнаго постановленія приговора по дѣлу. 14) Чтобъ доставить статистическому отдѣленію министерства юстиціи возможность имѣть точныя и несомнѣнныя свѣдѣнія о томъ положеніи, въ какомъ находится дѣлопроизводство въ судебныхъ мѣстахъ Имперіи, всѣ судебныя мѣста и лица, равно и кассаціонный департаментъ правительствующаго сената, въ разсмотрѣніи которыхъ къ 31-му декабря отчетнаго года останутся неоконченныя дѣла, обязаны, не позже 1-го февраля слѣдующаго года, представить въ департаментъ министерства юстиціи по всѣмъ дѣламъ, неоконченнымъ у нихъ производствомъ, копіи съ находящихся въ дѣлахъ вѣдомостей о производствѣ дѣла (лит. Б). 15) Копіи эти пишутся на такихъ же точно бланкахъ, какъ и самыя вѣдомости о производствѣ дѣла и должны быть вполнѣ точны съ вѣдомостями, безъ малѣйшихъ пропусковъ и измѣненій, съ обозначеніемъ лишь въ самомъ началѣ бланка: „копія вѣдомости о производствѣ дѣла“. Копіи эти подписываются судебными слѣдователями, лицами прокурорскаго надзора, или членами судебныхъ мѣстъ, смотря потому, откуда посылается таковая вѣдомость. 16) За неправильное обозначеніе требуемыхъ сими правилами свѣдѣній и несвоевременное представленіе въ министерство юстиціи увѣдомленія о началѣ слѣдствія, статистическихъ листковъ и вѣдомости о производствѣ дѣла, а равно за всякое отступленіе отъ настоящихъ правилъ, виновные отвѣтствуютъ на точномъ основаніи ст. 417-й улож. о наказ“.

Постановленіемъ этимъ радикально преобразуется судебная отчетность по новымъ судебнымъ учрежденіямъ, предусмотрѣнная въ 174—183 ст. учр. суд. уст. Статьи эти, очерчивая въ общихъ формахъ порядокъ отчетности судебныхъ мѣстъ и лицъ, предоставляютъ подробности его усмотрѣнію министра юстиціи, поручая ему самому озаботиться о формѣ отчетовъ и срокахъ представленія ихъ.

На практикѣ, согласно съ общимъ духомъ закона объ отчетахъ, принята была система, такъ сказать, *одновременнаго* слiянія мелкихъ отчетовъ въ одинъ общій годовой. Такъ напримѣръ, въ окружныхъ судахъ они составлялись до сихъ поръ сперва по столамъ, доставленныя которыми свѣдѣнія соединялись по отдѣленіямъ, сливаясь затѣмъ въ отчетъ суда, который въ свою очередь вступалъ въ видѣ составной части въ общій отчетъ палаты. Всѣ работы по этому предмету происходили въ началѣ года и, конечно, разборъ данныхъ, накопившихся въ теченіи

цѣлаго года, не обходился безъ усиленнаго поспѣшнаго труда, отзывавшагося невыгодно какъ на текущихъ занятіяхъ, такъ и на вѣрности самыхъ отчетовъ.

Здѣсь мы не можемъ не вспомнить, что состоя въ 1868 еще году на службѣ въ московскомъ окружномъ судѣ секретаремъ, мы, составивъ, по обязанности своей, годовой отчетъ по 3 уголовному отдѣленію окружнаго суда, входили уже тогда съ представленіемъ къ г. предсѣдателю суда Е. Е. Люминарскому, испрашивая у его превосходительства примѣненія нѣкоторыхъ мѣръ по московскому окружному суду къ болѣе успѣшному и правильному составленію годовой отчетности, вся важность которыхъ сознана наконецъ самимъ министерствомъ по прошествіи 4 лѣтъ.

Мы помнимъ, г. предсѣдатель суда отнесся не безъ вниманія къ нашему проекту, осуществленія котораго однако намъ не суждено было видѣть тогда. Вотъ что писали мы въ то время г. предсѣдателю:

„Передавъ г. секретарю 1-го отдѣленія отчетъ о движеніи уголовныхъ дѣлъ по 3-му отдѣленію Московскаго окружнаго суда за истекшій годъ, осмѣливаюсь представить на благоусмотрѣніе вашего превосходительства слѣдующія мои соображенія:

Двухлѣтній опытъ составленія означенныхъ отчетовъ весьма наглядно указалъ на нѣкоторыя трудности, встрѣчаемыя при составленіи отчетныхъ вѣдомостей. При заведенномъ въ судѣ порядкѣ сдачи рѣшенныхъ дѣлъ въ архивъ, по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ со времени вступленія приговоровъ въ окончательную законную силу, однимъ изъ главныхъ затрудненій, при составленіи годовой отчетности, служитъ неимѣніе подъ рукою требуемыхъ производствъ. Безъ всякаго сомнѣнія подобное неудобство безъ особеннаго труда могло бы быть устранено вытребованіемъ дѣлъ изъ канцеляріи архива. Но опытъ настоящаго года показалъ, что кажущаяся легкость обратнаго полученія сданныхъ въ архивъ производствъ, обставлена въ свою очередь нѣкоторыми затрудненіями. Трудъ составленія отчетовъ осложняется въ значительной мѣрѣ для канцеляріи предварительнымъ приведеніемъ въ извѣстность, какія именно дѣла сданы ею въ архивъ въ теченіи истекшаго года. Если къ этому принять въ соображеніе, что канцелярія архива руководствуется своимъ порядкомъ распредѣленія поступившихъ къ ней дѣлъ, то отсюда представится весьма наглядное понятіе о размѣрѣ, въ совокупности, времени, необходимо потребнаго только для приступа къ самому составленію отчетовъ. Эта продолжительность, непосредственно замедляя изготовленіе вѣдомостей къ извѣстному сроку, въ тоже самое время невыгодно отзывается на общемъ движеніи дѣлъ, производящихся въ судѣ, отвлекая трудъ канцеляріи отъ текущихъ занятій. Кромѣ того неимѣніе подъ рукою требуемыхъ производствъ поставляетъ канцелярію въ нѣкоторый соблазнъ обойтись безъ дѣлъ, руководясь иными матеріалами, которые, до нѣкоторой степени, всегда можно

имѣть въ рукахъ дѣлопроизводителей. Въ виду особенной сложности рубрикъ годовыхъ отчетовъ, при самомъ внимательномъ составленіи послѣднихъ, трудно уберечься, *приводя въ извѣстность разъ только въ годъ всю дѣятельность суда*, чтобы не вкралась та или другая ошибка, въ ту или другую графу вѣдомости. Вашему превосходительству не безъизвѣстно, что смѣю сказать при всемъ вниманіи моемъ къ вѣрному составленію отчета въ прошедшемъ году, судебная палата усмотрѣла всетаки нѣкоторую неточность итоговъ, заставившую ее возвратить обратно отчетъ для необходимаго исправленія. Я осмѣливаюсь думать, что замѣченная ошибка обусловливается не столько невнимательностью составителя, сколько самимъ свойствомъ подобной работы, а главное условіями, въ какія поставлена она. Доказательствомъ тому служитъ, что самъ окружный судъ, просматривая въ общемъ собраніи отчетъ, не замѣтилъ обнаружившейся впослѣдствіи ошибки въ немъ. Признавая вполнѣ добросовѣстный трудъ составленія отчетовъ, нельзя однако не допустить предположенія, что можетъ быть составленъ тотъ или другой отчетъ совершенно правильно, но въ то же время несогласно съ самою дѣйствительностью. Конечно, во власти вашего превосходительства всегда принять мѣры для приведенія въ несомнѣнную извѣстность—насколько отчетъ удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ достовѣрности. Но подобная мѣра, я полагаю, можетъ быть принята не иначе какъ въ формѣ своего рода коммиссіи, которая, обнаруживая ошибки, трудно предположить чтобы не увлеклась преслѣдованіемъ замѣченныхъ ею неточностей, упуская изъ виду главную цѣль—извлеченіе непогрѣшимыхъ статистическихъ данныхъ. Наконецъ, при образованіи всякій разъ, въ той или другой формѣ, подобной коммиссіи,—что едва ли практически осуществимо, — гдѣ ручательство, что сама она, исправивъ одну ошибку, не впадетъ затѣмъ невольно въ другую быть можетъ грубѣйшую?

Безъ всякаго сомнѣнія усердіе чиновника къ службѣ можетъ заставить его завести для себя вѣдомость, по содержанію своему сходную съ графами годовой отчетности, *въ которую онъ станетъ заносить своевременно всѣ нужныя для него свѣдѣнія*. Но, вопервыхъ, подобнаго усердія нельзя требовать отъ каждаго чиновника. Становясь дѣломъ личнаго, такъ сказать, долга, подобное усердіе, какъ оно ни желательно само по себѣ, не имѣетъ обязательнаго для него характера. Вовторыхъ, представляется нѣкоторая опасность, что и самый усердный чиновникъ, видя въ этомъ не болѣе какъ свое собственное желаніе, не всегда съ одинаковымъ можетъ относиться вниманіемъ къ задуманному имъ дѣлу. Наконецъ возможно и то предположеніе, что вѣдомости могутъ составляться имъ во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненно, но при перемѣнѣ имъ, напримѣръ, службы,—что случается теперь такъ часто чуть не съ каждымъ,—онѣ легко могутъ не попасть, и это весьма вѣроятно, въ руки преемника его.

На сколько позволительно мнѣ имѣть свое мнѣніе по предметамъ, прямо вытекающимъ изъ моихъ обязанностей, я честь имѣю почтительнѣйше просить ваше превосходительство не соблаговолите ли въ виду, съ одной стороны несомнѣннаго облегченія труда канцеляріи, на будущее время, при составленіи отчетовъ; съ другой, *въ интересѣ полученія совершенно вѣрныхъ статистическихъ данныхъ*,—признать не безполезнымъ принять въ видѣ опыта слѣдующія мѣры:

1. Отпечатавъ потребное число экземпляровъ вѣдомостей, примѣрно 120 на цѣлый годъ, по содержанію своему совершенно сходныхъ съ годовыми вѣдомостями, составленными министерствомъ, *обязать секретарей составлять ежемѣсячно, со всею тщательностью, означенныя вѣдомости по мѣрѣ положенія всѣхъ производящихся въ отдѣленіи дѣлъ.*

2. Составленныя такимъ образомъ вѣдомости вносить на разсмотрѣніе, примѣрно къ 5-му числу каждаго мѣсяца, кому признаете полезнымъ ваше превосходительство.

3. *Изъ* образующихся такимъ образомъ *вѣдомостей составлять, по мѣрѣ полученія ихъ, особыя производства, какъ матеріалъ для годоваго отчета.* (Первую вѣдомость за истекшіе два мѣсяца текущаго года можно было бы составить къ 15 марта).

Осуществленіе подобной мѣры, не будучи сопряжено ни съ какими неудобствами праткическими, имѣетъ за себя всѣ выгоды не только практической, но и теоретической пользы. Во 1-хъ, канцелярія, разъ сдавъ дѣла, въ свое время, въ архивъ, не будетъ прибѣгать къ новому вытребованію ихъ изъ архива. Опытъ настоящаго года показалъ, какъ я имѣлъ честь сказать выше, что необходимость эта, принимая во вниманіе всю массу накопившихся за годъ дѣлъ, сопряжена съ весьма немаловажными затрудненіями. Во 2-хъ, въ теченіи прошедшаго года напримѣръ, канцелярія прокурора суда и даже палаты, весьма нерѣдко требовала отъ насъ также отчетовъ мѣсяца за два - за три, составленныхъ по той или другой программѣ, всячески понуждая канцелярію суда къ скорѣйшему исполненію требованій ихъ. Какъ повидимому ни маловажны подобныя затребованія, но при частомъ возобновленіи ихъ и отсутствіи въ большей части случаевъ данныхъ для исполненія требованій того или другаго мѣста, приходилось канцеляріи дѣлать почти тоже самое, что повторяется въ настоящую минуту только въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Вообще же говоря, *примѣненіе мѣръ, дающихъ полную возможность оріентироваться въ каждую минуту по каждому вопросу до извѣстной степени можетъ ручаться за благопріятнѣйшее положеніе производящихся въ судѣ дѣлъ.*

Уголовная статистика долгое время оставаясь одною формальностью при старомъ порядкѣ судопроизводства, съ каждымъ годомъ пріобрѣтаетъ теперь все большее и большее значеніе въ глазахъ правитель-

ства. Годовой отчетъ дѣятельности судебнаго учрежденія, весьма понятно, имѣетъ значеніе не для одного только года и мѣста, но въ совокупности съ другими, подобными ему, проливаетъ весьма яркій свѣтъ на состояніе одной изъ важнѣйшихъ отраслей государственнаго управленія. Сосредоточеніе въ высшихъ сферахъ правительства несомнѣнно вѣрныхъ статистическихъ данныхъ, по всѣмъ отраслямъ послѣдняго, служитъ въ свою очередь матеріаломъ высокой важности для разработки государственной науки."

Такъ писали мы, говоримъ, въ 1868 году.

Предоставляя любителямъ доискиваться въ нашей совѣсти мотивовъ, заставившихъ насъ вспомнить о приведенномъ фактѣ изъ нашей службы, мы не можемъ особенно не сочувствовать мѣрѣ, высказанной нами 4 года тому назадъ, разработанной теперь министерствомъ до мельчайшихъ ея подробностей. Къ сожалѣнію мы не имѣемъ подъ руками подлинныхъ бланокъ „вѣдомости о производствѣ дѣла" и „статистическаго о каждомъ подсудимомъ листка," чтобы судить насколько содержаніе рубрикъ того и другаго отвѣчаетъ существеннымъ требованіямъ просвѣщенной администраціи и въ тоже время можетъ дать полезный матеріалъ для выводовъ нравственно-соціальной статистики въ странѣ. Но уже изъ самого текста постановленія о преобразованіи судебной отчетности можно видѣть, насколько такое распоряженіе можетъ благотворно отозваться въ недалекомъ будущемъ на ускореніи производства слѣдствій надъ подсудимыми, содержащимися въ тюрьмахъ. Продолжительность тюремнаго заключенія такъ называемыхъ подслѣдственныхъ арестантовъ составляетъ до послѣдняго времени одну изъ крупныхъ аномалій нашей уголовной юстиціи. Случаи, гдѣ обвиняемый въ незначительной напр. кражѣ со взломомъ, просиживалъ два-три года въ тюрьмѣ, въ ожиданіи надъ собою суда, слишкомъ общеизвѣстны, чтобы распространяться о нихъ здѣсь съ особенною подробностью. Отсутствіе правильной системы контроля надъ исполненіемъ своихъ обязанностей судебными слѣдователями служило однимъ изъ главныхъ условій продолжительности заключенія подсудимыхъ. Чрезмѣрное вслѣдствіе того накопленіе послѣднихъ въ тюрьмѣ въ свою очередь было однимъ изъ средствъ, поддерживающихъ деморализацію тюремной атмосферы. Высочайшее повелѣніе 27 ноября сразу устраняетъ одну изъ главныхъ причинъ медленности производства уголовныхъ дѣлъ, ставя судебныхъ слѣдователей, а наряду съ ними и всю іерархію чиновъ судебнаго вѣдомства подъ постоянный, бдительный контроль статистическаго отдѣленія департамента министерства юстиціи. Такимъ образомъ одна изъ главныхъ цѣлей всякаго контроля—своевременное окончаніе дѣла, составляющаго предметъ постояннаго надзора со стороны высшаго лица или мѣста, означеннымъ постановленіемъ, безспорно, можетъ быть достигнута вполнѣ. Но будетъ-ли вмѣстѣ съ тѣмъ достигнута другая не менѣе важная задача судебнаго слѣдствія—возможно полное раскрытіе слѣдовъ преступленія, это — представляется пока менѣе вѣроятнымъ. Не

представляетъ-ли напротивъ это обиліе отчетности опасеній, что вся дѣятельность слѣдователя исчерпается, въ ущербъ сущности дѣла, въ однихъ голыхъ отмѣткахъ исполненныхъ имъ, ради одной формальности, дѣйствій? Избѣгнуть этой крайности можно только подъ единственнымъ условіемъ составленія такихъ рубрикъ и вопросовъ, которые самимъ содержаніемъ своимъ въ тоже время побуждали-бы слѣдователя къ существенному расслѣдованію каждаго даннаго преступленія. Вотъ почему, не имѣя подъ руками, какъ мы выше сказали, подлинныхъ бланокъ вѣдомостей и статистическихъ листковъ, мы не беремся сказать въ настоящую минуту нашего рѣшительнаго мнѣнія по этому послѣднему вопросу.

В. И. Кохновъ.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.

Московскій окружный судъ.

Духовное завѣщаніе лица, лишившаго себя жизни въ болѣзненномъ припадкѣ ипохондріи, не можетъ считаться ничтожнымъ по 2 п. 1017 ст. т. X ч. I.

1871 года ноября 18 дня, по указу Его Императорскаго Величества, московскій окружный судъ, по V отдѣленію, въ публичномъ засѣданіи, открытомъ подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя В. Н. Лаврова, въ составѣ членовъ: И. Н. Голикова и П. А. Дружинина, слушалъ дѣло объ утвержденіи духовнаго завѣщанія подполковника Федора Ивановича Геркенъ. Обстоятельства дѣла: 1868 года 5 февраля подполковникъ Федоръ Ивановичъ Геркенъ написалъ собственноручно духовное завѣщаніе слѣдующаго содержанія: „Во имя отца и сына и святаго духа аминь. Я нижеподписавшійся подполковникъ Федоръ Ивановичъ Геркенъ, желая заблаговременно распорядиться благопріобрѣтеннымъ моимъ имѣніемъ на случай моей смерти и находясь въ здравомъ умѣ и твердой памяти, дѣлаю это духовное завѣщаніе, какъ выраженіе послѣдней моей воли, которая и заключается въ нижеслѣдующемъ: 1) недвижимое мое имѣніе, а именно: домъ, состоящій въ Москвѣ, Яузской части, 2-го квартала, подъ № 277, доставшійся мнѣ по купчей крѣпости, совершенной во 2-мъ департаментѣ московской гражданской палаты 10 іюня 1848 года, отъ лекаря Александра Ивановича Клементовскаго; землю Тульской губерніи, Каширскаго уѣзда, доставшуюся мнѣ по купчей крѣпости, совершенной въ каширскомъ уѣздномъ судѣ 26 іюня 1853 года, отъ С.-Петербургскаго мѣщанина Фрола Тихонова; населенное имѣніе того же уѣзда въ селѣ Нефедьевѣ, доставшееся мнѣ по купчей же крѣпости, совершенной во 2-мъ департаментѣ московской гражданской палаты 16 января 1850 года, отъ губернскаго секретаря Петра Максимова Навроцкаго; населенное имѣніе Орловской губерніи, Кроменскаго уѣзда въ селѣ Гернѣ, доставшееся мнѣ по купчей

крѣпости, совершенной во 2-мъ департаментѣ московской гражданской палаты 17 марта 1842 года, отъ коллежскаго секретаря князя Николая Николаевича Трубецкаго,—словомъ все мое недвижимое имѣніе, какъ нынѣ мнѣ принадлежащее, такъ и то, которое могу вновь пріобрѣсти, завѣщеваю супругѣ моей Надеждѣ Карловнѣ Геркенъ, рожденной Зедергольмъ, въ пожизненное ея владѣніе и пользованіе. 2) Все же мое движимое имѣніе, гдѣ бы оно ни находилось и въ чемъ ни заключалось, также и капиталъ, какъ наличный, такъ и въ долгахъ находящійся, въ томъ числѣ двѣ акціи первоначальнаго страховаго общества, завѣщаю ей-же, супругѣ моей Надеждѣ Карловнѣ въ полную собственность. 3) Послѣ смерти супруги моей завѣщаю въ полную собственность: а) вышеозначенное населенное имѣніе мое въ селѣ Гернѣ двоюродному брату моему, лекарю Ивану Николаевичу Герольду; б) домъ мой въ Москвѣ бывшей воспитанницѣ моей Аннѣ Керль, нынѣ въ замужствѣ за помѣщикомъ Каширскаго уѣзда, губернскимъ секретаремъ Николаемъ Александровичемъ Барановскимъ, а въ случаѣ ея смерти дѣтямъ ея; в) населенное же имѣніе мое въ селѣ Нефедьевѣ, равно какъ и означенную выше землю, купленную у мѣщанина Тихонова, завѣщаю въ полную собственность племянницѣ супруги моей, женѣ коллежскаго ассессора Маріи Карловнѣ Духовницкой, а въ случаѣ ея смерти дѣтямъ ея, съ обязательствомъ, по полученіи ею, или дѣтьми ея, наслѣдства, уплатить родному брату ея, поручику Карлу Карловичу Ватсонъ семь тысячъ руб. сер., родной сестрѣ ея, вдовѣ Эммѣ Карловнѣ Кургенъ тысячу пятьсотъ руб. сер. и родной сестрѣ ея Елизаветѣ Карловнѣ Канненбергъ двѣ тысячи рублей сер.; г) буде же я переживу супругу мою Надежду Карловну, то сіе духовное завѣщаніе мое относительно двоюроднаго брата моего Ивана Николаевича Герольда, Анны Барановской, Елизаветы Канненбергъ, Эммы Кургенъ, Маріи Духовницкой и Карла Ватсонъ остается въ полной силѣ по послѣдующей моей смерти, съ тѣмъ что все движимое имущество мое, находящееся въ то время въ моемъ домѣ въ Москвѣ вышеупомянутомъ, я оставляю вмѣстѣ съ домомъ Аннѣ Барановской, а все движимое имущество мое, находящееся въ имѣніи моемъ Нефедьевѣ и денежномъ капиталѣ, какой по сметри моей останется въ наличности и въ долгахъ, я оставляю коллежской ассессоршѣ Маріи Духовницкой. 5. Во всѣ эти распоряженія мои никто вмѣшиваться не долженъ, такъ что всякая просьба, поданная отъ кого-либо съ цѣлію нарушить это мое завѣщаніе должна считаться передъ правительствомъ ничтожною; впрочемъ я предоставляю себѣ право при жизни, смотря по обстоятельствамъ, это завѣщаніе измѣнить, или вовсе уничтожить. 1868 года февраля 5 дня. Къ сему моему духовному завѣщанію, мною самимъ сочиненнному и набѣло переписанному, подполковникъ и кавалеръ Федоръ Ивановъ сынъ Геркенъ руку приложилъ. Въ томъ, что завѣщаніе собственноручно писано и подписано подполковникомъ Фе-

доромъ Ивановичемъ Геркенъ, который при предъявленіи мнѣ онаго былъ въ здравомъ умѣ и твердой памяти, сенаторъ тайный совѣтникъ Петръ Ивановъ Саламонъ свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. Въ томъ же свидѣтельствую и подписуюсь надворный совѣтникъ Алексѣй Дмитріевъ Плечко. Въ томъ свидѣтельствую и подписуюсь полковникъ Адольфъ Дитмаръ. Въ томъ же свидѣтельствую и подписуюсь Коллежскій регистраторъ Петръ Захаровъ Муромцевъ. 28-го сентября того же года подполковникъ Геркенъ лишилъ себя жизни, о чемъ было произведено изслѣдованіе. На слѣдствіи жена покойнаго Надежда Карловна, родственница его Екатерина Павловна Статковская и Эмилія Карловна Ватсонъ, а также дворовая женщина Анна Курбатова показали, что Геркенъ былъ одержимъ припадками меланхоліи, жаловался на тоску, избѣгалъ общества и любилъ проводить время въ уединеніи. Эти болѣзненные припадки сдѣлались болѣе рѣзкими въ 1868 году вначалѣ мая, вслѣдствіе сильныхъ душевныхъ потрясеній, по случаю смерти близкихъ родныхъ. Тоска усилилась до того, что самая жизнь сдѣлалась ему тягостною. Находя, что Геркенъ лишилъ себя жизни вслѣдствіе болѣзненныхъ припадковъ меланхоліи, товарищъ прокурора полагалъ прекратить это дѣло. Это заключеніе г. товарища прокурора 4-го декабря 1868 года утверждено Московскою судебною палатою. Затѣмъ 29-го января 1870 года военно-медицинскій ученый комитетъ призналъ, что Геркенъ лишилъ себя жизни въ припадкѣ меланхоліи, а потому вдова его имѣетъ право на пенсію (по ст. 1025 т. VI св. воен. пост.). 8-го октября 1868 года судебный приставъ завѣщаніе Геркена отъ 5 февраля 1868 года представилъ для утвержденія въ Тульскую палату уголовнаго и гражданскаго суда. Палата, руководствуясь 1017 ст. 1 ч. X т. признала это завѣщаніе ничтожнымъ. На это опредѣленіе палаты вдова Геркенъ 20 февраля 1869 года подала частную жалобу въ правительствующій сенатъ. Въ этой жалобѣ вдова Геркенъ находитъ опредѣленіе палаты неправильнымъ на томъ основаніи, что оно несогласно съ 1472 ст. улож. изд. 1866 года, которая признаетъ не имѣющимъ права дѣлать посмертныя распоряженія того, кто лишилъ себя жизни съ намѣреніемъ, а не въ безуміи, или болѣзненномъ припадкѣ; мужъ же ея лишилъ себя жизни въ сумасшествіи, доказательствомъ чему служитъ актъ осмотра, представленный въ палату. Правительствующій сенатъ, выслушавъ это дѣло 17 ноября 1869 года, опредѣлилъ: оставить безъ уваженія жалобу вдовы Геркенъ на Тульскую палату уголовнаго и гражданскаго суда, но предоставить ей право доказывать дѣйствительность духовнаго завѣщанія ея мужа, подполковника Федора Геркенъ въ установленномъ порядкѣ суда. Вслѣдствіе сего 18 іюня 1870 года, присяжный повѣренный Степура-Сердюковъ, по довѣренности наслѣдниковъ по духовному завѣщанію подполковника Федора Ивановича Геркенъ, жены губернскаго секретаря Анны Адамовны Барановской, вдовы подполковника Надежды Карловны Геркенъ, вдовы коллежскаго

ассессора Маріи Карловны Духовницкой, жены провизора Елисаветы Карловны Канненбергъ и отставнаго инженеръ-поручика Карла Карловича Ватсонъ, подалъ исковое прошеніе въ Московскій окружный судъ, въ которомъ онъ объясняетъ: 1) что на основаніи 1017 ст. 1 ч. X т., духовныя завѣщанія самоубійцъ считаются ничтожными, но эта статья не можетъ быть примѣнена къ Геркену, который лишилъ себя жизни въ болѣзненномъ припадкѣ и по силѣ 1472 ст. улож. о наказ. онъ не потерялъ права дѣлать предсмертныя распоряженія. Самоубійство можетъ быть вмѣнено только тому, кто лишилъ себя жизни съ преступнымъ намѣреніемъ, самоубійство же, совершенное въ безпамятствѣ, не есть преступленіе и 1017 ст. къ такимъ самоубійцамъ не относится и ихъ духовныя завѣщанія сохраняютъ силу, если только онѣ составлены не во время умопомѣшательства; 2) что духовное завѣщаніе Геркена составлено имъ въ здравомъ умѣ и твердой памяти, доказываетъ точный и опредѣленный смыслъ этого завѣщанія, составленнаго самимъ Геркеномъ и могутъ удостовѣрить свидѣтели, подписавшіе его. Доказательствомъ того, что Геркенъ лишилъ себя жизни въ разстройствѣ умственныхъ способностей, служитъ: 1) судебно-медицинскій осмотръ трупа Геркена, обнаружившій болѣзненное размягченіе мозга, 2) распоряженіе судебнаго слѣдователя о преданіи тѣла Геркена христіанскому погребенію, какъ лишившаго себя жизни въ болѣзненномъ состояніи, 3) заключеніе товарища прокурора Дьячкова, что Геркенъ лишилъ себя жизни въ болѣзненномъ припадкѣ меланхоліи, 4) опредѣленіе Московской судебной палаты, по уголовному департаменту, 4 декабря 1868 года, утвердившее заключеніе товарища прокурора, 5) опредѣленіе военно-медицинскаго ученаго комитета отъ 29 марта 1869 года, который нашелъ Геркена лишившимъ себя жизни въ припадкѣ меланхоліи и призналъ за вдовою Геркена право на полученіе пенсіи (по 1025 ст. т. 6, свода воен. пост.). На основаніи вышеизложеннаго, Степура-Сердюковъ просилъ Московскій окружный судъ подполковника Өедора Ивановича Геркенъ признать имѣвшимъ право дѣлать предсмертныя распоряженія, по точному смыслу 1472 ст. улож. о наказ., и въ подтвержденіе дѣйствительности духовнаго завѣщанія, составленнаго имъ 5 февраля 1868 года, допросить свидѣтелей подписавшихъ это завѣщаніе. Опекунъ надъ имѣніемъ подполковника Геркенъ, Діонисій Свадковскій въ объясненіи своемъ окружному суду, отъ 15 февраля 1871 года, на предъявленный г. Степурою-Сердюковымъ искъ возражаетъ, что повѣренный истцевъ не представляетъ никакихъ доказательствъ на то, что подполковникъ Геркенъ былъ, при составленіи завѣщанія, въ здравомъ умѣ и твердой памяти. Спросъ свидѣтелей, подписавшихъ духовное завѣщаніе за семь мѣсяцевъ передъ смертью Геркена, не можетъ служить поводомъ къ признанію Геркена правоспособнымъ, такъ какъ подпись ихъ уничтожается показаніемъ родственниковъ Геркена, что онъ былъ одержимъ припадками мрачной меланхоліи и что эти припадки усилились въ 1868

году. Эти показанія подтверждаютъ, что и до 1868 года Геркенъ подверженъ былъ этимъ припадкамъ, а въ 1868 году они только усилились. Кромѣ того духовное завѣщаніе Геркена и по силѣ 1017 ст. 1 ч. X т. 1 и 2 п. утверждено быть не можетъ. 1472 ст. улож. о наказ. разсматриваетъ самоубійство, какъ преступленіе и наказываетъ его лишь тогда, когда оно умышленно; законы же гражданскіе (ст. 1017 т. X ч. I), на основаніи которыхъ должно быть разрѣшено настоящее дѣло, смотрятъ на самоубійство, какъ на фактъ и опредѣляютъ, что завѣщанія самоубійцъ безусловно не дѣйствительны, все равно—будетъ ли самоубійство совершено умышленно или неумышленно, сознательно или безсознательно. Одно установленіе 1472 ст. улож. за умышленное самоубійство наказанія, въ формѣ лишенія христіанскаго погребенія и лишенія дѣйствительности завѣщательныхъ распоряженій, не даетъ еще права заключать, что духовныя завѣщанія сумасшедшихъ самоубійцъ признаются дѣйствительными. Въ дополненіе къ исковому прошенію г. Степура - Сердюковъ, на засѣданіи суда, объяснилъ, что самоубійство по улож. о наказ. есть видъ преступленія противъ жизни частныхъ лицъ (разд. X гл. 2 ст. 1472). Въ числѣ причинъ невмѣняемости дѣянія по 92 ст. улож. значится безуміе, сумасшествіе и болѣзненные припадки, а поэтому и лишившіе себя жизни въ болѣзненныхъ припадкахъ не самоубійцы, а сумасшедшіе и безумные и къ нимъ, а слѣдовательно и къ данному случаю, долженъ быть примѣненъ не 2-й а 1-й пунктъ 1017 ст. 2 гл. X т. Ссылка подъ статьею 1017 1 гл. X т. на 1945 ст. улож. (1472 ст. изд. 1866 года) положительно подтверждаетъ, что 2 п. 1017 ст. 1 гл. X т. относится до самоубійцъ преступниковъ, лишившіе же себя жизни въ безуміи, или въ болѣзненномъ припадкѣ тоже сумасшедшіе и къ нимъ долженъ быть примѣненъ 1 п. 1017 ст. 1 гл. X т. Этотъ взглядъ виденъ и въ рѣшеніи правительствующаго сената 1771 года по дѣлу князей Шаховскихъ, напечатанномъ въ полномъ собраніи законовъ. По показанію родныхъ Геркена, на которое ссылается отвѣтчикъ, Геркенъ до мая мѣсяца жаловался на тоску и избѣгалъ общества, но никто не показывалъ, чтобы онъ въ то время былъ не въ здравомъ умѣ. Въ доказательство же того, что Геркенъ до начала мая находился въ полномъ обладаніи умственныхъ способностей, Степура-Сердюковъ представилъ арендный договоръ, заключенный Геркеномъ съ 28 крестьянами 25 апрѣля 1868 года, удостовѣренный двумя свидѣтелями: Муромцевымъ и Сумароковымъ. Кромѣ того Степура-Сердюковъ просилъ допросить 4-хъ свидѣтелей, подписавшихъ духовное завѣщаніе, лицъ вполнѣ достовѣрныхъ и хорошо знавшихъ и часто видѣвшихъ покойнаго Геркена. Если же показаній этихъ 4-хъ свидѣтелей будетъ не достаточно для суда, то допросить докторовъ Притца и Гизелера. Свидѣтели, подписавшіе духовное завѣщаніе, статскій совѣтникъ Адольфъ Андреевичъ Дитмаръ и надворный совѣтникъ Алексѣй Дмитріевичъ Плечко, при допросѣ въ московскомъ окружномъ судѣ, по-

казали, что духовное завѣщаніе подполковника Геркена дѣйствительно подписано ими, по личной о томъ просьбѣ завѣщателя, что завѣщателя они лично видѣли и нашли его въ здравомъ умѣ и твердой памяти и гипохондрическіе припадки сдѣлались гораздо послѣ составленія и подписи завѣщанія Геркена, къ этому г. Плечко добавилъ, что о припадкахъ Геркена ему ничего неизвѣстно, вѣроятно они случились послѣ его отъѣзда. Свидѣтели: сенаторъ Саламонъ, допрошенный въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ, и коллежскій секретарь Петръ Захаровичъ Муромцевъ—мировымъ судьею,—показали, что они дѣйствительно подписались свидѣтелями на завѣщаніи Геркена, которое было предъявлено имъ самимъ завѣщателемъ, котораго они въ то время лично видѣли и нашли въ здравомъ умѣ и твердой памяти. Доктора: Притцъ и Гизелеръ на допросѣ показали: Притцъ,—что Федора Ивановича Геркена онъ видѣлъ къ веснѣ 1868 года и что тогда онъ ему говорилъ, что составилъ духовное завѣщаніе, въ то время Геркенъ былъ въ здравомъ умѣ и твердой памяти; Гизелеръ,—что видѣлъ Геркена въ февралѣ мѣсяцѣ 1868 года въ здравомъ умѣ и твердой памяти, о чемъ онъ заключаетъ, какъ врачъ, пользовавшій его. Вслѣдствіе предоставленія судомъ г. Степура-Сердюкову указать цѣну завѣщанному Геркеномъ имѣнія и имуществу, г. Степура-Сердюковъ объяснилъ, что Тульское имѣніе стоитъ 28100 р., Орловское—2040 руб., домъ въ Москвѣ—5265 руб. 72 коп., движимости осталось на 344 руб., всего на 38769 руб. 72 коп., долгу по залогу въ Сохранной казнѣ Тульскаго имѣнія 3874 руб. 77 коп., слѣдовательно всего имѣнія и имущества на 31894 руб. 95 коп., въ доказательство чего представилъ документы. Разсмотрѣвъ обстоятельства сего дѣла, окружный судъ находитъ, что возраженіе противъ дѣйствительности и законности духовнаго завѣщанія Геркена основано на двухъ доводахъ: 1) что духовное завѣщаніе Геркена, какъ самоубійцы, не дѣйствительно по 1017 ст. I ч. X т. зак. гр. и 2) что во всякомъ случаѣ оно составлено въ то время, когда Геркенъ былъ не въ здравомъ умѣ, что обнаружено при слѣдствіи о самоубійствѣ Геркена, и видно изъ показаній жены его и близкихъ родныхъ его. По 1017 ст. т. X т. 1 зак. граж. недѣйствительны завѣщанія самоубійцъ. Если взять эту статью отдѣльно, то повидимому можно вывести то заключеніе, что законъ не даетъ силы завѣщанію всякаго самоубійцы, но смыслъ этой статьи долженъ быть разъясненъ 1472 ст. улож. о нак. Это слѣдуетъ изъ того, что подъ 1017 ст. указана цитата: 1845 г. авг. 15 (19283) ст. 1943 есть ст. 1943 улож. о наказ. которая въ изданіи 1857 года означена 2021 ст., а въ изданіи 1866 года 1472. Подъ этой статьею сдѣлана ссылка на 1017 ст. X т. ч. 1 зак. гр., изъ чего ясно, что законодатель желалъ, чтобы одна статья дополняла и разъясняла другую. По приведенной 1472 ст. улож. о нак. признается неимѣвшимъ права дѣлать предсмертныя распоряженія лицо лишившее себя жизни съ намѣреніемъ, но не въ безуміи, сумасшедствіи, или вре-

менномъ безпамятствѣ, происшедшемъ отъ какихъ-либо болѣзненныхъ припадковъ и духовное завѣщаніе таковаго лица почитается ничтожнымъ. По сему духовное завѣщаніе Геркена, какъ лишившаго себя жизни въ болѣзненномъ припадкѣ ипохондріи, не можетъ считаться ничтожнымъ по 2 п. 1017 ст. X т. ч I. зак. гр.—Разсматривая 2-е основаніе возраженія, основанное на 1 п. 1017 ст. т. X, заключающееся въ томъ, что Геркенъ при составленіи завѣщанія не былъ въ здравомъ умѣ, но страдалъ ипохондріею, окружный судъ находитъ, что изъ произведеннаго о самоубійствѣ слѣдствія, на которое ссылаются обѣ стороны, видно, что Геркенъ умеръ 28 сентября 1868 года и что, по показанію жены и родныхъ покойнаго Геркена, онъ былъ одержимъ припадками меланхоліи, избѣгалъ общества и любилъ уединеніе, что эти припадки сдѣлались болѣе рѣзкими въ началѣ мая 1868 года и произошли отъ сильныхъ душевныхъ потрясеній,—изъ этихъ показаній никакъ нельзя вывести того заключенія, чтобы Геркенъ въ февралѣ 1868 года, когда онъ написалъ духовное завѣщаніе, былъ не въ здравомъ умѣ—меланхоликъ не значитъ помѣшанный, онъ можетъ быть ближе другаго къ умопомѣшательству, которое разовьется при благопріятныхъ для этой болѣзни обстоятельствахъ, но можетъ и не быть. У Геркена меланхолія перешла въ болѣзнь ипохондрію, въ маѣ мѣсяцѣ 1868 года, вслѣдствіе сильныхъ, душевныхъ потрясеній, вызванныхъ смертію близкихъ ему лицъ, причина сумасшествія ясна и настолько сильна, что могла вызвать сумасшествіе и не у меланхолика. По этому и въ виду показаній свидѣтелей, подписавшихся подъ духовнымъ завѣщаніемъ г. Геркена, что они лично видѣли завѣщателя и нашли его въ здравомъ умѣ и твердой памяти и показанія двухъ врачей гг. Притца и Гизелера, пользовавшаго его въ то время, которые удостовѣрили, что онъ въ февралѣ 1868 года былъ въ здравомъ умѣ, окружный судъ не можетъ считать, чтобы Геркенъ былъ умопомѣшанъ въ мартѣ 1868 года и потому полагаетъ признать духовное завѣщаніе Геркена подлежащимъ утвержденію; на сихъ основаніяхъ и руководствуясь т. X ч. I зак. гр. 1014, 1046, 1048, 1060 и 1063 ст. т. V уст. о пошл.—134, 142, 178, 369, 375, 395, 396, 397 и 442 ст. и Высочайше утвержденнымъ 5 апрѣля 1869 года мнѣніемъ государственнаго совѣта, окружный судъ опредѣлилъ: духовное завѣщаніе Федора Геркена утвердить къ исполненію и выдать просителямъ по уплатѣ ими гербовыхъ пошлинъ 100 руб. сер., со вдовы завѣщателя крѣпостныхъ 10 руб. 72 коп., а съ г. Герольда, Анны Кернъ, нынѣ Барановской, Марьи Духовницкой, Ватсонъ, при вводѣ ихъ во владѣніе завѣщаннымъ имѣніемъ, актовыхъ 3 руб. и на публикацію 1 р. 52 коп.—Взысканіе судебныхъ издержекъ обратить на имущество умершаго Геркена. Рѣшеніе это не подлежитъ предварительному исполненію.

Московской Судебной Палаты.

I.

Опредѣленіе въ долговомъ обязательствѣ срока ожидаемымъ событіемъ напр. смертью должника не уничтожаетъ силы обязательства и не можетъ быть относимо къ завѣщательнымъ распоряженіямъ.

1871 года, апрѣля 26 дня, по указу Его Императорскаго Величества, Московская судебная палата, по 1-му гражданскому департаменту, въ публичномъ судебномъ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ старшаго изъ членовъ Н. А. Слѣпцова, въ составѣ членовъ: С. Н. Раевскаго и М. П. Березникова, разсматривала дѣло по аппелляціонной жалобѣ повѣреннаго вдовы губернскаго секретаря Элеоноры Антоновой Толмачевой, коллежскаго ассессора Давыдова, на рѣшеніе Владимірскаго окружнаго суда, о взысканіи его довѣрительницею съ имѣнія умершаго коллежскаго ассессора Михаила Степанова Лопатина 1000 рублей по роспискѣ.

Обстоятельства дѣла: Вдова губернскаго секретаря Элеонора Толмачева предъявила 23 сентября 1869 года во Владимірскомъ окружномъ судѣ искъ къ вдовѣ коллежскаго ассессора Надеждѣ Лопатиной по роспискѣ умершаго ея мужа Михаила Лопатина, слѣдующаго содержанія: „1867 года, января 1 дня, я нижеподписавшійся предоставляю право взыскивать съ оставшагося послѣ смерти моей имѣнія, Элеонорѣ Антоновнѣ г-жѣ Толмачевой тысячу рублей серебромъ, занятыя мною у нея, въ чемъ удостовѣряю своимъ подписомъ: коллежскій ассессоръ Михаилъ Степановъ сынъ Лопатинъ.“ Отвѣтчица Лопатина, не возражая по существу этого иска, заявила отводъ, что она отвѣтчицею въ настоящемъ дѣлѣ быть не можетъ, такъ какъ она въ наслѣдственныя права послѣ мужа не вступала. Окружный судъ, признавъ этотъ отводъ уважительнымъ, предоставилъ Толмачевой ходатайствовать о назначеніи къ имѣнію умершаго Михаила Лопатина опекуна. Затѣмъ явившійся въ судебное засѣданіе окружнаго суда по сему дѣлу 5 марта 1870 г. повѣренный опекуна надъ имѣніемъ Лопатина, надворнаго совѣтника Гаврилова, бывшій учитель Динабургскаго училища Вознесенскій, противъ иска Толмачевой возразилъ, что представленная ею росписка Лопатина *не имѣетъ характера долговаго обязательства, такъ какъ она содержитъ въ себѣ распоряженіе объ имуществѣ на случай смерти, которое могло бы имѣть мѣсто лишь въ духовномъ завѣщаніи, а не въ роспискѣ;* почему, считая означенную росписку недѣйствительною, просилъ въ искѣ Толмачевой отказать, возложивъ на нее судебныя издержки и за веденіе дѣла. По выслушаніи сего дѣла, Владимірскій окружный судъ нашелъ, что предъявленная Толмачевою ко взысканію росписка умершаго Лопатина удостовѣряетъ, что Лопатинъ заключилъ съ Толмачевою до-

говоръ займа на сумму 1000 руб. сер., договоръ, вѣроятно, словесный, потому что письменнаго заемнаго обязательства Толмачева не представила; росписка Лопатина, буквальный смыслъ которой совершенно ясенъ, не есть заемное обязательство, а лишь только документъ, въ которомъ должникъ указываетъ заимодавицѣ на способъ удовлетворенія по займу послѣ его смерти, предоставляя ей право получить изъ оставшагося послѣ его смерти имѣнія указанную сумму. Таковое предоставленіе есть ни что иное, какъ распоряженіе собственника его имуществомъ на случай смерти, которое, по разуму 1010 ст. X т. I ч. зак. гр. не иначе можетъ быть выражено, какъ въ формѣ духовнаго завѣщанія. Кромѣ того Лопатинъ, предоставляя Толмачевой взыскать съ оставшагося послѣ смерти его имущества занятые имъ у нея 1000 руб., тѣмъ самымъ возложилъ на своихъ наслѣдниковъ обязанность уплатить ей эту сумму; распоряженіе такого рода также могло бы быть признано законнымъ и дѣйствительнымъ, еслибы оно представлялось въ формѣ духовнаго завѣщанія, но оно выражено въ формѣ домашней росписки и потому незаконно, недѣйствительно, и самая росписка, на основаніи 991, 1010 и 1086 ст. X т. I ч. зак. гр. не можетъ быть признана въ настоящемъ дѣлѣ въ силѣ судебнаго доказательства. По симъ соображеніямъ Владимірскій окружный судъ опредѣлилъ: въ искѣ вдовы губернскаго секретаря Элеоноры Толмачевой отказать, возложивъ на нее судебныя по сему дѣлу издержки. Въ апелляціонной жалобѣ на это рѣшеніе повѣренный Толмачевой, коллежскій ассессоръ Давыдовъ, объясняетъ, что окружный судъ, постановляя означенное рѣшеніе, приводитъ соображенія частью противорѣчащія одно другому, а частью непримѣнимыя къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла. Въ роспискѣ, писанной Лопатинымъ собственноручно, буквально сказано, *что онъ занялъ у Толмачевой 1000 р. с.* Эта росписка есть актъ домашній,—заемное обязательство,— для котораго по закону не требуется никакого посторонняго участія. Всякая заемная росписка есть послѣдствіе договора, съ одной стороны выдать капиталъ на опредѣленный срокъ, а съ другой—возвратить долгъ въ назначенное время; посему росписка, выданная Лопатинымъ, есть договоръ, дающій Толмачевой право требовать возврата данныхъ въ займы денегъ. По силѣ 1530 ст. X т. I ч. зак. гр. договаривающимся сторонамъ предоставляется на ихъ волю включать въ договоръ, по обоюдному согласію, всякія условія, непротивныя законамъ; въ данномъ случаѣ Лопатинъ занялъ у Толмачевой 1000 р. съ условіемъ, получить таковые съ его имѣнія послѣ его смерти, опредѣливъ такимъ образомъ, что срокъ уплаты занятыхъ денегъ долженъ наступить вмѣстѣ со смертью должника. Согласиться на такое условіе была добрая воля заимодавицы, не подлежащая контролю; слѣдовательно текстъ росписки Лопатина нисколько не составляетъ завѣщательныхъ его на случай смерти распоряженій. Означеніе въ договорѣ, что срокъ платежа занятой суммы долженъ наступить лишь со смертью должника, не можетъ служить осно-

ваніемъ для уничтоженія договора (рѣш. гражд. кассац. департ. прав. сената 1868 г. № 429). Всѣ вышеизложенные доводы удостовѣряютъ, что выданная Толмачевой умершимъ Лопатинымъ росписка, при сознаніи противною стороною ея подлинности, подлежитъ удовлетворенію. Въ заключеніе аппелляторъ проситъ обжалованное рѣшеніе Владимірскаго окружнаго суда отмѣнить со всѣми послѣдствіями, присудить взыскать съ имѣнія умершаго Лопатина 1000 р., занятые имъ у Толмачевой, съ процентами со дня предъявленія иска по день платежа, а также судебныя издержки и за веденіе дѣла, согласно таксѣ. Изъ вышеизложенныхъ обстоятельствъ судебная палата усматриваетъ, что вдова губернскаго секретаря Толмачева основываетъ предъявляемое ею къ имѣнію умершаго коллежскаго ассессора Михаила Лопатина требованіе на домашней роспискѣ послѣдняго, отъ 1 января 1867 г., писанной на полулистѣ простой бумаги отъ начала до конца рукою самаго Лопатина и имъ подписанной. По буквальному содержанію этой росписки, Лопатинъ удостовѣряетъ, что *имъ занято у Толмачевой 1000 р. с.*, которые онъ и предоставляетъ ей взыскивать съ имѣющаго остаться послѣ его смерти имѣнія. Въ такомъ предоставленіи Толмачевой права взысканія должныхъ ей Лопатинымъ денегъ съ оставшагося послѣ него имущества окружный судъ усмотрѣлъ со стороны Лопатина распоряженіе принадлежащимъ ему имуществомъ, на случай смерти, и имѣя въ виду, что подобное распоряженіе можетъ быть выражено по закону лишь въ формѣ духовнаго завѣщанія, призналъ росписку Лопатина 1 января 1867 г. недѣйствительною и въ предъявленномъ Толмачевою къ имуществу Лопатина искѣ отказалъ. Подобнаго опредѣленія смысла и значенія представляемой Толмачевою росписки судебная палата не можетъ признать правильнымъ. По силѣ 1536 и 1538 ст. X т. I ч. зак. гражд. всякаго рода акты должны быть изъясняемы по словесному ихъ смыслу и по точному оныхъ разуму. Въ роспискѣ 1 января 1867 г. Лопатинъ не дѣлаетъ никакого распоряженія объ имѣющемъ остаться послѣ него имуществѣ. По точному смыслу этой росписки *Лопатинъ сознаетъ себя должнымъ Толмачевой 1000 р. с., опредѣляя для послѣдней срокъ, когда она можетъ требовать себѣ удовлетворенія по этому долгу, событіемъ своей смерти;* при чемъ указываетъ и способъ этого удовлетворенія— изъ имѣющаго остаться послѣ него имущества; такимъ образомъ росписка эта выражаетъ собою договоръ займа, по которому срокъ уплаты занятой суммы опредѣляется неизвѣстнымъ числомъ и мѣсяцемъ и не прошествіемъ условленнаго времени, а извѣстнымъ событіемъ, наступленіе котораго даетъ Толмачевой право требовать уплаты сознаннаго Лопатинымъ долга. На основаніи 1530 ст. договаривающимся сторонамъ предоставляется на ихъ волю при заключеніи договора включать въ оный всякаго рода условія, законамъ непротивныя (ст. 1529), въ томъ числѣ опредѣлять время и способъ платежа слѣдующихъ по договору денегъ или вообще исполненія договора; слѣдовательно опредѣленіе

времени удовлетворенія признаннаго Лопатинымъ долга Толмачевой событіемъ смерти должника, какъ не заключающее въ себѣ ничего противнаго законамъ, не можетъ уничтожать доказательной силы росписки 1 января 1867 г. въ дѣйствительномъ существованіи долга Лопатина; а такъ какъ опредѣленное въ этой роспискѣ событіе, обусловливающее право Толмачевой на полученіе по оной удовлетворенія, наступило и со стороны опекуна надъ имѣніемъ Лопатина спора противъ подлинности оной не заявлено, то, за силою 569 и 570 ст. X т. I ч. зак. гр. и 458 ст. уст. гр. суд. не представляется законнаго основанія къ отказу Толмачевой въ предъявленномъ ею нынѣ требованіи. По симъ соображеніямъ судебная палата опредѣляетъ: обжалованное рѣшеніе Владимірскаго окружнаго суда отмѣнить, взыскать съ имѣнія умершаго коллежскаго ассессора Михаила Лопатина въ пользу истицы Толмачевой по предъявленной роспискѣ 1000 р. с. съ процентами со дня предъявленія иска, подвергнувъ Толмачеву, на основаніи 462 ст. уст. гр. суд. взысканію тройной гербовой пошлины по цѣнѣ бумаги, на которой означенная росписка по суммѣ долга должна была быть написана, именно 10 р. 50 к. с., о взысканіи коихъ предписать Владимірскому окружному суду. Отвѣтственность въ судебныхъ по сему дѣлу издержкахъ, на основ. 868 ст. уст. гр. суд., возложить на имѣніе Лопатина.

II,

Крѣпостныя пошлины взыскиваются только съ наличныхъ денежныхъ капиталовъ, переходящимъ по завѣщаніямъ къ постороннимъ лицамъ. Цѣна имѣнія, переходящаго по духовному завѣщанію объявляется по совѣсти или завѣщателемъ, или наслѣдникомъ или душеприкащикомъ (4 ст. о пошл. ст. 396 и 397).

1871 года мая 18-го дня, по указу его Императорскаго Величества, Московская судебная палата, по 2-му гражданскому департаменту, въ публичномъ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ старшаго изъ присутствующихъ членовъ Б. А. Миллера, въ составѣ членовъ: А. М. Вейденгаммера, Ф. В. Вешнякова и Н. Н. Павлова, разсматривала дѣло по частной жалобѣ повѣреннаго душеприкащиковъ умершей мѣщанки Жозефины Кольсонъ, Лютера, на опредѣленіе Московскаго окружнаго суда о неутвержденіи дополнительнаго духовнаго завѣщанія Кольсонъ. Судебная палата, усматривая, что дополнительное, второе, завѣщаніе Кольсонъ писано ею собственноручно на томъ листѣ, на которомъ писано начало перваго завѣщанія, что въ подписи Аббата Безо подробно означено званіе ея, равно и то, что она находилась въ здравомъ умѣ и твердой памяти, что подтвердилъ при допросѣ и другой свидѣтель Тонаръ; что за тѣмъ въ подлинности этого завѣщанія не встрѣчается сомнѣнія,— находитъ, что дополненіе это, по силѣ 1031, 1035, 1046, 1047 и 1050 ст. т. X ч. I и 24 ст. правилъ о духовныхъ

завѣщаніяхъ, подлежитъ утвержденію. Обращаясь за тѣмъ къ количеству пошлинъ, подлежащихъ ко взысканію при утвержденіи сего завѣщанія, судебная палата, имѣя въ виду изъ описей, составленныхъ имуществу, оставшемуся послѣ умершей Кольсонъ, что денежныхъ капиталовъ у нея не осталось, а остались лишь вещи, векселя, росписки, счетъ и т. п., усматриваетъ: 1) что крѣпостныя пошлины взыскиваются вообще только съ имущества, переходящаго отъ одного лица къ другому въ собственность (ст. 363 т. V), а потому не могли быть взыскиваемы съ той суммы, которая назначена на расходы по погребенію Кольсонъ; 2) что, по силѣ 372 ст., не должны быть взимаемы пошлины съ капитала, завѣщаннаго Кольсонъ ея родной сестрѣ, а также и суммъ, завѣщанныхъ въ пользу благотворительнаго заведенія и на бѣдныхъ; 3) что, по точному смыслу 397 ст. т. V, крѣпостныя пошлины взыскиваются только *съ денежныхъ капиталовъ*, переходящихъ по завѣщаніямъ къ постороннимъ; 4) *что документы и письма, оставшіеся послѣ Кольсонъ, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ наприм., письмо Солингеръ о находящихся у него акціяхъ, не суть даже долговыя обязательства, а потому опредѣленной цѣнности непредставляютъ* и 5) что, на основаніи 396 ст. т. V, цѣна имѣнія, переходящаго по духовному завѣщанію объявляется по совѣсти или завѣщателемъ или наслѣдникомъ его, *какого права не можетъ быть лишенъ и душеприкащикъ, которому, по 1084 ст. т. X ч. I, предоставлено наравнѣ съ наслѣдниками право исполненія духовныхъ завѣщаній*, особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, какъ въ настоящемъ дѣлѣ, на душеприкащиковъ возлагается обязанность реализировать завѣщанное въ деньги и произвесть указанныя въ завѣщаніи выдачи мѣстамъ и лицамъ наличными деньгами, и слѣдовательно прямыхъ наслѣдниковъ къ оставшемуся собственно имуществу неуказано. По сему палата, признавая жалобу повѣреннаго душеприкащиковъ правильною, постановила: духовное завѣщаніе Жозефины Кольсонъ утвердить къ исполненію въ полномъ его составѣ, включая и сдѣланное завѣщательницею, 6 сентября 1867 года,дополненіе, *и признать излишне взысканные девять сотъ сорокъ четыре рубля восемьдесять пять копѣекъ пошлинъ подлежащими возвращенію*, а постановленіе московскаго окружнаго суда, въ чемъ оно съ симъ не согласно, отмѣнить. Копію съ сего опредѣленія, вмѣстѣ съ подлиннымъ дѣломъ, препроводить въ московскій окружный судъ при указѣ.

Уголовный Кассаціонный Департаментъ.

Всякій прогрессъ въ наукѣ уголовнаго права есть благодѣяніе для человѣчества, и чрезъ то, что онъ избавляется отъ остраданій, и въ особенности чрезъ то, что онъ помогаетъ нравственному развитію человѣка.

(Росси основ. нач. угол. права).

Дѣло о купцахъ Кудриныхъ и другихъ лицахъ, обвиняемыхъ въ скопческой ереси, думаемъ, еще не совсѣмъ забыто. Заключительныя слова краснорѣчиваго обвинителя: *„Гг. присяжные засѣдатели, я твердо вѣрю, что вы, вмѣстѣ съ указомъ Императора Александра I, признаете скопцевъ врагами человѣчества, развратителями нравственности нарушителями законовъ божіихъ и человѣческихъ“* и отвѣтъ на нихъ, одного изъ достойнѣйшихъ представителей адвокатуры: *„надъ человѣчествомъ занимается новая заря, заря новаго, высокаго ученія, по которому сфера мысли и совѣсти должна быть свободна, что преслѣдовать и карать человѣка за свободу его мысли и совѣсти нельзя.“* Глубоко должны были тронуть и умъ и сердце людей, бывшихъ свидѣтелями этого замѣчательнаго уголовнаго процесса. Извѣстно, что по этому дѣлу подсудимые Дмитрій Кудринъ, Анна Владимірова, Степанида Владимірова, Матрена Иванова Домбровская, Авдотья Васильева, Марѳа Андреева, Пелагея Игнатьева, Екатерина Дмитріева Кузмичева и Акулина Петрова признаны виновными въ принадлежности къ скопческой сектѣ, одно изъ главныхъ основаній которой есть отнятіе или поврежденіе половыхъ органовъ и приговорены судомъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ отправленію въ отдаленный край восточной Сибири, съ порученіемъ ихъ строжайшему надзору тамошняго гражданскаго начальства. По кассаціоннымъ жалобамъ, какъ это видно изъ ниже помѣщаемаго нами опредѣленія московской судебной палаты, сообщеннаго намъ Д. П. Тихомировымъ, уголовный кассаціонный департаментъ правительствующаго сената, состоявшееся въ отношеніи означенныхъ подсудимыхъ рѣшеніе присяжныхъ и приговоръ московскаго окружнаго суда отмѣнилъ, по неправильному примѣненію къ дѣлу ихъ 203 ст. улож. о нак. угол. и исправ. изд. 1866 г. Честь и слава благороднымъ усиліямъ защиты. Благодарность Россіи—высшему въ государствѣ судебному учрежденію. Тысячи людей, на будущее время, избавляются отъ уголовнаго преслѣдованія. Тысячи дѣлъ меньше. Правосудію человѣческому, въ сего рода дѣлахъ, полагается предѣлъ. *Ред.*

26 января 1872 года московская судебная палата подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя П. Г. Извальскаго, при товарищѣ прокурора А. И. Постельниковѣ. Слушала: докладъ члена палаты Д. П. Тихомирова о существѣ полученнаго изъ правительствующаго сената указа по дѣлу скопцевъ Кудриныхъ и другихъ. — Указъ этотъ слѣдующаго содержанія.

Выслушавъ заключеніе товарища оберъ-прокурора и объясненія защитниковъ подсудимыхъ, правительствующій сенатъ находитъ: 1) жалоба защитника подсудимаго Михаила Артамонова на нарушеніе по настоящему дѣлу 21 ст. уст. уг. суд. преданіемъ Артамонова вторично суду за принадлежность его къ скопческой ереси не имѣетъ основанія, такъ какъ Артамоновъ обвинялся и признанъ виновнымъ въ томъ, что онъ и за состоявшимся о немъ, какъ о скопцѣ, судебнымъ приговоромъ, былъ не только послѣдователемъ, но и распространителемъ скопческой ереси, слѣдовательно онъ преданъ былъ суду не за прежнія, уже сужденныя, а за новыя преступныя дѣйствія; 2) жалоба защитника подсудимаго Дмитрія Кудрина на нарушеніе 520 ст. уст. уг. судопр. неопредѣлительностію обвинительнаго акта, утвержденнаго московскою судебною палатою имѣетъ нѣкоторое основаніе въ томъ, что въ заключеніи этого акта дѣйствительно не указаны признаки тѣхъ преступныхъ дѣяній, въ которыхъ обвинялись предаваемые суду лица, а значится только что они предаются суду за преступныя дѣянія, предусмотрѣнныя въ такихъ-то статьяхъ закона, тогда какъ слѣдовало указать по каждому обвиненію и признаки преступнаго дѣянія, и законъ, которому эти признаки соотвѣтствуютъ (ст. 520 п. 5); но это отступленіе отъ установленнаго порядка не уничтожаетъ силы и значенія послѣдовавшихъ за преданіемъ суду дѣйствій, при которыхъ подсудимые имѣли полную возможность указать неправильность обвиненія, какъ это было уже разъяснено сенатомъ (сб. 1867 г. № 135); 3) жалоба подсудимаго Андрея Кудрина и защитниковъ подсудимыхъ Дмитрія Кудрина и Михаила Артамонова на нарушеніе 589 ст. уст. уг. суд. тѣмъ, что въ сообщенномъ имъ спискѣ засѣдателей сдѣланы были перемѣны исключеніемъ нѣкоторыхъ лицъ и замѣною ихъ другими лицами, не можетъ быть принята во вниманіе, такъ какъ изъ протокола судебнаго засѣданія видно, что они не сдѣлали никакого заявленія о томъ на судѣ, слѣдовательно или не признавали этого распоряженія не правильнымъ, или сами сдѣлали такое упущеніе, которое лишило сенатъ возможности удостовѣриться въ законности означеннаго распоряженія; 4) жалоба подсудимаго Андрея Кудрина на нарушеніе 612 и 613 ст. уст. уг. суд. стѣсненіемъ его защитника въ представленіи его замѣчаній относительно стачки свидѣтелей и порядка ихъ допроса опровергается протоколомъ судебнаго засѣданія, изъ котораго не видно, чтобы защитникъ Андрея Кудрина представлялъ какія-либо замѣчанія по этимъ предметамъ, и чтобы онъ былъ остановленъ предсѣдателемъ суда.

5) жалоба его же, Андрея Кудрина на нарушеніе 654 ст. уст. уг. суд. не принятіемъ достаточныхъ мѣръ противъ стачки свидѣтелей между собою совершенно неопредѣлительна, какъ не указывающая въ чемъ именно состоялъ недостатокъ принятыхъ мѣръ, а потому не можетъ быть признана основательною. 6) жалоба его же, Андрея Кудрина, на нарушеніе 671 ст. уст. уг. суд. недостаточна подробнымъ разъясненіемъ правъ, обязанностей и отвѣтственности присяжныхъ засѣдателей, столь же неосновательна, такъ какъ не указываетъ на какое-либо опредѣленное упущеніе по этому предмету. 7) жалоба дочери поручика, Екатерины Михайловой и защитника подсудимыхъ, Анны и Степаниды Владиміровыхъ на нарушеніе 692 ст. уст. уг. суд. отказомъ въ переосвидѣтельствованіи этихъ подсудимыхъ не основательна потому, что означенный законъ уполномочиваетъ судъ на такое переосвидѣтельствованіе, но не поставляетъ его въ обязанность суду; вопросъ же о томъ, представлялась-ли по обстоятельствамъ дѣла, надобность въ переосвидѣтельствованіи тѣхъ подсудимыхъ, какъ вопросъ по существу дѣла, не подлежитъ обсужденію сената, за силою 5 ст. учреж. суд. уст.; 8) жалобы подсудимыхъ Ирины Павловой, Акулины Петровой, Марьи и Матрены Домбровскихъ, Настасьи Трофимовой, Марфы Андреевой, Авдотьи Васильевой, Пелагеи Игнатьевой и защитника Михаила Артамонова на нарушеніе 700 и 701 ст. уст. уг. суд. допросомъ свидѣтелей защиты прежде свидѣтелей обвиненія, безъ объясненія предсѣдателемъ суда уважительныхъ къ тому причинъ, не имѣетъ основанія, такъ какъ означенные законы не требуютъ чтобы предсѣдатель суда, пользуясь предоставленнымъ ему по этому предмету правомъ, объявлялъ принятыя имъ основанія къ измѣненію обыкновеннаго порядка допроса свидѣтелей и чтобы онъ записывалъ о томъ въ протоколѣ, а потому такое распоряженіе предсѣдателя суда не можетъ подлежать обсужденію сената, какъ это уже было сенатомъ разъяснено (сб. 1869 г. № 412); 9) жалоба подсудимаго Андрея Кудрина на нарушеніе 737 и 739 ст. уст. уг. суд. невѣрнымъ изложеніемъ обстоятельствъ дѣла и преувеличиваніемъ важности преступленія въ обвинительной рѣчи прокурора, не можетъ служить поводомъ къ ходатайству объ отмѣнѣ приговора, такъ какъ подсудимый и его защитникъ имѣли полную возможность опровергать неправильные доводы прокурора и возстановить настоящее по ихъ мнѣнію, значеніе тѣхъ обстоятельствъ, которыя невѣрно представлены, какъ это многократно разъяснено было сенатомъ (сб. 1867 г. №№ 324, 405, 490, и друг.). 10) жалоба подсудимыхъ Андрея Кудрина, Екатерины Михайловой, Ирины Павловой, Екатерины Кузьмичевой, Акулины Петровой и защитниковъ Дмитрія Кудрина и Михаила Артамонова на нарушеніе 801—804 ст. уст. уг. суд. неправильнымъ изложеніемъ заключительной рѣчи предсѣдателемъ суда не можетъ быть принята во вниманіе, такъ какъ въ протоколѣ судебнаго засѣданія, значится, что предсѣдателемъ суда были соблюдены предписанныя въ этихъ законахъ

правила и что ни одинъ изъ подсудимыхъ или ихъ защитниковъ не просилъ о запискѣ въ протоколѣ какой-либо части сказанной предсѣдателемъ рѣчи, вслѣдствіе чего сенатъ лишенъ возможности повѣрить основательность настоящей жалобы. 11) общее всѣмъ жалобщикамъ возраженіе, что вопросъ о принадлежности подсудимыхъ къ скопческой ереси поставленъ несогласно съ правилами, предписанными въ 760 ст. уст. уг. суд. и несоотвѣтственно признакамъ 203 ст. улож. о нак., на которой основывалось обвиненіе, нельзя не признать основательнымъ. Въ вопросѣ этомъ не означено ни какихъ фактическихъ признаковъ, по которымъ признается принадлежность подсудимыхъ къ скопческой ереси, и хотя упоминается, что однимъ изъ главныхъ основаній скопчества есть отнятіе или поврежденіе половыхъ органовъ, но даже и объ этомъ главномъ и существенномъ признакѣ говорится лишь для опредѣленія характера скопческой ереси, безъ предложенія яснаго и положительнаго вопроса о томъ, оказывается ли этотъ признакъ на подсудимыхъ. Кромѣ того, хотя подсудимые преданы были суду по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 203 ст. улож. о нак., но ни одинъ изъ признаковъ этого преступленія не былъ введенъ въ вопросъ, несмотря на требованіе защитниковъ подсудимыхъ. Отказъ суда въ этомъ требованіи на томъ основаніи, что не присяжнымъ, а судьямъ принадлежитъ сужденіе о томъ, могутъ ли извѣстныя дѣйствія быть признаны противунравственными, не правиленъ на томъ основаніи, что судьи опредѣляютъ юридическій характерь дѣйствія лишь по фактическимъ даннымъ, признаннымъ присяжными, слѣдовательно чтобы судьи могли отнестись къ извѣстнымъ дѣйствіямъ, какъ противонравственнымъ, надо, чтобы въ вопросѣ, утвержденномъ присяжными указано было по крайней мѣрѣ въ чемъ состояли эти дѣйствія; а между тѣмъ въ означенномъ вопросѣ какъ замѣчено выше, ни какихъ дѣйствій указано не было и даже не значилось, оказались ли оскопленными обвиняемые въ принадлежности къ скопческой ереси. 12) по этому нельзя не признать основательнымъ и другое возраженіе жалобщиковъ, что судъ нарушилъ 227 ст. уст. уг. суд., дополнивъ собственною властью рѣшеніе присяжныхъ такими признаками виновности, для которыхъ нѣтъ фактическаго основанія въ этомъ рѣшеніи. 13) изъ того же источника проистекаютъ жалобы и на неправильное примѣненіе къ настоящему дѣлу 203 ст. улож., опредѣляющей наказаніе даже за одну принадлежность къ тѣмъ ересямъ, которыя соединены съ свирѣпымъ изувѣрствомъ и фанатическимъ посягательствомъ на жизнь свою или другихъ, или же съ противунравственными, гнусными дѣйствіями. Чтобы выяснить себѣ смыслъ этого закона слѣдуетъ принять во вниманіе: 1) что по уставу о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, раскольники не преслѣдуются аа мнѣнія ихъ о вѣрѣ, но запрещается имъ совращать и склонять кого-либо въ расколъ свой, подъ какимъ бы то видомъ не было, чинить какія-либо дерзости противъ православной церкви, или противъ ея служителей, про-

изводить внѣшнее оказательство своей ереси и всякое дѣйствіе, къ явнымъ соблазнамъ поводъ подать могущее и уклоняться по чему либо отъ соблюденія общихъ правилъ благоустройства, законами опредѣленныхъ (ст. 60 и 77), и 2) что раскольниковъ, которые принадлежатъ къ ересямъ, соединеннымъ съ свирѣпымъ изувѣрствомъ и фанатическимъ посягательствомъ на жизнь свою или другихъ, полиція старается не допускать до исполненія такихъ изувѣрныхъ покушеній и отсылаетъ къ суду для поступленія съ ними на основ. улож. о нак. ст. 223 (въ изд. 1866 г. 203), а равномѣрно отсылаются къ суду послѣдователи ересей, соединенныхъ съ противонравственными гнусными дѣйствіями, *и скопившіе себя или другихъ* (ст. 90 и 91). Изъ этихъ постановленій видно, что къ послѣдователямъ ересей, соединенныхъ съ изувѣрными преступными покушеніями или съ противунравственными гнусными дѣйствіями, приравнены не всѣ послѣдователи скопческой ереси, а только оскопившіе себя или другихъ. Слѣдовательно, только это безнравственное и преступное дѣйствіе низводитъ послѣдователя скопческой ереси до разряда тѣхъ раскольниковъ, которые преслѣдуются за одну принадлежность къ ереси особенно вредной, хотя бы и не были изобличены въ распространеніи ея или въ совращеніи въ нее другихъ лицъ. Другими словами, только такой послѣдователь скопческой ереси, который оскопилъ себя или другихъ, могъ бы подведенъ быть подъ дѣйствіе 203 ст. улож., если бы для скопцовъ не существовало спеціальнаго по этому предмету закона (ст. 201), который отмѣняетъ въ отношеніи къ нимъ дѣйствіе закона болѣе общаго. Такимъ образомъ нельзя не признать, что ни московская судебная палата, при преданіи суду настоящихъ жалобщиковъ, ни тамошній окружный судъ, при постановленіи о нихъ приговора, не имѣли правильнаго основанія примѣнять къ этому дѣлу 203 ст. ул. о нак., а особенно въ отношеніи тѣхъ подсудимыхъ, которые не обвинялись и не признаны виновными въ оскопленіи себя или дригихъ. Хотя окружный судъ въ соображеніяхъ по этому предмету ссылается на рѣшеніе сената по дѣлу о скопцѣ Абрамовѣ (сб. 1869 г. № 877), но въ томъ рѣшеніи, послѣдовавшемъ въ порядкѣ надзора, сенатъ имѣлъ въ виду лицо, обвиняемое въ самооскопленіи и преслѣдуемое по 201 ст. улож., слѣдовательно имѣлъ полное основаніе приравнять его поступокъ къ тѣмъ противунравственнымъ и гнуснымъ дѣйствіямъ, при которыхъ исповѣданіе той или другой христіанской вѣры безразлично для преслѣдованія; но упоминая при этомъ о 203 ст. ул. какъ опредѣляющей общій характеръ такихъ дѣйствій, сенатъ не говорилъ, чтобы преслѣдованіе Абрамова по 201 ст. улож., спеціально къ нему относящейся, было неправильно. 14) жалоба защитниковъ подсудимыхъ Михаила Артамонова, Анны и Степаниды Владиміровыхъ на нарушеніе судомъ 828 ст. уст. уг. суд. оставленіемъ безъ послѣдствій замѣчанія присяжныхъ засѣдателей, что означенные подсудимые заслуживаютъ снисхожденія не основательно, такъ какъ этотъ законъ, обя-

зывающій судъ смягчить наказаніе по крайней мѣрѣ на одну степень тѣмъ подсудимымъ, которыхъ присяжные признали заслуживающими снисхожденія, не можетъ имѣть мѣста въ тѣхъ случаяхъ, когда подсудимые подлежатъ безусловно опредѣленному самимъ закономъ наказанію, не терпящему никакого измѣненія. Хотя жалобщики выводятъ, что это есть общее наказаніе, опредѣленное въ 20 ст. улож., но такой выводъ очевидно не правиленъ ибо въ общемъ наказаніи мѣсто ссылки въ Сибирь опредѣляется только приблизительно словами „отдаленнѣйшія и менѣе отдаленныя мѣста Сибири,“ и не полагается никакого особаго надзора за ссылаемыми, тогда какъ въ спеціальномъ законѣ о скопцахъ (улож. ст. 197, 198 и 201), именно сказано, что они отправляются въ отдаленный край Восточной Сибири съ порученіемъ ихъ строжайшему надзору тамошняго гражданскаго начальства. Конечно, въ подобныхъ случаяхъ судъ, не имѣя права смягчать наказаніе подсудимымъ собственною властью, не лишенъ возможности ходатайствовать о томъ предъ Императорскимъ Величествомъ, но никакой законъ не поставляетъ такого ходатайства въ обязанность суду (улож. о нак. ст. 135, 153 и 154, уст. уг. суд. ст. 774, 775 и 828). На основаніи всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній правительствующій сенатъ не можетъ не признать, что хотя большая часть доводовъ, приведенныхъ въ разсматриваемыхъ кассаціонныхъ жалобахъ, не имѣетъ основанія, но доводы о томъ, что, при постановкѣ вопроса о принадлежности подсудимыхъ къ скопческой ереси и при примѣненіи закона къ рѣшенію этого вопроса присяжными, нарушены 760 и 827 ст. уст. уг. суд. и 203 ст. улож. о нак., представляются основательными, и хотя это нарушеніе не можетъ измѣнить силы приговора о тѣхъ подсудимыхъ, которые признаны виновными, сверхъ принадлежности ихъ къ скопческой ереси, въ распространеніи этой ереси, такъ какъ за это преступленіе они во всякомъ случаѣ подлежали бы опредѣленному имъ наказанію на основ. 197 ст. ул. о нак., а одинъ изъ нихъ Андрей Кудринъ, и по 201 ст. того же улож.; но затѣмъ приговоръ о лицахъ, признанныхъ виновными единственно въ принадлежности ихъ къ скопческой ереси, не можетъ имѣть силы судебнаго рѣшенія. Вслѣдствіе сего, правительствующій сенатъ опредѣляетъ: на основаніи 912, 928 и 929 ст. уст. уг. суд., рѣшеніе присяжныхъ и приговоръ московскаго окружнаго суда осужденныхъ по настоящему дѣлу: купцѣ Дмитріѣ Ивановѣ Кудринѣ, цеховыхъ Аннѣ и Степанидѣ Владиміровыхъ, дочери пономаря Матренѣ Ивановой Домбровской, крестьянкѣ Авдотьѣ Васильевой, цеховой Марфѣ Андреевой, крестьянкѣ Пелагеѣ Игнатьевой, мѣщанкѣ Екатеринѣ Дмитріевой Кузьмичевой и цеховой Акулинѣ Петровой — отмѣнить и дѣло передать для новаго производства въ другое отдѣленіе того же суда; затѣмъ жалобы купца Андрея Иванова Кудрина, цеховаго Михаила Андреева Артамонова, дочери поручика Екатерины Трофимовой Ми-

хаиловой, дочери діакона Марьи Васильевой Домбровской, мѣщанки Настасьи Трофимовой и мѣщанки Ирины Павловой—оставить безъ послѣдствій; о чемъ съ возвращеніемъ дѣла и послать указы московскому окружному суду къ исполненію, а тамошней судебной палатѣ къ свѣдѣнію. По выслушаніи сего указа, судебная палата опредѣляетъ: оный принять для руководства къ единообразному исполненію и примѣненію изъясненныхъ въ немъ законовъ и пріобщить къ дѣламъ палаты (933 ст. уст. уг. суд.).

ЮРИДИЧЕСКІЕ ВОПРОСЫ,

РАЗРѢШЕННЫЕ ПРИ РАЗСМОТРѢНІИ НѢКОТОРЫХЪ ДѢЛЪ

МОСКОВСКОЮ СУДЕБНОЮ ПАЛАТОЮ.

XV.

По примѣненію судебнымъ слѣдователемъ 422 ст. уст. угол. судопр.?

Двое обвиняемыхъ, крестьяне Ж. и Е., были отданы судебнымъ слѣдователемъ московскаго окружнаго суда на поруки съ отвѣтственностью поручителей по 422 ст. уст. уг. суд. „всѣмъ ихъ имуществомъ". Но судебная палата, при разсмотрѣніи дѣла объ означенныхъ крестьянахъ, не могла не обратить вниманія на то, что такая неопредѣленная отвѣтственность противорѣчитъ нашему законодательству. Требованіе поручительства,—сказано въ палатскомъ опредѣленіи 9-го іюня 1871 года,—имѣетъ цѣль двоякую: воспрепятствовать подсудимому уклоняться отъ слѣдствія и суда и обезпечить вознагражденія лицъ потерпѣвшихъ; при поручительствѣ же всѣмъ имуществомъ не достигается ни то ни другое. Отвѣтственность всѣмъ имуществомъ, находящимся въ обладаніи поручителя въ моментъ дачи имъ обязательства, не мыслима потому, что наложить ее безъ подробной описи этого имущества, значитъ отказаться отъ всякой гарантіи и дать полную свободу показать неправильно самое незначительное имущество. Если же точно опредѣлить это имущество, то отвѣтственность будетъ совпадать съ наложеніемъ запрещенія на все имѣніе его, и будетъ равняться запрещенію облагать оное другими обязательствами. Отвѣтственность имуществомъ, находящимся въ обладаніи поручителя въ моментъ уклоненія подсудимаго отъ слѣдствія или суда, точно также или лишаетъ поручителя всѣхъ средствъ къ жизни, или не представляетъ ни какой гарантіи и даетъ возможность заблаговременно скрыть имущество и при томъ скрыть безнаказанно. Понятіе всего имущества охватываетъ собою все

возможныя величины и это „все имущество“ можетъ быть въ данномъ случаѣ такъ не значительно, что не будетъ представлять для суда никакого обезпеченія. По мимо этихъ общихъ соображеній такое опредѣленіе отвѣтственности прямо противорѣчитъ смыслу закона. Такъ по ст. 424 уст. уг. суд., сумма поручительства должна быть сообразна съ строгостью наказанія, угрожающаго подсудимому и съ состояніемъ поручителя, а по ст. 425 того же Устава она не должна быть менѣе количества вознагражденія, отыскиваемаго лицамъ потерпѣвшимъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ сумма эта сравнивается съ величинами опредѣленными, и потому сама она не можетъ не быть тоже опредѣленною; по ст. 422 уст. уг. суд. отвѣтственность поручителя должна быть денежною, все же имущество лица не можетъ состоять изъ однихъ денегъ; наконецъ ст. 973 уст. гражд. суд. освобождаетъ извѣстные предметы во всякомъ случаѣ отъ наложенія ареста и дѣлаетъ отвѣтственность всѣмъ имуществомъ невозможною въ большинствѣ случаевъ. Вслѣдствіе сего судебная палата, для руководства на будущее время, объяснила означенному судебному слѣдователю (249 ст. учр. суд. уст.) его неправильность по примѣненію имъ 422 ст. уст. уг. суд. Подобный неправильный взглядъ на 422 ст. встрѣчается и у другихъ изслѣдователей.

XVI.

Предоставлено-ли закономъ прокурорскому надзору прекращать дѣла объ остановленномъ собственною волею подсудимаго покушеніи, которое само по себѣ составляетъ преступное дѣйствіе?

Московскимъ прокурорскимъ надзоромъ, по неоднократнымъ бывшимъ примѣрамъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ сего года предположено было прекратить производствомъ дѣло, имѣющее предметомъ обвиненіе крестьянина П-ва въ томъ, что нанесъ матери своей легкую по щекѣ рану, имѣя при этомъ на ея жизнь покушеніе, отъ приведенія коего въ исполненіе онъ отказался по собственной волѣ. Но палата дала сему дѣлу другое направленіе, которому держится она и въ другихъ подобныхъ дѣлахъ. Изъ точнаго смысла 113 ст. улож. о нак. видно, что при преслѣдованіи за покушеніе должны быть приводимы въ ясность всѣ обнаруженныя по дѣлу данныя, изъ коихъ можно заключить, что покушеніи остановлено по независящимъ отъ подсудимаго обстоятельствамъ, въ томъ лишь случаѣ, когда дѣяніе покушавшагося не составляло по закону самостоятельнаго преступленія, потому что въ семъ послѣднемъ случаѣ не могло бы имѣть мѣсто никакое обвиненіе, а слѣдовательно и преслѣдованіе и преданіе суду. Но иначе слѣдуетъ смотрѣть на остановленное по собственной волѣ покушеніе, когда дѣйствіе подсудимаго само по себѣ составляло преступленіе. Въ этомъ случаѣ обвинительной власти не предоставлено права прекращать дѣла о покушеніи и преслѣ-

довать подсудимаго только за то преступное дѣяніе, въ коемъ высказалось его покушеніе. Это явствуетъ изъ того, что въ дѣлахъ подобныхъ настоящему, свойство покушенія, можетъ быть опредѣлено со всею точностію только на судебномъ слѣдствіи. Прокурорскій надзоръ обязанъ, руководствуясь 515 ст. уст. уг. суд., означать въ обвинительномъ актѣ важнѣйшее изъ тѣхъ преступленій, которое, по обнаруженіи предварительнымъ слѣдствіемъ, представляется болѣе или менѣе достовѣрнымъ. По симъ основаніямъ, (рѣш. кас. деп. 1868 г. № 102), судебная палата признала данное прокуроромъ направленіе настоящему дѣлу неправильнымъ, предавъ суду крестьянина П—ва за покушеніе на убійство матери, не обозначая въ семъ опредѣленіи степени сего покушенія.

XVII.

Какимъ закономъ предусмотрѣна кража денегъ изъ выставленнаго безъ образа и креста столба при богадѣльнѣ, а не при церквахъ или часовняхъ?

Крестьянинъ М. сознался въ кражѣ со взломомъ денегъ изъ столба въ селѣ А.—По осмотру слѣдователя оказалось, что близь столба, находящагося на большой дорогѣ при богадѣльнѣ, нѣтъ ни церкви, ни часовни, что собираемыя деньги предназначались на содержаніе призрѣваемыхъ въ той богадѣльнѣ. Покража денегъ изъ столбовъ предусмотрѣна 227 и 232 ст. улож. о нак., смотря по тому, были ли оные съ образами и крестами, или же безъ всякихъ священныхъ украшеній, но при церквахъ и часовняхъ. Кромѣ этого есть еще и другое различіе между приведенными статьями закона: 227 ст. преслѣдуетъ кражу денегъ, предназначенныхъ для сбора на церковь, а 232—кражу денегъ, собираемыхъ для какого-нибудь благотворительнаго употребленія. Соображая означенную выше кражу съ приведенными законами, оказывается, что она прямо не подходитъ ни подъ одну изъ означенныхъ статей, ибо столбъ, изъ коего сдѣлано крестьяниномъ М.—похищеніе былъ безъ креста и образа, при томъ при богадѣльнѣ, а не при церкви или часовнѣ. Но судебная палата признала, что эта внѣшняя обстановка учиненнаго М. преступленія во все не такъ существенна, чтобы могла служить препятствіемъ къ примѣненію, по 151 ст. ул. о нак., къ дѣянію подсудимаго 232 ст. съ которой дѣяніе это сходно, если не по буквальному смыслу, то по разуму и цѣли, такъ какъ 232 ст. преслѣдуетъ между прочимъ, кражу денегъ, собираемыхъ для благотворительнаго употребленія, въ настоящемъ же случаѣ украдены были именно такія деньги, которыя предназначались для содержанія призрѣваемыхъ въ богадѣльнѣ. По сему дѣло это признано было подлежащимъ разсмотрѣнію окружнаго суда по обвиненію подсудимаго по 232 ст., а не по 1647 ст. улож. о нак., какъ полагалъ прокурорскій надзоръ.

XVIII.

Упоминаемое въ 1531 ст. улож. о нак. „обѣщаніе жениться должно ли быть сдѣлано до или послѣ вступленія съ незамужней дѣвицей въ любовную связь?

Крестьянка Е., обвиняя дворянина Э. въ обольщеніи ея обѣщаніемъ жениться, объяснила, что онъ далъ ей это обѣщаніе уже послѣ того, какъ она согласилась имѣть съ нимъ любовную связь. Въ приписываемомъ обвиняемому дѣяніи, судебная палата не усмотрѣла преступленія, ибо данное имъ обѣщаніе жениться не было употреблено дворяниномъ Э., какъ средство для обольщенія Е., до вступленія съ нею въ любовную связь, между тѣмъ какъ это обстоятельство, по смыслу 1531 ст., служитъ однимъ изъ необходимыхъ условій для бытія означеннаго преступленія. (Изъ доклада 3-го ноября).

XIX.

Подлежатъ ли обжалованію постановленныя окружнымъ судомъ опредѣленія о приводѣ въ засѣданіе неявившагося въ судъ подсудимаго?

Многіе окружные суды, въ томъ числѣ и Калужскій, допускаютъ жалобы на свои опредѣленія по предмету привода неявившихся въ судъ подсудимыхъ (592 ст. уст. уг. суд.). Такого взгляда держалась и судебная палата. Но по дѣлу о генералъ-маіорѣ М—вѣ палата приняла нынѣ другое направленіе, болѣе согласное и съ практикой и съ законами. Въ Калужскомъ окружномъ судѣ производится дѣло объ отставномъ генералъ-маіорѣ М..., обвиняемомъ въ приплавленіи на пристань судовъ, не имѣющихъ надлежащихъ клеймъ и билетовъ. По открытіи судебнаго засѣданія оказалось, что подсудимый М. не явился, по сему окружный судъ, на основаніи 592 ст. уст. уг. суд., распорядился приводомъ подсудимаго ко дню, на который будетъ вновь назначено къ слушанію о немъ дѣло. Но этимъ опредѣленіемъ М. остался не доволенъ и подалъ частную жалобу въ судебную палату. По закону частныя жалобы допускаются на опредѣленія окружныхъ судовъ по принятію мѣръ для воспрепятствованія подсудимому уклоняться отъ слѣдствія и суда (893 ст. уст. уг. суд.). Мѣры эти перечислены всѣ въ 416 ст. уст. уг. суд., въ которой однако не упоминается въ числѣ ихъ „привода" подсудимаго въ судъ. Сія послѣдняя мѣра, сказано въ палатскомъ опредѣленіи, употребляется не противъ уклоненія подсудимаго отъ слѣдствія, а въ случаѣ лишь неявки его въ судъ ко дню засѣданія (592 ст.). Изъ сего явствуетъ, что частной жалобы на опредѣленіе окружнаго суда, распорядившагося о приводѣ неявившагося въ судъ подсудимаго, принесено быть не можетъ. Этотъ выводъ подтверждается еще и тѣмъ соображеніемъ что окружный судъ можетъ распорядиться

приводомъ, по 592 ст., тотчасъ же по постановленіи о томъ опредѣленія (если подсудимый живетъ въ томъ городѣ, гдѣ окружный судъ имѣетъ засѣданіе), и тогда подсудимый фактически будетъ лишенъ возможности обжаловать дѣйствія суда. Если бы закономъ допускались жалобы на подобныя опредѣленія, то безъ сомнѣнія, установленъ былъ бы и порядокъ обжалованія оныхъ и срокъ, по минованіи коего опредѣленія тѣ входили бы въ законную силу, чего однако въ судебныхъ уставахъ не встрѣчается. По симъ соображеніямъ жалоба М—ва безъ разсмотрѣнія возвращена была въ Калужскій окружный судъ.

XX.

Слѣдуютъ ли порядку частнаго обвиненія дѣла о кражахъ между усыновленными и ихъ усыновителями?

Вопросъ этотъ имѣетъ ту же исторію, какъ и предъидущій. У крестьянина Васильева украдена была со взломомъ мука пріемышемъ его, крестьяниномъ Козаковымъ. По докладу моему судебная палата между прочимъ остановилась на разрѣшеніи вопроса о томъ, — распространяется ли примѣчаніе къ 1664 ст. ул. о нак. на дѣла о кражахъ между родителями и усыновленными ихъ дѣтьми? Кража между родителями и дѣтьми имѣетъ то процессуальное значеніе, что дѣла о ней начинаются не иначе, какъ по жалобѣ родителей, а начавшись, могутъ быть прекращены примиреніемъ (157 ст. ул. о нак. и 16 ст. уст. уг. суд.). Въ основаніе такого порядка производства дѣлъ о семейныхъ кражахъ лежитъ то соображеніе: 1) что вещи родителей до нѣкоторой степени находятся въ общемъ пользованіи съ дѣтьми, которыя также могутъ участвовать въ пріобрѣтеніи семейнаго имущества; и 2) что законъ опасается непосредственнымъ вмѣшательствомъ, разстроить миръ и спокойствіе въ семействѣ, потому что то и другое можетъ быть возстановлено само собою послѣ совершившейся кражи. — Семейство состоитъ изъ дѣтей законныхъ и можетъ состоять также изъ усыновленныхъ (радз. II т. X) родительская же надъ дѣтьми власть одинаково распространяется на тѣхъ и другихъ, что можно видѣть изъ того, что законъ, говоря о власли родительской, не дѣлаетъ никакого различія въ оной по отношенію къ дѣтямъ усыновленнымъ (ст. 164—179 т. X). Вслѣдствіе сего пріемыши купцовъ, установленнымъ порядкомъ (ст. 152—154) усыновленные, вступаютъ во всѣ права дѣтей законныхъ (151 ст, X т.). Усыновленіе же для крестьянъ, во всемъ сходное съ существующимъ для купцовъ, замѣняется только припискою къ семействамъ (155 ст.), ближайшимъ послѣдствіемъ которой есть причисленіе пріемышей къ одному сословію съ усыновителемъ (156 ст. X т.).—На основаніи сихъ общихъ положеній основаны существующія нынѣ правила объ усыновленіи питомцевъ Петербургскаго воспитательнаго дома (прилож. къ 156 ст. X т.). По 3-му пункту этихъ правилъ, крестьянинъ, усыновившій питомца, пріобрѣтаетъ

надъ нимъ всѣ права родительскія, а слѣдовательно и право прощать своихъ усыновленныхъ дѣтей, изобличенныхъ въ кражѣ у нихъ имущества. Если законъ этотъ существуетъ въ отношеніи усыновителей питомцевъ петербургскаго воспитательнаго дома, то нѣтъ никакого основанія (151 ст. ул. о нак.) нераспространять дѣйствіе его, какъ основаннаго на общемъ законѣ (155 и 156 ст. X т.), вообще на всѣхъ усыновителей по отношенію къ ихъ усыновленнымъ дѣтямъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ усыновленныя дѣти съ малолѣтства становятся въ такія же имущественныя и личныя отношенія къ усыновителямъ, въ какихъ законныя дѣти находятся къ своимъ родителямъ. Посему постановленный выше вопросъ разрѣшенъ былъ палатою утвердительно.

XXI.

Подлежитъ ли разсмотрѣнію палаты жалоба врача на опредѣленіе окружнаго суда признавшаго правильнымъ постановленіе слѣдователя о подвергнутіи его штрафу за неявку къ предварительному слѣдствію, въ качествѣ эксперта?

Примѣняясь къ 894 ст. уст. уг. суд., судебная палата прежде разсматривала подобныя жалобы, но въ настоящее время (докладъ 23 іюля) она высказала другой взглядъ. Дѣло въ томъ, что судебнымъ слѣдователемъ Рязанскаго уѣзда вызываемъ былъ въ качествѣ эксперта врачъ Модестовъ, который однако по повѣсткѣ къ нему не явился и былъ оштрафованъ, по силѣ 323 и 328 ст. уст. уг. суд.—На это постановленіе Модестовъ поринесъ жалобу окружному суду, который, найдя дѣйствія слѣдователя правильными, оставилъ оную безъ послѣдствій. Тогда Модестовъ принесъ жалобу прося опредѣленіе суда отмѣнить.—Судебная палата, останавливаясь на разрѣшеніи постановленнаго выше вопроса, нашла, что коренное правило нашего судопроизводства заключается въ томъ, что каждое дѣло рѣшается не болѣе, какъ въ двухъ судебныхъ инстанціяхъ (11 ст. общ. полож. 1864 г.).—Судебный слѣдователь, налагая за неявку къ предварительному слѣдствію взысканія съ экспертовъ и другихъ вызываемыхъ имъ лицъ, дѣйствуетъ *„въ качествѣ судьи“*, подвергающаго наказанію виновныхъ въ исполненіи его законныхъ требованій. Это видно, какъ изъ содержанія 323, 328 и 438 ст. уст. уг. суд., на основаніи коихъ взысканія назначаются, такъ и изъ аналогіи тѣхъ случаевъ, въ коихъ примѣняются эти статьи съ тѣми, которыя предусмотрѣны въ 29 ст. о нак.—Что судебный слѣдователь дѣйствуетъ въ этихъ случаяхъ какъ судья, а слѣдовательно представляетъ изъ себя судебную инстанцію, можно заключить изъ разсужденій, на коихъ основана 323 ст. Изъ разсужденій, этихъ видно (изд. Госуд. канц.), что дѣйствія слѣдователя, налагающаго взысканія за неявку по 323 и 338 ст., сравниваются съ распоряженіями мироваго судьи и окружнаго суда о наложеніи ими взысканій на требуемыхъ въ судъ

лицъ. Установивъ такимъ образомъ взглядъ на судебнаго слѣдователя, какъ на судью, оказывается, что постановленія его попредмету наложенія взысканія за неявку вызываемыхъ имъ къ слѣдствію лицъ, можетъ быть обжаловано только окружному суду (392 ст.), который въ семъ случаѣ представляетъ вторую судебную инстанцію, опредѣленія которой дальнѣйшему обжалованію палаты подлежать уже не должны, ибо, тогда, вопреки 11 ст. общ. полож., пришлось бы допустить рѣшеніе дѣла болѣе чѣмъ и двухъ судебныхъ инстанціяхъ.—Изъ сего явствуетъ, что возбужденный выше вопросъ долженъ быть рѣшенъ отрицательно. Что же касается до 894 ст. уст. уг. суд. на основаніи которой прежде вопросъ этотъ разрѣшался положительно, то она, какъ сказано въ палатскомъ опредѣленіи, допускаетъ частныя жалобы на опредѣленія окружныхъ судовъ по наложенію взысканія за неявку свидѣтелей только вызываемыхъ *въ судъ*, а не *къ предварительному слѣдствію.* По симъ соображеніямъ жалоба Модестова возвращена была въ окружный судъ безъ разсмотрѣнія въ существѣ.

XXII.

Слѣдуетъ-ли дѣйствіе 296 ст. улож. о нак. распространять на подлоги, предусмотрѣнные 300 ст. улож. о нак.?

У заподозрѣннаго въ кражѣ лошади крестьянина Суркова отобрано было свидѣтельство на сборъ въ пользу погорѣлыхъ, выданное изъ Кириловскаго волостнаго правленія съ приложенными къ нему фальшивыми печатями волостнаго правленія и церковной. На оборотѣ свидѣтельства были написаны имена жертвователей. Нѣтъ сомнѣнія, что дѣяніе (рѣш. кас. деп. 1869 г. № 117) Суркова, по признакамъ своимъ относится къ преступленію отъ разрѣшенія коего зависитъ направленіе сего дѣла, сестоитъ въ томъ, представляется-ли основательнымъ, какъ это полагаетъ Московскій прокурорскій надзоръ, на означенное преступленіе распространить дѣйствіе 296 ст., преслѣдующей подделку и употребленіе завѣдомо фальшивыхъ печатей? Статья 294 улож. о нак. предусматриваетъ вообще всѣ случаи подложнаго составленія для какихъ-либо дѣлъ и видовъ оффиціальныхъ документовъ отъ имени судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ и лицъ. Хотя въ законѣ этомъ, сказано въ палатскомъ опредѣленіи по доложенному мною 4-го Августа дѣлу, не исчисляется всѣхъ видовъ подложнаго составленія документовъ, но при примѣненіи 294 ст. слѣдуетъ принимать за исходную точку важность поддѣланнаго документа и степень опасности, угрожающей или цѣлому обществу или отдѣльнымъ лицамъ отъ употребленія его (рѣш. кас. деп. 1869 г. № 117).—По этому то изъ общаго правила о подлогахъ законъ выдѣляетъ случаи подложнаго составленія такихъ незначительныхъ документовъ, употребленіе коихъ можетъ принести пользу только виновному и не угрожаетъ опасностью имуществу или

личности другихъ. Эти исключительные случаи предусмотрѣны 300 ст. и по своей не значительности влекутъ наказаніе менѣе строгое. При такомъ взглядѣ на 300 ст., какъ исключеніе изъ общаго правила, не представляется уже основательнымъ на предусмотрѣнные ею подлоги распространять силу 296 ст., ибо тогда бы „виновные въ составленіи и предъявленіи этихъ подлоговъ (152 ст. ул. о нак.) подвергались болѣе тяжкому наказанію (2 степ. 31 ст.), чрезъ что утратилось бы всякое значеніе 300 ст., имѣющей въ виду обложеніе виновныхъ наказаніями менѣе строгими, по незначительности преступленія.—Выведенное заключеніе находитъ себѣ, отчасти, подтвержденіе въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи государственнаго совѣта 11-го октября 1848 г. Изъ мнѣнія этого между прочимъ видно, что 296 ст. прилагается ковсѣмъ дѣламъ, имѣющимъ предметомъ обвиненіе по 975, 976 и 977 ст. улож. о нак., а не по 300 ст., составляющей исключеніе. (Сбор. мнѣній стр. 132—133). Руководствуясь, наконецъ, рѣш. кас. деп. 1869 г. № 117, судебная палата нашла, что поставленный вопросъ долженъ быть разрѣшенъ отрицательно и что затѣмъ обвинительный актъ не можетъ подлежать разсмотрѣнію палаты въ качествѣ вышей обвинительной камеры, а долженъ быть обращенъ въ окружный судъ, такъ какъ предусмотрѣнное 300 ст. преступленіе, по слѣдующему за оное наказанію, не превышаетъ предѣловъ вѣдомства окружнаго суда безъ участія присяжныхъ засѣдателей (200 ст. уст. уг. суд.).

XXIII.

Возможно ли участіе въ растратѣ имущества такихъ лицъ, на которыхъ лично не возложено было обязанности хранить оное?

Хозяйка М., отправляясь изъ дому, особенно поручила кухаркѣ своей А. хранить ея имущество, сложенное въ сундукѣ. Обстоятельствами дѣла представилось доказаннымъ (докладъ 7-го мая), что кухарка А. растратила то имущество по уговору мужа своего К.—Прокурорскій, Надзоръ преслѣдовалъ первую по обвиненію въ растратѣ, а послѣдняго по обвиненію въ кражѣ. Но палата высказала другой взглядъ. Хотя растрата существенно отличается отъ кражи тѣмъ, что заключаетъ въ себѣ нарушеніе довѣрія со стороны подсудимаго, взявшаго оное на сохраненіе,—но признакъ этотъ тѣмъ не менѣе не исключаетъ возможности участія въ семъ преступленіи и такихъ лицъ, которыя, не получивъ лично отъ владѣльца имущества на сохраненіе, завѣдомо однако участвовали въ растратѣ его и въ нарушеніи особенныхъ между преступникомъ и хозяиномъ отношеній. Выводъ этотъ отчасти находитъ себѣ подтвержденіе въ сенатскомъ рѣшеніи 1870 г., за № 418, гдѣ двое постороннихъ лицъ признаны подстрекателями на растрату чужаго движимаго имущества.

XXIV.

Растрата ввѣренныхъ на сохраненіе вещей, сопровождавшаяся взломомъ тѣхъ помѣщеній, гдѣ онѣ были положены, есть-ли преступленіе, предусмотрѣнное 117 ст. уст. о нак., или 1647 ст. улож. о нак.?

Разсмотрѣвъ дѣло, судебная палата нашла, что Коломенскій купецъ Н. М—ъ обвиняется въ томъ, что у него не оказалось, бывшаго на сохраненіи описаннаго и опечатаннаго судебнымъ приставомъ за долги купца Л—ва, боченка съ конопляным масломъ на сумму менѣе 300 р. Въ виду 523 и 529 ст. уст. уг. суд., отъ опредѣленія свойства и характера приписываемаго М—ву дѣянія зависитъ принятіе или не принятіе судебною палатою къ своему разсмотрѣнію предложеннаго прокурорскимъ надзоромъ заключенія по настоящему дѣлу, смотря потому, относится ли оное къ преступленію, не подлежащему ни лишенію, ни ограниченію правъ состоянія, или оно имѣетъ предметомъ преступленіе болѣе важное. По гражданскимъ законамъ, арестованное за долгъ имущество должно быть описано и къ хранилищамъ, а равно и каждому предмету, ненаходящемуся въ означенныхъ помѣщеніяхъ, прилагается печать судебнаго пристава (980—999 ст. уст. гражд. суд.). Только по соблюденіи этихъ условій арестованное имущество отдается хранителю (1009 ст. уст. гражд. суд.),который за растрату такого имущества подлежитъ, на усновані 1017 ст. уст. гражд. суд., отвѣтственности, указанной въ 2272 ст. ул. о нак., изд. 1857 года. — По этой статьѣ закона преслѣдуется виновный, который для растраты ввѣреннаго ему чужаго имущества распечатаетъ оное, т.-е. сломаетъ приложенныя къ арестованному имуществу печати. Изъ сравнительнаго указателя къ улож. о нак., изд. 1866 года. видно, что приведенная выше 2272 ст. замѣнена нынѣ 177 ст. уст. о нак. нал. мир. суд.—Такимъ образомъ растрата ввѣреннаго на сохраненіе имущества, независимо отъ того—будетъ ли оная сопровождаться распечатаніемъ наложенныхъ на него печатей, преслѣдуется по 177 ст. уст. о нак.; 1681 и 1682 ст. улож. о нак., смотря по опредѣляющимъ подсудность обстоятельствамъ. — Переходя отъ этихъ общихъ соображеній къ настоящему дѣлу, судебная палата нашла: 1) что преступное дѣяніе, въ коемъ обвиняется купецъ Н. М—въ, какъ это видно изъ находящейся въ 1017 ст. уст. гражд. суд. ссылки, всего ближе подходитъ подъ дѣяніе, предусмотрѣнное 177 ст. уст. о нак., 2) что примѣненіе къ данному случаю 304 ст. улож. о нак., послужившей поводомъ къ возбужденію предварительнаго слѣдствія, представляется не правильнымъ.—Не правильность эта, кромѣ изложенныхъ выше соображеній, видна и изъ того: а) что въ приведенной 304 ст. упоминается объ истребленіи приложенныхъ по распоряженію правительственныхъ мѣстъ и лицъ печатей, указывающихъ на принадлежность помѣщенныхъ такимъ образомъ предметовъ *казнѣ* или же времен-

но обезпечивающихъ ихъ цѣлость; и б) что статья эта, слѣдовательно, ни по буквальному смыслу, ни по разуму своему не можетъ быть примѣнена къ дѣлу о растратѣ *частнымъ* лицомъ, находящагося у него на сохраненіи по *частному-же* иску боченка съ масломъ. По сему судебная палата, (рѣш. к. д. 1869 года № 140) опредѣлила: дѣло это, имѣющее предметомъ своимъ дѣяніе, предусмотрѣнное 177 ст. уст. о нак. нал. мир. суд., признать подсуднымъ разсмотрѣнію мировыхъ учрежденій (33 ст. уст. уг. суд.).

XXV.

Еще по поводу примѣненія 542 ст. уст. угол. судопроизводства *).

Нѣкоторые судебные слѣдователи входятъ съ представленіемъ о разрѣшеніи возобновить прекращенныя ими по 309 ст. уст. уг. суд. слѣдствія. Но судебная палата признаетъ, что слѣдователямъ не предстоитъ въ этомъ случаѣ никакой надобности испрашивать разрѣшенія какого-либо судебнаго мѣста. По закону (ст. 542 же уст. уг. суд.) возобновленію съ разрѣшенія палаты подлежатъ только дѣла по коимъ предварительное слѣдствіе было прекращено порядкомъ, указаннымъ въ 277, 518 и 523 ст. уст. уг. суд., и что по этому дѣла, къ которымъ примѣняется 309 ст. нельзя считать прекращенными по суду. Слѣдователямъ въ подобныхъ случаяхъ остается приступить къ слѣдствію безъ всякаго со стороны суда разрѣшенія. Такъ напримѣръ слѣдователь, не приступившій къ слѣдствію по отсутствію жалобы потерпѣвшей отъ жестокаго обращенія мужа (1583 ст. уст. о нак.), можетъ приступить къ оному съ подачею сей жалобы (изъ доклада 7-го мая) безъ всякаго разрѣшенія судебнаго мѣста.

Членъ палаты Д. Тихомировъ.

*) См. вопросъ № VII.

ЮРИДИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

ПОЛОЖЕНІЯ ИЗВЛЕЧЕННЫЯ ИЗЪ КАССАЦІОННЫХЪ РѢШЕНІЙ О НАЙМѢ ИМУЩЕСТВЪ.

Имѣя намѣреніе знакомить читателей съ положеніями, извлеченными изъ рѣшеній гражд. кассац. департ. сената; мы начинаемъ на первый разъ съ первой половины 1870 года, и именно съ имущественнаго найма. Извѣстно что на практикѣ очень часто зъключаются договоры найма съ правомъ наемщика на возобновленіе договора по окончаніи срока контракта. Поэтому рѣшеніе сената повидимому разрѣшающее слѣдующій тезисъ: „*обязательно ли заключеніе новаго контракта для домовладѣльца по окончаніи срока договора на наемъ квартиры, если бы однимъ изъ пунктовъ договора домовладѣлвцъ обязывался по желанію наемщика возобновить договоръ на послѣдующее время,*" представляется не лишеннымъ интереса. Повѣренный домовладѣльца Якова Дюволь, просилъ о понужденіи прусской подданной Берты Вольгемутъ къ очисткѣ занимаемой ею въ домѣ Дюволь квартиры, основываясь на 2-мъ пунктѣ контракта, по которому, въ случаѣ неисправности Вольгемутъ въ платежѣ, хозяинъ воленъ отказать ей отъ крартиры. Повѣренный отвѣтчицы иска этого не призналъ на томъ основаніи, что Вольгемутъ о желаніи возобновить контрактъ заявила Дюволю за 3 мѣсяца до срока, а по 10 п. контракта, при такомъ заявленіи Дюволь обязался возобновить контрактъ на прежнихъ условіяхъ и что принятіемъ акуратно платимыхъ денегъ, Дюволь потерялъ право требовать очистки квартиры. С.-Петербургскій столичный мировой съѣздъ, опредѣляя силу и значеніе условія, выраженнаго въ 10 п. контракта, на основаніи существующихъ узаконеній, нашелъ, что согласно 1528 ст. X т. 1 ч., договоры составляются по взаимному согласію договаривающихся лицъ, слѣдовательно никто не можетъ быть присужденъ къ совершенію какого-либо акта, хотя бы къ тому былъ

обязанъ предъидущимъ договоромъ и неисполненіе сего послѣдняго обязательства даетъ только право противной сторонѣ на взысканіе убытковъ отъ сего происшедшихъ (ст. 684 т. X ч. 1.). Въ виду сего и принимая во вниманіе, что срокъ контракта истекъ, а съ нимъ и право Вольгемутъ на квартиру прекратилось, съѣздъ не призналъ за нею права оставаться далѣе на квартирѣ, такъ какъ въ противномъ случаѣ были бы нарушены права владѣнія, Дюволь по распоряженію его собственнностью. По сему и руководствуясь 81 и 129 ст. уст. граж. суд. съѣздъ опредѣлилъ: обязать Вольгемутъ квартиру очистить и взыскать съ нее въ пользу Дюволь за прожитое послѣ срока время по разсчету.

Въ рѣшеніи сената, состоявшемся вслѣдствіе подачи жалобы повѣреннымъ Вольгемутъ между прочимъ сказано: мировой съѣздъ, основываясь на 1528 ст. X т. 1 ч., совершенно правильно призналъ, что нельзя принудить Дюволь къ заключенію новаго договора, неисполненіе же прежняго приговора даетъ только право, по силѣ 684 ст. того же тома и части, на взысканіе убытковъ отъ сего происшедшихъ, и что посему, соображеніями этими мировой съѣздъ нисколько не нарушилъ ни 570 и 1536, ни 1547 и 1705 ст. X т. 1 ч. и т. д. (кас. рѣш. 1870 года. № 44 стран. 74). По кассаціонной жалобѣ повѣреннаго прусской подданной Берты Вольгемутъ поневѣжскаго гражданина Моисея Эйзена на рѣшеніе С.-Петербургскаго столичнаго мироваго съѣзда.

2) Оставленіе жильцомъ квартиры до истеченія срока найма не даетъ права домовладѣльцу требовать денегъ за недожитое время, если подобное право не предоставлено домовладѣльцу самымъ договоромъ, а даетъ только право на взысканіе убытковъ за нарушеніе договора оставленіемъ квартиры до истеченія срока найма. Этотъ тезисъ какъ намъ кажется можетъ быть извлеченъ изъ рѣш. гражд. кассац. деп. сената за 1870 г. № 84 стран. 155. По кассаціонной жалобѣ коллежскаго секретаря Петра Матвѣева на рѣшеніе С.-Петербургскаго столичнаго мироваго съѣзда.

3) Земля можетъ быть отдана въ наймы крестьянамъ (?) и безъ письменнаго условія на основаніи 8 п. Высочайше утвержденнаго мнѣнія государств. совѣта 19 февр. 1861 года относительно отчужденія, передачи по наслѣдству и отдачѣ въ залогъ и аренду населенныхъ помѣщичьихъ земель и имѣній, по изданіи положеній о крестьянахъ вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости; въ случаѣ предусмотрѣнномъ 8 п. означеннаго законоположенія на основаніи 409 ст. уст. гражд. суд. могутъ быть допущены свидѣтельскія показанія въ доказательство существованія договора. Вышепоименнованный 8 п. имѣетъ примѣненіе и для государственныхъ крестьянъ. Бузулукскій мировой съѣздъ, при разсмотрѣніи дѣла по иску крестьянъ Кривоногина съ товарищами на купеческаго сына Тачкина за землю отданную подъ посѣвъ хлѣба, нашелъ, что изъ правила 1700 ст. 1 ч. X т. о совершеніи письменнаго договора на отдачу въ наемъ земли допущено изъятіе для крестьянъ

Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта 19 февраля 1861 года объ отдачѣ помѣщичьихъ земель въ аренду п. 8, слѣдовательно принятіе по сему дѣлу свидѣтельскихъ показаній согласно 409 ст. уст. гр. суд. Возражая противъ сего въ жалобѣ на рѣшеніе съѣзда Тачкинъ утверждаетъ, что вышеприведенный законъ примѣненъ къ дѣлу не правильно, ибо онъ относится только до бывшихъ помѣщичьихъ, а не до государственныхъ крестьянъ.

По выслушаніи заключенія товарища оберъ-прокурора, правительствующій сенатъ признаетъ означенное возраженіе неосновательнымъ, поелику на государственныхъ крестьянъ Высочайше утвержденнымъ положеніемъ 18 января 1866 года распространена сила крестьянскихъ учрежденій, по положенію 19 февраля 1861 г. и дополнительнымъ къ оному постановленіямъ. По симъ соображеніямъ правительствующій сенатъ опредѣляетъ: жалобу Тачкина оставить безъ послѣдствій (кас. рѣш. 1870 г. № 512 стран. 904. По кассаціонной жалобѣ купеческаго сына Никиты Тачкина на рѣшеніе Бузулукскаго мироваго съѣзда).

Для поясненія смысла вышеприведеннаго рѣшенія считаемъ не лишнимъ выписать самый 8 п. вышеприведеннаго мнѣнія госуд. совѣта, на который дѣлается ссылка въ рѣшеніи кассац. деп. Въ этомъ 8 п. сказано слѣдующее: *письменные договоры по найму крестьянами, какъ каждымъ отдѣльно, такъ и цѣлыми обществами, земельныхъ участковъ у помѣщиковъ, на земляхъ коихъ они водворены, на сроки до двѣнадцати лѣтъ, могутъ быть писаны на простой бумагѣ и свидѣтельствуемы въ волостныхъ правленіяхъ; по словеснымъ же условіямъ крестьяне могутъ нанимать земли у помѣщиковъ и у лицъ постороннихъ на кратковременный срокъ, не свыше трехъ лѣтъ. Такія словесныя условія договаривающихся, могутъ быть совершаемы на основаніи ст. 91 общаго положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости.*" Въ статьѣ же 19 общаго положенія сказано: „при волостномъ правленіи, кромѣ книги, упомянутой въ предъидущей статьѣ ведутся: 1) книга приговоровъ волостнаго схода; 2) книга рѣшенія волостныхъ и третейскихъ судовъ (ст. 100, 107 и 108), и 3) книга сдѣлокъ и договоровъ. Въ сію книгу вносятся, по желанію договаривающихся сторонъ, всякаго рода сдѣлки и обязательства (на суммы не свыше трехъ-сотъ рублей), заключенныя крестьянами какъ между собою, такъ равно съ помѣщикомъ или посторонними лицами, когда такія сдѣлки и обязательства объявлены въ присутствіи не менѣе двухъ свидѣтелей и подписаны обѣими договаривающимися сторонами, или по просьбѣ ихъ, кѣмъ-либо другимъ, за неумѣніемъ грамотѣ. Записи, внесенныя въ сію книгу, а равно выдаваемыя съ нихъ засвидѣтельствованныя копіи, имѣютъ въ случаѣ спора, силу судебнаго доказательства, если признаются дѣйствительными (неподложными)."

4) Примѣненіе 81 и 112 ст. уст. гражд. суд. при взысканіи квартирной платы съ жильца, нашло приложеніе въ рѣшеніи гражд. кассац.

деп. сената которое мы и выписываемъ Дмитріевскій (Курск. губерніи) мировой съѣздъ присудилъ Андреевой взысканіе съ Голубова неуплаченныхъ за квартиру денегъ, принявъ на видъ, что повѣренный отвѣтчика не отвергалъ ни найма квартиры, ни количества наемной платы, ни продолжительности квартированія по показанію истицы, а уплату за квартированіе не доказалъ. Въ семъ рѣшеніи съѣзда не оказывается нарушенія приведенной съѣздомъ 1700 ст. 1 ч. X т., ибо поелику той статьею предоставлено на волю сторонъ, входить въ словесные договоры о наймѣ городскихъ строеній, то изъ сего не слѣдуетъ, за силою 1 ст. уст. гр. суд., чтобы искъ по такимъ договорамъ не подлежалъ принятію на судъ; но независимо отъ сего, въ обсужденіи представленныхъ доказательствъ, рѣшеніе мироваго съѣзда оказывается несогласнымъ съ точнымъ смысломъ 81 и 112 ст. уст. гр. суд.—По силѣ 81 ст. отвѣтчикъ обязанъ подтвердить доводами свои возраженія въ томъ случаѣ, когда требованія истца основаны на доказательствахъ; но въ семъ дѣлѣ судъ извлекъ удостовѣреніе бывшаго между сторонами договора единственно изъ признанія отвѣтчика, въ коемъ сей послѣдній, не отвергая, что жилъ у истца на показанныхъ условіяхъ, въ тоже время утверждалъ, что совсѣмъ съ нимъ расчелся. Въ такихъ обстоятельствахъ отрицаніе отвѣтчика имѣло одинаковую силу съ утвержденіемъ истца и ни одной изъ сторонъ не было основанія, за силою 81 ст., присвоить преимущество. По симъ соображеніямъ, правительствующій сенатъ опредѣляетъ: отмѣнивъ рѣшеніе Дмитріевскаго мироваго съѣзда, передать дѣло, для новаго рѣшенія, въ съѣздъ Фатежскихъ мировыхъ судей, (рѣш. гражд. кассац. деп. сената за 1870 г. № 879 стран. 1484 — 1485. По кассац. жалобѣ крестьянина Михаила Голубова на рѣшеніе Дмитріевскаго мироваго съѣзда).

А. Хоткевичъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ВѢСТНИКА

О СОВОКУПНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНІЙ.

(ИЗЪ ЗАМѢТОКЪ МИРОВАГО СУДЬИ).

Въ ряду вопросовъ возникающихъ въ практикѣ мировыхъ судебныхъ установленій, не послѣднее мѣсто занимаетъ вопросъ объ опредѣленіи наказаній по совокупности совершенныхъ подсудимымъ преступныхъ дѣяній. Совершеніе однимъ и тѣмъ же лицомъ, въ одно или разное время, нѣсколькихъ преступленій есть явленіе весьма обыкновенное во всѣхъ странахъ; но у насъ, въ Россіи, вслѣдствіе нѣкоторыхъ особенностей въ нашей народной жизни и въ нашемъ законодательствѣ, явленіе это пріобрѣтаетъ особенное значеніе. По нашему закону (ст. 131, 133 и 152 ул. о нак.) всѣ преступленія одного и того же лица, совершенныя до или во время суда но, во всякомъ случаѣ до наказанія за которое либо изъ нихъ—подлежатъ наказанію по совокупности, т.-е. одному за всѣ преступленія а не отдѣльному за каждое. Хотя 133 ст. улож. о нак. и даетъ нѣкоторое основаніе къ заключенію, что преступленіе совершенное послѣ суда, но до приведенія въ исполненіе приговора, наказывается не по совокупности а отдѣльно какъ рецидивъ, но 131 и 152 ст. улож. о нак. и рѣшенія кассаціоннаго сената 1867 г. за № 499 и 1869 г. за № 1091, подкапываютъ совершенно такое заключеніе и утверждаютъ правило по которому для примѣненія законовъ о повтореніи преступленій требуется не только окончаніе суда, но и приведеніе въ исполненіе приговора о наказаніи. Только въ отношеніи преступленій совершаемыхъ во время выполненія наказанія сенатъ допускаетъ примѣненіе законовъ о повтореніи преступленій (рѣш. кас. деп. 1870 г. № 1647). Такое широкое опредѣленіе понятія о совокупности преступленій, въ практическомъ своемъ примѣненіи порождаетъ большія неудобства. Выше мы упомянули, что по нѣкоторымъ условіямъ нашей народной жизни вопросъ о совокупномъ наказаніи нѣсколькихъ преступленій у насъ имѣетъ особенное значеніе. Дѣйствительно: гро-

мадность нашихъ пространствъ, разбросанность населенныхъ мѣстъ, несостоятельность паспортной системы, привычка нашего народа къ кочевой жизни, неудовлетворительное состояніе сельской полиціи, наклонность къ самоуправной расправѣ съ преступниками и боязнь суда и всякой власти—вотъ тѣ условія, благодаря которымъ, множество преступленій остаются негласными и не доходятъ до судебной власти, обнаруживаются нерѣдко спустя долгое время послѣ ихъ совершенія. Черезъ это выходитъ то, что приходится судить первое преступленіе подсудимаго уже въ то время, когда второе осуждено другимъ судебнымъ мѣстомъ и приговоръ приведенъ въ исполненіе. Особенно часто это случается въ уѣздахъ, лежащихъ на границѣ нѣсколькихъ губерній. Совершивъ преступленіе въ одной губерніи, преступникъ переходитъ въ другую губернію и тамъ совершаетъ новое преступленіе, за которое привлекается къ суду, о прежнемъ своемъ дѣлѣ онъ конечно умалчиваетъ и приговаривается къ наказанію за одно второе преступленіе. Въ то время когда наказаніе надъ нимъ уже исполнено—открываются слѣды его перваго дѣянія, возбуждается производство, оказывается что онъ уже отбылъ наказаніе за преступленіе совершенное послѣ того которое разсматривается и суду приходится опредѣлять наказаніе по правиламъ о совокупности, съ принятіемъ въ соображеніе уже отбытаго наказанія, и если это послѣднее было назначено въ высшемъ предѣлѣ (напр. за мошенничество, въ мировомъ судѣ, заключеніе въ тюрьмѣ на 6 мѣсяцевъ по 175 ст. уст. о наказ.) то все производство является непроизводительнымъ толченіемъ воды, такъ какъ наказанія уже ни какого нельзя опредѣлить. Такіе приговоры конечно раждаютъ недовѣріе въ народѣ къ суду и еще болѣе отбиваютъ охоту доводить до свѣдѣнія властей о совершенныхъ преступленіяхъ. Бываютъ, далѣе, такіе случаи: совершаетъ одно и тоже лицо три кражи. Между каждой изъ этихъ кражъ проходитъ долгое время, иногда по нѣскольку мѣсяцевъ; всѣ три кражи простыя, подсудныя мировымъ судьямъ. Сначала обнаруживаются двѣ первыя кражи за которыя опредѣляется подсудимому наказаніе. Послѣ отбытія этого наказанія обнаруживается третья, по времени совершенія, кража. Хотя эту третію кражу судятъ послѣ суда и наказанія за двѣ первыя, она все таки не признается кражею въ третій разъ, предусмотрѣнною въ ст. 1655 улож. о нак. и наказаніе за нее должно быть опредѣлено по совокупности всѣхъ трехъ кражъ, такъ какъ всѣ онѣ совершены до суда и наказанія за которую либо изъ нихъ. Между тѣмъ, если бы преступникъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности за двѣ первыя кражи своевременно, то третья кража совершенная имъ послѣ суда и наказанія за двѣ первыя, подвергала бы виновнаго наказанію по 1655 ст. улож. о нак. Обозрѣвая, далѣе, практическое примѣненіе законовъ о совокупности преступленій, мы встрѣчаемъ въ нашей практикѣ слѣдующій казусъ: преступникъ былъ приговоренъ окружнымъ судомъ за покушеніе на кражу къ тюремному заключенію на 8 мѣсяцевъ.

Впредь до вступленія приговора въ законную силу подсудимый оставленъ былъ на порукахъ. Передъ самымъ обращеніемъ приговора къ исполненію подсудимый совершилъ новую простую кражу, подсудную мировымъ установленіямъ. Когда были посланы мировымъ судьею повѣстки о вызовѣ къ суду, оказалось что приговоръ окружнаго суда уже обращенъ къ исполненію. Мировой судья руководствуясь 133 и 152 ст. ул. о нак. и 205 ст. у. у. с. передалъ дѣло судебному слѣдователю. Спрашивается, что долженъ дѣлать съ такимъ дѣломъ окружный судъ; неужели необходимо производить дѣло установленнымъ порядкомъ въ публичномъ засѣданіи съ присяжными засѣдателями и разрѣшать вопросъ о виновности подсудимаго въ его новомъ преступленіи, за которое онъ подлежитъ наказанію непревышающему опредѣленнаго первымъ приговоромъ? Въ нашемъ законодательствѣ нѣтъ никакихъ правилъ для разрѣшенія подобныхъ затрудненій, между тѣмъ на практикѣ подобные случаи возникаютъ весьма часто. Въ судебной практикѣ мировыхъ установленій бываютъ еще вотъ какіе случаи: обвиняемый въ буйствѣ, самоуправствѣ и личномъ оскорбленіи приговаривается по 142 ст. ул. о нак. къ аресту на три мѣсяца. Съѣздъ утверждаетъ приговоръ мироваго судьи. На приговоръ съѣзда подсудимый подаетъ кассаціонную жалобу; дѣло переходитъ въ сенатъ; проходитъ полгода; подсудимый совершаетъ новое буйство и самоуправство. Подвергнуть личному задержанію его нельзя по 77 ст. у. у. с. Сужденіе о новомъ преступленіи откладывается до разрѣшенія сенатомъ кассаціонной жалобы. Наконецъ приходитъ дѣло изъ сената. Приходится постановлять приговоръ по совокупности преступленія и объявлять оный съ правомъ жалобы сначала въ съѣздъ, а потомъ въ сенатъ. Подсудимый остается на свободѣ и можетъ совершать преступленія до безконечности, особенно если сообразить, что этимъ путемъ онъ можетъ достигнуть полной безнаказанности всѣхъ своихъ преступленій.

Все сказанное нами указываетъ, по нашему мнѣнію, настоятельную необходимость въ дополненіи нашихъ законовъ о совокупности преступленій и приведеніи ихъ въ большее соотвѣтствіе съ требованіями дѣйствительной жизни.

А. Обнинскій.

19 ноября 1871 г.
г. Боровскъ.

на предъявителя или на имя неизвѣстнаго, подлежатъ ли возвращенію отъ лицъ, добросовѣстно ихъ пріобрѣтшихъ, по требованію тѣхъ лицъ, у которыхъ онѣ были похищены?“ *).

Въ настоящее время въ Петербургѣ есть только *октябрьская* книжка издаваемаго Обществомъ журнала, слѣдовательно ожидать скораго появленія на страницахъ онаго протокола засѣданія декабрьскаго, скоро нельзя. Между тѣмъ рѣшеніе этого вопроса, разносторонне разсмотрѣннаго людьми компетентными, спеціально образованными, взглянувшими на вопросъ съ теоретической и практической его стороны—весьма важно какъ вообще, такъ и въ частности въ виду описаннаго мною случая.

Вслѣдствіе сего я рѣшился обратиться къ вашему превосходительству, какъ просвѣщенному предсѣдателю Общества, съ покорнѣйшею просьбою: не признаете ли вы, милостивый государь, возможнымъ приказать сообщить мнѣ копію съ разсужденій Общества по упомянутому вопросу и съ рѣшенія, имъ принятаго?

Во всякомъ случаѣ положительное или отрицательное рѣшеніе Обществомъ вопроса можетъ имѣть вліяніе на исходъ моего процесса, ибо, при отсутствіи положительныхъ для него данныхъ въ законѣ, нѣтъ сомнѣнія, должны имѣть мѣсто тѣ юридическія соображенія, кои положены въ основу выводовъ Общества, заключенія котораго пріобрѣли себѣ уваженіе въ глазахъ образованной публики.

Это рѣшеніе заставитъ, быть можетъ, кого слѣдуетъ обратить вниманіе на лучшую организацію у насъ торговли денежными бумагами, находящуюся, какъ ежедневный опытъ подтверждаетъ, въ состояніи полнаго безобразія. Наши банкирскія конторы, мѣняльныя лавки, ссудныя кассы, гласныя и не гласныя, завѣдомо покупаютъ и продаютъ краденыя бумаги, а всѣ послѣдствія этой выгодной для нихъ операціи падаютъ на несчастныхъ покупателей.

Все вышеизложенное внушаетъ мнѣ надежду, что ваше превосходительство удостоите благосклоннымъ вниманіемъ вашимъ настоящую покорнѣйшую мою просьбу.

Еслибы для списанія копіи потребовались какіе-либо расходы, то таковые будутъ возвращены мною по требованію немедленно.

Примите и пр.

С. Лапшинъ.

С.-Петербургъ, 6 февраля, 1872 г.

---

*) 7 февраля 1872 г. вопросъ: „Государственныя бумаги, акціи и облигаціи акціонерныхъ компаній, выданныя на предъявителя или на имя неизвѣстнаго, подлежатъ ли возвращенію отъ лицъ добросовѣстно ихъ пріобрѣтшихъ, по требованію тѣхъ лицъ, у которыхъ они были похищены? (Ст. 1664 улож. о наказ.)“ разрѣшенъ Обществомъ утвердительно. *Ред.*

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Милостивый государь

Василій Николаевичъ!

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1870 г. въ С.-Петербургѣ, у архитектора Бернгардта, была произведена, на значительную сумму, кража разныхъ денежныхъ документовъ, въ числѣ коихъ находилось 20 временныхъ свидѣтельствъ Общества Балтійской желѣзной дороги и изъ нихъ *четыре*, въ январѣ 1871 г., *путемъ законной покупки*, дошли ко мнѣ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1871 г., когда въ С.-Петербургскомъ Обществѣ Взаимнаго Кредита происходилъ обмѣнъ означенныхъ временныхъ свидѣтельствъ на постоянныя акціи, изготовленныя для меня акціи были отосланы къ судебному слѣдователю, производившему слѣдствіе по дѣлу г. Бернгардта.

Подобная участь постигла и другихъ.

У судебнаго слѣдователя, *я, счетомъ продавца* содержателя мѣняльной лавки, купца 1-й гильдіи, признавшаго и *меня*, какъ купившаго у него бумаги, и *счетъ*, имъ подписанный и очною съ нимъ ставкою, доказалъ *законность* моей покупки.

Отбирая у меня и у другихъ наши, *законно* пріобрѣтенные документы, судебный слѣдователь опирался на 1664 ст. улож. о нак. (1866 г.).

Нынѣ слѣдствіе по настоящему дѣлу закончено: преступникъ *не открытъ*, а есть лишь лицо, *подозрѣваемое въ укрывательствѣ кражи.*

Я просилъ товарища прокурора возвратить отобранныя у меня бумаги и обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство: насколько вслѣдствіе неотысканія преступника, примѣнима къ настоящему случаю ст. 1664 уложенія.

Временныя свидѣтельства Балтійской дороги, а затѣмъ акціи оной, *не именныя*, а *на предъявителя.*

Неоднократныя обращенія мои къ разнымъ петербургскимъ повѣреннымъ съ вопросомъ: подлежатъ ли, при настоящемъ положеніи дѣла, отобранныя у меня акціи возврату г. Бернгардту или мнѣ—оставались безъ отвѣта.

Между тѣмъ изъ „Московскихъ Вѣдомостей“ я узналъ, что въ засѣданіи Московскаго Юридическаго Общества, бывшемъ 20 декабря прошлаго года, былъ предложенъ къ обсужденію оиаго вопросъ, совершенно тождественный съ описаннымъ мною случаемъ, а именно: „Государственныя бумаги, акціи и облигаціи акціонерныхъ компаній, выданныя

